

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Институт философии Российской академии наук

*На правах рукописи*

Чижков Николай Сергеевич

**Философские идеи Н.М. Карамзина:  
становление, сущность и их оценка в истории русской мысли**

Специальность 5.7.2. История философии

Диссертация  
на соискание учёной степени  
кандидата философских наук

Научный руководитель:  
к.филос.н. Сидорин Владимир Витальевич

Москва – 2023

## Оглавление

<b>Введение</b> -----	3
<b>Глава I. Основы и источники философского мировоззрения Н.М. Карамзина</b> -----	30
§ 1. Ранний этап формирования мировоззрения Н.М. Карамзина, общефилософские представления о мире и его познании -----	30
§ 2. Истоки социально-философского мировоззрения Н.М. Карамзина -----	41
§ 2.1. Влияние идей французского Просвещения и их критика -----	42
§ 2.2. Влияние немецкого Просвещения: дух народа и нравственный закон ----	47
§ 3. Законы реального мира и нравственный закон -----	54
<b>Глава II. Социальная и политическая философия Н.М. Карамзина</b> -----	60
§ 1. Двойственная концепция свободы Н.М. Карамзина -----	60
§ 2. Идея Провидения в философии истории Н.М. Карамзина -----	83
§ 3. Историческая миссия монархии -----	87
§ 4. Идея всеобщего просвещения и социальная эволюция в концепции Н.М. Карамзина-----	94
<b>Глава III. Основные этапы и методологические подходы к исследованию идейного наследия Н.М. Карамзина в отечественной традиции</b> -----	101
§ 1. Исследования творчества Н.М. Карамзина в русской дореволюционной мысли -----	101
§ 2. Наследие Н.М. Карамзина в русской эмигрантской литературе -----	116
§ 3. Осмысление наследия Н.М. Карамзина в советской литературе-----	131
§ 4. Современные российские исследования философского и социально- политического наследия Н.М. Карамзина-----	141
<b>Заключение</b> -----	152
<b>Библиография</b> -----	157

## ВВЕДЕНИЕ

### *Актуальность темы исследования*

Постоянный интерес к наследию Н.М. Карамзина (1766–1826) определяется тем непреходящим значением, которое его труды имели и имеют до сих пор для формирования нашего национального самосознания, национальной культуры и науки. Актуальность выбранной темы исследования связана в первую очередь с недостаточной изученностью его философской и социально-политической мысли, её истоков и значения для развития отечественной мысли. Выбранная тема исследования актуальна также и потому, что многие проблемы, поднятые Н.М. Карамзиным, такие как: революция и эволюция, национальная идентичность и её истоки, национальная культура и пределы внешнего на неё влияния, образование и политические свободы, народ и власть, нравственный облик власти, взаимосвязь либеральных и консервативных идей и ценностей, а также многие другие вопросы и проблемы становятся сегодня вновь предметом обсуждения и общественных дискуссий. При этом далеко не всегда точка зрения Н.М. Карамзина излагается адекватно, а иногда и умышленно фальсифицируется. Поэтому сегодня важно восстановить подлинную точку зрения Карамзина, его позицию по тем или иным вопросам российской жизни и российского общества, по вопросам о путях и перспективах его развития, избегая при этом политической и идеологической ангажированности. Весьма актуальным представляется сегодня и изучение полемики вокруг идей Н.М. Карамзина в истории XIX и XX вв., что может дать возможность оценить то, как его философские идеи повлияли на развитие русской философии в целом.

### *Степень разработанности темы исследования*

К числу наиболее значимых дореволюционных исследований философских, социально-политических идей и в целом мировоззрения Н.М. Карамзина можно отнести исследования А.Н. Пыпина<sup>1</sup>, Н.А. Полевого<sup>2</sup>, Н.В. Шелгунова<sup>3</sup>,

---

<sup>1</sup> Пыпин А.Н. Очерки общественного движения при Александре I // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 498–576.

С.С. Шашкова<sup>4</sup>, Н.Н. Булича<sup>5</sup>, Н.И. Надеждина<sup>6</sup>, В.Г. Белинского<sup>7</sup>, К.С. Аксакова<sup>8</sup>,  
А.С. Хомякова<sup>9</sup>, Я.К. Грота<sup>10</sup>, С.М. Соловьёва<sup>11</sup>, А.И. Герцена<sup>12</sup>, Н.Н. Страхова<sup>13</sup>,

<sup>2</sup> *Полевой Н.А.* О новейших критических замечаниях на Историю государства Российского, сочинённую Карамзиным // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 128–133; *Полевой Н.А.* Литературные опасения за кое-что (всё на свете суета) // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 134; *Полевой Н.А.* История государства Российского. Сочинение Карамзина. СПб. Томы I–VIII, 1816 года, IX, X, XI, 1821 г., XII, 1829 года (первые восемь томов напечатаны вторым изданием в 1816 и 1819 годах) // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 134–152; *Полевой Н.А.* О критике г-на Арцыбашева на «Историю государства Российского», сочинённую Н.М. Карамзиным. Из сочинений С. Руссова. СПб., 1829 // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 153–155; *Полевой Н.А.* Борис Годунов. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1831 // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 493–497.

<sup>3</sup> *Шелгунов Н.В.* Народник Якушкин // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 241; *Шелгунов Н.В.* Люди сороковых и шестидесятых годов // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 576; *Шелгунов Н.В.* Попытки русского сознания. Сантиментализм и Карамзин // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 576–581.

<sup>4</sup> *Шашков С.С.* Движение русской общественной мысли в начале XIX в. // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 582–587.

<sup>5</sup> *Булич Н.Н.* Биографический очерк Н.М. Карамзина и развитие его литературной деятельности. Казань: Унив. тип., 1866.

<sup>6</sup> *Надеждин Н.И.* Об исторических трудах в России // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 225–226.

<sup>7</sup> *Белинский В.Г.* История государства Российского, сочинение Н.М. Карамзина // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 228–232; *Белинский В.Г.* Литературные мечтания // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 315–322; *Белинский В.Г.* Очерки русской литературы. Соч. Николая Полевого // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 324; *Белинский В.Г.* Сто русских литераторов // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 325–326; *Белинский В.Г.* Русская литература в 1841 году // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 326–331; *Белинский В.Г.* Речь о критике. Статья третья // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 331–332; *Белинский В.Г.* Русская литература в 1844 году // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 332–333; *Белинский В.Г.* Тарантас. Путевые впечатления // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 335–336; *Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина. Санкт-Петербург. Одиннадцать томов // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 336–355; *Белинский В.Г.* Русская литература в 1845 году // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 355–357; *Белинский В.Г.* Николай Алексеевич Полевой // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 358–362.

<sup>8</sup> *Аксаков К.С.* О Карамзине. Речь, написанная для произнесения перед симбирским дворянством // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 642–655.

<sup>9</sup> *Хомяков А.С.* Мнение русских об иностранцах // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 478–479; *Хомяков А.С.* Речи, произнесённые в Обществе любителей Российской словесности // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 480.

М.П. Погодина<sup>14</sup>, А.И. Тургенева<sup>15</sup>, П.А. Вяземского<sup>16</sup>, М.Т. Каченовского<sup>17</sup>, В.О. Ключевского<sup>18</sup>, И.А. Линниченко<sup>19</sup>. При этом с так называемой прогрессивной точки зрения наиболее резкой критике философские и социально-

<sup>10</sup> Грот Я.К. Очерк деятельности и личности Карамзина // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 672–688.

<sup>11</sup> Соловьёв С.М. Исторические поминки по историке // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 235–240.

<sup>12</sup> Герцен А.И. О Развитии революционных идей в России // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 233–234.

<sup>13</sup> Страхов Н.Н. Вздох на гробе Карамзина (Письмо в редакцию «Зари») // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 377–400.

<sup>14</sup> Погодин М.П. Историческое похвальное слово Карамзину, произнесённое при открытии ему памятника в Симбирске, августа 23 1845 года, в собрании симбирского дворянства академиком М. Погодиным // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 605–641; Погодин М.П. Письмо к издателю «Московского вестника» и ответ издателя // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 181–185; Погодин М.П. Несколько объяснительных слов от издателя // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 185–190; Погодин М.П. Письмо из Симбирска об открытии памятника Карамзину // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 591–605.

<sup>15</sup> Тургенев А.И. Письмо к Н.И. Тургеневу в Гёттинген // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 89; Тургенев А.И. Заслуги Карамзина, исторического исследователя и исторического писателя // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 90–93; Тургенев А.И. О Карамзине и молчании о нём литературы нашей // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 466–467.

<sup>16</sup> Вяземский П.А. Записные книжки // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 456; Вяземский П.А. Отметки при чтении «Исторического похвального слова Екатерине II», написанного Карамзиным // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 481–488; Вяземский П.А. Стихотворения Карамзина // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 292–300; Вяземский П.А. Несколько слов на замечания г. Арцыбашева, перепечатанные в 19 и 20 номерах «Московского вестника» 1828 года // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 171–176; Вяземский П.А. Из старой записной книжки // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 176–178; Вяземский П.А. Поздняя редакция статьи «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина» // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 178–181; Вяземский П.А. Из старой записной книжки // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 82; Вяземский П.А. О письмах Карамзина // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 82–86.

<sup>17</sup> Каченовский М.Т. От Киевского жителя к его другу (письмо I) // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 98–100; Каченовский М.Т. История государства Российского. Том XII // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 100–102; Каченовский М.Т. Некрология // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 464–465.

<sup>18</sup> Ключевский В.О. Н.М. Карамзин // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 242–244.

<sup>19</sup> Линниченко И.А. Политические воззрения Н.М. Карамзина. К столетию выхода в свет «Истории государства Российского» // Голос минувшего. 1917. № 1. С. 116–134.

политические взгляды и идеи Карамзина были подвергнуты Александром Николаевичем Пыпиным. С крайне консервативных позиций Карамзина критиковал П.И. Голенищев-Кутузов<sup>20</sup>. Критика эта, правда, ограничивалась упрёками в вольнодумстве, безбожии, якобинстве и других «преступлениях». Особое возмущение этого критика вызывали содержащиеся в трудах Карамзина обвинения «помазанников Божьих» в злодействах. Остальные же представители отечественной мысли осуществляли умеренную критику Карамзина, пытаясь выявить не только недостатки его позиции, но и найти аргументы в пользу некоторых идей историографа.

А.Н. Пыпин является одним из ведущих дореволюционных критиков философских и социально-политических взглядов Н.М. Карамзина. Отмечая масонские корни мировоззрения Карамзина, Пыпин считает, что он не смог до конца понять идеи ни французских, ни немецких просветителей. Поэтому все общественно-политические идеи и ценности Карамзина, за исключением консервативно-охранительных, он считает фальшивыми и неискренними. По мнению Пыпина, Карамзин, восторгаясь республиканскими идеалами, совершенно не понимает их истинный смысл и считает эту часть его наследия заблуждениями молодости. В целом мировоззрение Карамзина Пыпину представляется пережитком прошлого и бесполезным в нынешнее время.

Н.А. Полевой в основном подверг резкой критике «Историю государства Российского» Карамзина, обвинив его в излишнем романтизме и в отходе от исторической действительности. Понимая историю как «практическую проверку философских понятий о мире и человеке»<sup>21</sup>, он решает написать «Историю русского народа»<sup>22</sup>, тем самым противопоставив народ и государство в укор Карамзину. Эту попытку поддержал революционный демократ Н.В. Шелгунов,

---

<sup>20</sup> *Голенищев-Кутузов П.И.* Письмо министру народного просвещения гр. Разумовскому (1810) // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 491–492.

<sup>21</sup> *Полевой Н.А.* История государства Российского. Сочинение Карамзина. СПб. Томы I–VIII, 1816 года, IX, X, XI, 1821 г., XII, 1829 года (первые восемь томов напечатаны вторым изданием в 1816 и 1819 годах) // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 139.

<sup>22</sup> *Полевой Н.А.* История русского народа Т. 1–6. М.: Типография Августа Семена, 1829–1833.

охарактеризовав Полевого как достойного и «сильного противника» карамзинской исторической концепции. Называя Карамзина «западником»<sup>23</sup> и «крайним государственным»<sup>24</sup>, Шелгунов критикует историографа за то, что он, воспользовавшись огромным воспитательным влиянием, внёс «много фальши» в сознание русской народности и отправил Россию в мировую жизнь с ложным народным идеалом.

Ещё более жёсткую позицию занимает С.С. Шашков. Обвиняя Карамзина в защите крепостничества и борьбе с всеобщим просвещением и образованием, он считает, что историограф был гораздо менее искренним, чем консерваторы-современники Шашкова. По его мнению, современные консерваторы открыто и честно борются против просвещения и всяческих политических свобод в государстве, а Карамзин это делал, прикрываясь такими понятиями, как «гражданские права» и «политические свободы». Шашков тем самым уличает Карамзина в лицемерии. Он считает, что историограф действительно в молодости был «поклонником европейской цивилизации» и человеком, глубоко в душе разделявшим республиканские идеалы, но обдумав перспективы такого развития страны, испугался за себя и своё будущее. Будучи представителем высшего сословия, он боялся возможных перемен в обществе, связанных с неизбежным лишением его привилегированного статуса. Такой подход радикальных демократов к пониманию идей и в целом мировоззрения Карамзина подхватили уже после революции, и он доминировал в общественном сознании вплоть до середины XX века.

Сторонники Карамзина, принимая во внимание справедливую критику его исторического исследования, пытаются осмыслить в его трудах в первую очередь философские и социально-политические идеи, которые касаются «науки о России», и его понимание путей возможного исторического развития страны. Его сторонники-современники видят основной подвиг Карамзина в том, что, преодолевая препятствия невежества в нашей стране, Николай Михайлович

---

<sup>23</sup> Шелгунов Н.В. Народник Якушкин // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 241.

<sup>24</sup> Там же.

проложил путь своим младшим последователям, пробудив у них интерес к литературе и прошлому страны. Его воспитанник П.А. Вяземский считает, что своей научной деятельностью Карамзин задал основные векторы развития философии истории в России, которые будут актуальны ещё очень долгое время.

Его более поздние сторонники, соглашаясь с упрёками в адрес «Истории...»<sup>25</sup> Карамзина, считали их по большей части дельными и справедливыми, но призывали взглянуть на его наследие с другой стороны. Так, В.Г. Белинский считает, что большинство критиков не обращают внимания на очень важный момент, а именно на значение, которое «История государства Российского» сыграла для отечественной литературы и исторической науки. Для Белинского «История...» Карамзина была социально значимым исследованием, в первую очередь благодаря полемике, которая велась после её опубликования. Это дало толчок развитию отечественной исторической науки и пробудило у соотечественников интерес к прошлому, настоящему и возможному будущему России. Его желание рассказать России о ней самой, пишет Белинский, «с лихвою выкупает все недостатки»<sup>26</sup>, которые находят в его работе критики.

Одним из основных сторонников Карамзина был М.П. Погодин. Особо отмечая гражданскую и общечеловеческую позицию Карамзина, он считает, что историограф, столкнувшись с проблемой изложения своих мыслей на родном языке, стал продолжателем дела Ломоносова в области языкознания и умело завершил начатые им преобразования. Особое внимание Погодин уделяет рассуждениям Карамзина о цензуре, считая их несомненно правильными, и соглашается с ним, что цензура нужна не для запретов, а для поиска истины, чтобы мысли человека направить в нужное русло.

С.М. Соловьёв, как и М.П. Погодин, встаёт на сторону Карамзина и считает, что он был человеком, который завершил дело Ломоносова, внося важный вклад в развитие не только отечественной литературы, но и исторической науки. Помимо

---

<sup>25</sup> Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 1–12: История государства Российского. М.: Terra, 2009.

<sup>26</sup> Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 226.



этого, по мнению Соловьёва, историограф сделал важный шаг в сторону осмысления российской государственности. Именно Карамзин, пишет Соловьёв, доказал нашим соотечественникам, что, только объединившись в «едином славянском государстве», обладая «независимостью» и «самостоятельностью», мы способны иметь политическое лицо на мировой арене и «участвовать в общей жизни значительнейших государств, лучших представителей человечества»<sup>27</sup>.

Я.К. Грот, не отрицая всего вышеперечисленного, видит в Карамзине высоконравственного и сердечного человека, который всеми силами пытался возвеличить Россию в глазах не только сограждан, но и других народов. Он даёт высокую оценку историографу за его неизменные гуманистические ценности и желание распространить просвещение среди всего русского народа. А.И. Герцен<sup>28</sup> полагал, что именно нравственная философия Карамзина оказала огромное общественное влияние и способствовала гуманизации отечественной литературы.

Среди сторонников Карамзина также были и славянофилы, в частности К.С. Аксаков и А.С. Хомяков. Аксаков считает, что историограф поднял очень важную проблему для российской культуры, а именно заимствование чужеродных идей. Именно Карамзин, считает Аксаков, способствовал развитию самобытных идей и указал России на опасность бездумного подражательства, которое происходило при Петре I. Ещё одна важная заслуга Карамзина, по мнению Аксакова, это то, что он привил интерес русскому читателю к отечественной литературе и открыл наших собственных героев, заменив ими героев Греции и Рима. Благодаря этому в России зародилась любовь к литературе и чтению на родном языке. Немного другого взгляда на наследие Карамзина придерживается А.С. Хомяков, критикуя Карамзина за «отчуждение от истинной жизни русского народа»<sup>29</sup>, хотя он и признаёт общественный вклад Карамзина. Благодаря его «Истории...» «русские

---

<sup>27</sup> Соловьёв С.М. Исторические поминки по историке // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 236.

<sup>28</sup> Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. СПб.: Типография П. Вошинской, 1907. 178 с.

<sup>29</sup> Хомяков А.С. Речи, произнесённые в Обществе любителей Российской словесности // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 480.

начали знакомиться с минувшими судьбами отечества»<sup>30</sup>, а это в свою очередь породило необходимые споры о дальнейшей судьбе России.

Одним из первых, кто ответил на радикальную критику Пыпина, был Н.Н. Страхов. Отрицая факт серьёзного влияния масонства на Карамзина, он считает, что Карамзин был представителем особой консервативной мысли того времени. Страхов отвергает упреки в сторону Карамзина в том, что образованный и начитанный историограф не стал приверженцем ни одной из прогрессивных европейских общественно-политических систем, так как не понял их идей. Он считает, что Карамзин всего лишь так и не нашёл той системы, которая бы полностью подходила России и была бы «сродна с русской жизнью»<sup>31</sup>. Поэтому он вырабатывает свою собственную общественно-политическую систему, основанную на «правительственном абсолютизме» и не имеющую аналогов в Европе.

Эмигрантская литература, содержащая анализ философских и социально-политических идей Карамзина, в общем и целом, дала высокую оценку его мировоззрению и его роли в формировании «науки о России». Она была много богаче и содержательней, чем критика Карамзина со стороны официальных идеологов советской власти, и это понятно, учитывая крайнюю идеологическую ангажированность советских авторов. Одним из первых комплементарно по отношению к наследию Н.М. Карамзина высказался П.Б. Струве<sup>32</sup>. В исследованиях И.И. Лаппо<sup>33</sup>, В.А. Амфитеатрова-Кадашева<sup>34</sup>, А.В. Тырковой-Вильямс<sup>35</sup>, Н.К. Кульмана<sup>36</sup>, Г.Л. Лозинского<sup>37</sup>, В.В. Леонтовича<sup>38</sup>,

---

<sup>30</sup> Там же.

<sup>31</sup> *Страхов Н.Н.* Вздох на гробе Карамзина (Письмо в редакцию «Зари») // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 390.

<sup>32</sup> *Струве П.Б.* Patriotica. Политика, культура, религия, социализм: сборник статей за пять лет (1905–1910 гг.). СПб.: Изд. Д.Е. Жуковского, 1911. 625 с.

<sup>33</sup> *Лаппо И.И.* Н.М. Карамзин и его государственные идеи // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 30–38.

<sup>34</sup> *Амфитеатров-Кадашев В.А.* О Карамзине // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 9–11.

<sup>35</sup> *Тыркова-Вильямс А.В.* Твёрдый Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 48–63.

<sup>36</sup> *Кульман Н.К.* Н.М. Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 11–24.

А.А. Кизеветтера<sup>39</sup>, П.Н. Милюкова<sup>40</sup> анализируются ключевые идеи Карамзина, касающиеся соотношения порядка и свободы, политического устройства и уровня развития нравственности в обществе, содержится в них и анализ монархических идей историографа.

П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер идейно продолжают критику Карамзина, которая велась ещё до революции радикально настроенными литературоведами, такими как: Н.Н. Булич, А.Н. Пыпин, Н.А. Полевой, Н.В. Шелгунов и С.С. Шашков. В силу своей не столько литературоведческой, сколько политической позиции и в силу того, что Карамзин, по их мнению, не был либеральным мыслителем, они относили его к представителям охранительного консерватизма из-за его приверженности неограниченной монархии. Именно то, что Карамзин строил все свои идеи и концепции, опираясь на методологию рационалистической философии эпохи Просвещения, ставя во главу угла самодержавную власть, не позволяло им оценивать мировоззрение историографа в позитивном ключе. Они вели критику Карамзина и как реформатора русского языка, называя все его нововведения «архаизмами», заимствованными у М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина. Критиковали его за отрицательную оценку разработанных М.М. Сперанским реформ, соглашаясь с последним, что архаичное самодержавие несовместимо с прогрессивной свободой. Они выступали против предложений Карамзина относительно крестьянского вопроса и, в отличие от историографа, видели решение только в радикальных переменах. Всё это привело их к выводу, что мировоззрение Карамзина основано на порядках старого и «архаичного» мира, где нет места свободе и праву, а его идеи были признаны безвозвратно устаревшими и не имеющими ничего общего с российской действительностью.

---

<sup>37</sup> Лозинский Г.Л. Н.М. Карамзин и его государственные идеи // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 25–29.

<sup>38</sup> Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М.: Русский путь, 1995. 444 с.

<sup>39</sup> Кизеветтер А.А. Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 121–134.

<sup>40</sup> Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб.: Издание М.В. Аверьянова, 1913. 347 с.

Иначе на наследие Карамзина смотрела другая часть русской эмиграции<sup>41</sup>, не имевшая чётко выраженной политической ангажированности. Признавая Карамзина великим отечественным мыслителем, они считали, что его философские и социально-политические идеи гармонично сочетали в себе ценности эпохи Просвещения с национальными традициями и обычаями русского народа. Они видели в нём человека, открывшего России глаза на её собственный путь, признававшего известную уникальность её судьбы и видевшего в радикализме и неуёмном реформаторстве главное несчастье России. Отмечая важность и своевременность его реформы русского языка и считая её настоящим прорывом в русской словесности, они придерживались мнения, что Карамзин способствовал укреплению уважения всего российского общества к просвещению. Соглашаясь с противниками Карамзина в том, что он является сторонником неограниченной монархии, они пытались понять глубинный смысл его идей, которые, как им представлялось, не противоречили истинным либеральным ценностям. Н.К. Кульман считает, что самодержавие, которое предполагал в своих трудах Карамзин, строилось на таких важных идеях и ценностях эпохи Просвещения, как «свобода слова, печати»<sup>42</sup>, равенство всех перед законом и уважение к чести и достоинству личности вне зависимости от каких-либо заслуг. И.И. Лаппо, анализируя концепцию самодержавия Карамзина, приходит к выводу, что Карамзин был сторонником просвещённого абсолютизма и ярким противником деспотизма. Для историографа, считает Лаппо, именно монархи существуют для подданных, а не наоборот. Основная цель самодержавия, по Карамзину, считают исследователи, это всеобщее образование и просвещение населения, а основным средством для достижения этой цели является бесконфликтное, то есть эволюционное, развитие государства.

По их мнению, Карамзин выступал за то, чтобы закон стал основой для жизни каждого человека в России, но для этого он должен быть выведен из

---

<sup>41</sup> П.Б. Струве, И.И. Лаппо, В.А. Амфитеатров-Кадашев, А.В. Тыркова-Вильямс, Н.К. Кульман, Г.Л. Лозинский и В.В. Леонтович.

<sup>42</sup> *Кульман Н.К.* Н.М. Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 15.

«исторической жизни России» и основываться на национальных чертах, народном духе и отражать реальные общественные потребности. Именно поэтому исследователи мировоззрения Карамзина считают, что он выступал против реформ М.М. Сперанского, которые были калькой западноевропейской мысли и не имели ничего общего с российской действительностью.

Сторонники Карамзина среди русской эмиграции, анализируя его высказывания относительно необходимости крепостного права, пришли к выводу, что историограф предполагал сохранение крепостного права в России только на определённом историческом этапе развития государства. По мнению Н.К. Кульмана, на эти его размышления серьёзное влияние оказал Ж.-Ж. Руссо, который не раз в своих трудах писал, что необходимо осторожно освобождать крестьян. Все они принимали опасения Карамзина, что освобождение необразованных и безграмотных крестьян, которые не получили должных базовых навыков для самостоятельной жизни, сыграет пагубную роль для государства и общества. Для избавления России от рабства Карамзин, по их мнению, предлагал скорейшим образом создать систему общеобразовательных школ, в стенах которых крестьяне научились бы пользоваться личной свободой во благо нашей страны.

В советских исследованиях Н.М. Карамзина рассматривали преимущественно в качестве историка, литератора, реформатора русского языка. Анализ философских и социально-политических идей Карамзина после революции был по большей части довольно поверхностным, а критика в основном огульной. Однако в 60-е годы XX века ситуация в значительной степени меняется: появляются работы И.А. Кудрявцева<sup>43</sup>, Ю.М. Лотмана<sup>44</sup>, Н.Я. Эйдельмана<sup>45</sup>, В.Э. Вацуры<sup>46</sup>, Л.Г. Кислягиной<sup>47</sup>, Н.Д. Кочетковой<sup>48</sup>,

<sup>43</sup> *Историография истории СССР с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции: учебное пособие / Под ред. В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева. Моск. гос. историко-архивный ин-т. М.: Соцэкгиз, 1961. 510 с.*

<sup>44</sup> *Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Молодая Гвардия, 1998. 384 с.; Лотман Ю.М. Карамзин. СПб.: Искусство – СПб, 1997. 832 с.*

<sup>45</sup> *Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983. 176 с.; Эйдельман Н.Я. «...чему, чему свидетели...» // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 719–726.*

Л.Н. Лузяниной<sup>49</sup>, С.О. Шмидта<sup>50</sup> и ряда других исследователей, в которых реализуются принципиально новые подходы к анализу мировоззрения Карамзина и его идейной эволюции.

Особо следует выделить труды Юрия Михайловича Лотмана<sup>51</sup>, который посвятил исследованию мировоззрения Карамзина не одно десятилетие. В своих работах Лотман выделяет две абсолютно разные системы мировосприятия, которые Карамзин исповедовал ещё в молодости и которые оказали большое влияние на его мировоззрение в целом, – масонство и руссоизм. Также Лотман отмечает, что сам Карамзин в этих двух течениях не видел серьёзных отличий, так как усматривал в них в первую очередь гуманистические цели – благополучие общества, достигаемое просвещением и воспитанием народа. Он также первым исследовал неоднозначное отношение Карамзина к Французской революции, считая, что историограф с сочувствием относился к политическим идеям революционеров, не принимая при этом их методов достижения политических целей. Ю.М. Лотман первым подробно изучил эволюцию взглядов Карамзина, найдя идеи, которые не претерпевали изменений на протяжении всей его жизни. К ним он относит желание всеобщего просвещения, добродетельного и уважительного отношения между людьми, скорейшего, но разумного

---

<sup>46</sup> Вацуро В.Э. Карамзин возвращается // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 726–745.

<sup>47</sup> Кислягина Л.Г. Формирование общественно политических взглядов Н.М. Карамзина (1785–1803 гг.). М.: Издательство Московского университета, 1976. 197 с.

<sup>48</sup> Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма (эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994. 288 с.; Кочеткова Н.Д. Н.М. Карамзин и Просвещение // Историко-литературный журнал. 2016. № 4. С. 7–18.

<sup>49</sup> Лузянина Л.Н. Проблемы историзма в творчестве Карамзина – автора «Истории государства Российского» // XVIII век. Сборник 13: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. С. 156–166; Лузянина Л.Н. Принципы художественного повествования в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // История русской литературы. В 4 т. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. Т. 2. С. 80–87.

<sup>50</sup> Шмидт С.О. «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 4. М.: Книга, 1988. С. 28–43; Шмидт С.О. Н.М. Карамзин и его «История государства Российского» // Карамзин Н.М. Об истории государства Российского. М.: Просвещение, 1990. С. 324–364.

<sup>51</sup> Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Молодая Гвардия, 1998. 384 с.; Лотман Ю.М. Карамзин. СПб.: Искусство – СПб, 1997. 832 с.

освобождения крестьян от помещиков и переходу к «блаженной “республике мудрецов”»<sup>52</sup>.

Натан Яковлевич Эйдельман<sup>53</sup> исследовал по преимуществу вклад Карамзина в область литературы и языкознания, но также, хотя и в значительно меньшей степени, анализировал философские и социально-политические размышления Карамзина, содержащиеся в исторических исследованиях. Эйдельман справедливо полагает, что Карамзин уловил возникшую в России в конце XVIII века потребность людей в самоосмыслении, самоидентификации, формировании национального самосознания. Карамзин, полагает Эйдельман, предложил безошибочный вариант: необходимо формировать самосознание народа на основе того, что реально явил этот народ в своей истории, на чём основывалось его единство, с чем были связаны его успехи и неудачи. При этом, считает Эйдельман, Карамзин всё же предложил своё собственное видение этой истории и свою собственную оценку заложенных в русской истории смыслов.

Первым, кто сделал упор именно на философское наследие Н.М. Карамзина, был В.Э. Вацуро<sup>54</sup>. Рассматривая Карамзина в качестве одного из первых представителей философии истории в России, он достаточно подробно сравнивает его с Гердером, находя много общего и отмечая различия в их представлениях относительно этого предмета. В.Э. Вацуро считает, что для Карамзина существует исторический прогресс и заключается он в духовном и нравственном развитии человечества.

В современной России интерес к идейному наследию Карамзина особенно возрос с конца 90-х годов XX века, при этом основное внимание уделялось как консервативным, так и либеральным составляющим его идей. Наиболее

---

<sup>52</sup> Лотман Ю.М. Карамзин // Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина. СПб.: Искусство – СПб, 1997. С. 335.

<sup>53</sup> Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983. 176 с.; Эйдельман Н.Я. «...чему, чему свидетели...» // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 719–726.

<sup>54</sup> Вацуро В.Э. Карамзин возвращается // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 726–745; Вацуро В.Э. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» // XVIII век. Сборник 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. Л.: Наука, 1969. С. 190–209.

значительные работы и диссертационные исследования последних 30 лет показывают, что анализу политических и социально-философских взглядов Карамзина уделяется большое внимание не только в философских и политологических исследованиях, но также и в смежных областях: в истории, юриспруденции, литературоведении. Одни исследователи: А.А. Шириняц, Д.В. Ермашов<sup>55</sup>, Ю.С. Пивоваров<sup>56</sup>, В.А. Китаев<sup>57</sup>, А.Ю. Минаков<sup>58</sup>, И.Н. Тяпин<sup>59</sup>, Н.Н. Алеврас<sup>60</sup>, М.В. Асонов<sup>61</sup>, Н.К. Гаврюшин<sup>62</sup>, Р.Р. Джаббаров<sup>63</sup>, В.С. Ившин<sup>64</sup>,

<sup>55</sup> Шириняц А.А., Ермашов Д.В. Мировоззрение Н.М. Карамзина в контексте консервативной традиции. Статьи с первой по четвёртую. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41263.php> (дата обращения: 15.01.2023); Шириняц А.А., Ермашов Д.В. «Хранительство» Н.М. Карамзина // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 11–28; Ермашов Д.В., Шириняц А.А. «Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой»: политический консерватизм Н.М. Карамзина // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 225–247.

<sup>56</sup> Пивоваров Ю.С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Человек: образ и сущность. 2002. № 1 (13). С. 45–56; Пивоваров Ю.С. Время Н.М. Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. М.: Наука, 1991. С. 3–15.

<sup>57</sup> Китаев В.А. К спорам о консерватизме Карамзина (А.Н. Пыпин и его оппоненты) // XIX век: пути русской мысли. Научные труды. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2008. С. 29–44; Китаев В.А. Карамзин – консерватор // XIX век: пути русской мысли. Научные труды. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2008. С. 7–28.

<sup>58</sup> Минаков А.Ю. Истоки и зарождение русского консерватизма // Консерватизм в России и Германии: опыт интернационального диалога. Сб. науч. трудов. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2012. С. 7–15; Минаков А.Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX века в России // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 12. С. 12–17; Минаков А.Ю. Консервативная «русская партия» начала XIX века // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 43–58; Минаков А.Ю. Русские консерваторы в поисках «русской формулы» // Альманах. 2015. № 1. С. 33–41.

<sup>59</sup> Тяпин И.Н. Философско-исторические идеи российского политического консерватизма XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009. 392 с.

<sup>60</sup> Алеврас Н.Н. Н.М. Карамзин и феномен «карамзинского консерватизма» // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург: НПМП «Волот», 2008. С. 42–47.

<sup>61</sup> Асонов М.В. Н.М. Карамзин и его вклад в консервативное обновление России // Власть. 2016. № 11. С. 219–222.

<sup>62</sup> Гаврюшин Н.К. Метафизика и историософия в творчестве Н.М. Карамзина // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 131–144.

<sup>63</sup> Джаббаров Р.Р. Пётр Великий в консервативной мысли России первой четверти XIX в. // Шаг в науку – 2018: сборник статей победителей конкурса грантов научно-исследовательских работ студентов, аспирантов и молодых учёных. М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2018. С. 36–44; Джаббаров Р.Р. Пётр Великий в оценке Н.М. Карамзина // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 98–108.

<sup>64</sup> Ившин В.С. Социокультурный конфликт: борьба с галломанией и генезис русского консерватизма // Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир. Материалы Всероссийской молодёжной научной конференции. Уральский федеральный университет им.



А.Я. Кожурин<sup>65</sup>, Е.С. Заболотная<sup>66</sup>, Н.Н. Лупарева<sup>67</sup>, Д.Э. Летняков<sup>68</sup>, Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина<sup>69</sup>, А.О. Мещерякова<sup>70</sup>, Г.Р. Наумова<sup>71</sup>, И.В. Невзорова<sup>72</sup>, В.А. Никонов<sup>73</sup>, И.Е. Прохорова<sup>74</sup>, Е.С. Холмогоров<sup>75</sup> – рассматривают Карамзина не только как основателя русского консерватизма, но и подчёркивают его особое место в истории этого идейного течения, подчас противопоставляя его представителям русского консерватизма середины – второй половины XIX века.

Другие исследователи: М.Б. Свердлов<sup>76</sup>, М.Г. Вандалковская<sup>77</sup>, Е.В. Бессчетнова<sup>78</sup>, А.А. Кара-Мурза<sup>79</sup>, Н.В. Кувшинова<sup>80</sup>, Л.А. Сапченко<sup>81</sup>,

---

первого Президента России Б.Н. Ельцина; Уральский гуманитарный институт; Департамент международных отношений; Образовательный центр «Кафедра ЮНЕСКО прав человека, мира, демократии, толерантности и международного взаимопонимания». Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. С. 179–185.

<sup>65</sup> Кожурин А.Я. У истоков Русского консерватизма (А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин и Н.М. Карамзин) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 4. С. 127–141.

<sup>66</sup> Заболотная Е.С. Охранительная идеология Н.М. Карамзина как основание политической науки в России // Северо-Восточный научный журнал. 2011. № 1. С. 47–49.

<sup>67</sup> Лупарева Н.Н. «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж: Новый взгляд, 2012. 216 с.; Лупарева Н.Н. История России как консервативный проект: Н.М. Карамзин и С.Н. Глинка // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 63–70.

<sup>68</sup> Летняков Д.Э. Н.М. Карамзин и зарождение националистического дискурса в России // История философии. 2016. Т. 21. № 1. С. 74–86.

<sup>69</sup> Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Николай Михайлович Карамзин: формы исторического признания // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 134–139; Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. У истоков русского консерватизма: формы признания Николая Михайловича Карамзина // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 135–147.

<sup>70</sup> Мещерякова А.О. Грани консервативного патриотизма: Н.М. Карамзин и Ф.В. Ростопчин // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 71–80.

<sup>71</sup> Наумова Г.Р. Российская государственность: пути изучения // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 5 (107). С. 26–34.

<sup>72</sup> Невзорова И.В. Исторический путь России в работах историков XIX века // Россия в условиях кризисов XIX–XX веков. Сб. ст. Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы / Науч. ред. Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т, 2017. С. 97–101.

<sup>73</sup> Никонов В.А. Карамзин как уважаемый консерватор // Родина. 2012. № 2. С. 2–5.

<sup>74</sup> Прохорова И.Е. «Наука жить» в письмах Н.М. Карамзина и П.А. Вяземского 1821 г. // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 82–95.

<sup>75</sup> Холмогоров Е.С. Конституция старого народа. Историко-политическая концепция Карамзина // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 96–108.

<sup>76</sup> Свердлов М.Б. Переключки идей в эпоху реформ: Н.М. Карамзин и И.Г. Фихте // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1. С. 33–44; Свердлов М.Б. История России в трудах Н.М. Карамзина. СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.

Б.Ф. Егоров<sup>82</sup>, А.В. Лубков<sup>83</sup>, И.Е. Рудковская<sup>84</sup> – отмечают вклад Карамзина в развитие либеральных идей в России. Продолжая логику мысли В.В. Леонтовича, они выделяют тот факт, что в философских и социально-политических идеях Карамзина на первом месте стоит «свободная личность», которая является «аксиологической вершиной» либеральной идеологии.

<sup>77</sup> *Вандалковская М.Г.* Александр Александрович Кизеветтер о науке и культуре России // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: документы и материалы. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 115–143.

<sup>78</sup> *Бессчетнова Е.В.* Н.М. Карамзин: у истоков русского просвещения // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 117–122; *Бессчетнова Е.В.* Карамзин – рыцарь русского Просвещения // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 177–197.

<sup>79</sup> *Кара-Мурза А.А.* Был ли Карамзин либералом? (к 250-летию со дня рождения) // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2016. № 3. С. 252–257; *Кара-Мурза А.А.* К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016. № 1 (21). С. 101–106; *Кара-Мурза А.А.* Николай Михайлович Карамзин: между либерализмом и консерватизмом. Юбилейные заметки // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 9–20; *Кара-Мурза А.А.* Загадка «Тартюфа». Неизвестные страницы европейского путешествия Н.М. Карамзина (1789–1790) // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 361–375.

<sup>80</sup> *Кувшинова Н.В.* Карамзин Н.М. о свободе в гражданском обществе // Система ценностей современного общества. 2011. № 17–1. С. 233–238; *Кувшинова Н.В.* Нравственные основания мировоззренческих идей Н.М. Карамзина: дис. ... канд. филос. наук. Шуя, 2009. 190 с.

<sup>81</sup> *Сапченко Л.А.* Великая дружба (И.И. Дмитриев и Н.М. Карамзин) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный памяти профессора, кандидата филологических наук Наталии Аркадьевны Буранок. СПб., Самара: ООО «Научно-технический центр», 2019. С. 89–98; *Сапченко Л.А.* Иностранские рецензии на «Историю государства Российского» в восприятии Н.М. Карамзина // Текст. Книга. Книгоиздание. 2019. № 19. С. 48–61; *Сапченко Л.А.* Н.М. Карамзин: мысли о любви // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 251–260; *Сапченко Л.А.* Письма Н.М. Карамзина к Е.Ф. Муравьевой // Михаил Муравьев и его время. Сб. ст. и мат-лов Пятой Всероссийской научно-практической конференции. Под ред. И.В. Завьяловой, А.Н. Пашкурова, А.Ф. Галимуллиной. Казань: РИЦ, 2015. С. 34–39.

<sup>82</sup> *Егоров Б.Ф.* Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина // Из истории русской культуры / Сост. Б.Ф. Егоров, А.Д. Кошелев. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 5. С. 480–490.

<sup>83</sup> *Лубков А.В.* Консервативно-либеральная традиция в России: эволюция идеи и содержания. Карамзин – Чаадаев – Катков // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 2. С. 16–23.

<sup>84</sup> *Рудковская И.Е.* Н.М. Карамзин и Англо-шотландская историографическая традиция второй половины XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 142–148; *Рудковская И.Е.* Н.М. Карамзин и П.Я. Чаадаев: историографическое и историософское наследие в контексте проблемы вызова и ответа // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 88–95.

Третья группа исследователей предпочитает не давать однозначных идеологических оценок наследию Н.М. Карамзина: В.К. Кантор<sup>85</sup>, О.А. Жукова<sup>86</sup>, Н.Д. Кочеткова<sup>87</sup>, А.Д. Сухов<sup>88</sup>.

Здесь следует отдельно отметить совместную работу А.А. Ширинянца и Д.В. Ермашова<sup>89</sup>, которые помимо эволюции мировоззрения Карамзина достаточно основательно исследовали работы критиков Карамзина и его сторонников на протяжении полутора веков.

В зарубежных исследованиях анализируется то, как философское и социально-политическое наследие Н.М. Карамзина повлияло на русскую мысль XIX и начала XX вв. К ним можно отнести исследования Ричарда Пайпса<sup>90</sup> (Richard Edgar Pipes), Марка Раева<sup>91</sup> (Marc Raeff), Джозефа Лоуренса Блэка<sup>92</sup> (Joseph Lawrence Black), Брюса Линкольна<sup>93</sup> (W. Bruce Lincoln), Гари Мейкера<sup>94</sup> (Gary Marker), Джеймса Краккрафта<sup>95</sup> (James Cracraft), Александра

---

<sup>85</sup> Кантор В.К. Карамзин: самопознание, или Сотворение европейской России // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 123–128; Кантор В.К. Карамзин, или Сотворение европейской России // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 211–224.

<sup>86</sup> Жукова О.А. Читая Карамзина: философские вопросы российской истории // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 111–116; Жукова О.А. Н.М. Карамзин: философский профиль российской истории // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 20–42.

<sup>87</sup> Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма (эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994. 288 с.; Кочеткова Н.Д. Н.М. Карамзин и Просвещение // Историко-литературный журнал. 2016. № 4. С. 7–18.

<sup>88</sup> Сухов А.Д. Н.М. Карамзин // Сухов А.Д. Русские философствующие историки. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2016. С. 49–71; Сухов А.Д. Философствующий Н.М. Карамзин // Философия и культура. 2014. № 5. С. 687–696.

<sup>89</sup> Ширинянец А.А., Ермашов Д.В. Мировоззрение Н.М. Карамзина в контексте консервативной традиции. Статьи с первой по четвертую. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41263.php> (дата обращения: 15.01.2023).

<sup>90</sup> Pipes R. Karamzin's memoir on Ancient and Modern Russia: A Translation and Analysis. Michigan: University of Michigan Press, 2005. 284 p.

<sup>91</sup> Raeff Marc. Russian Intellectual History: an Anthology. New York: Harcourt, Brace & World, 1966. 414 p.

<sup>92</sup> Black J.L. Nicholas Karamzin and Russian Society in the Nineteenth Century: A Study in Russian Political and Historical Thought. Toronto: University of Toronto Press, 1975. 264 p.

<sup>93</sup> Lincoln W.B. Nicholas I, emperor and autocrat of all the Russians. Bloomington: Indiana University Press, 1978. 424 p.

<sup>94</sup> Marker Gary. Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700–1800. Princeton University Press, 1981. 318 p.

М. Мартина<sup>96</sup> (Alexander M. Martin), Гитты Хаммарберг<sup>97</sup> (Gitta Hammarberg), Анджея Валицкого<sup>98</sup> (Andrzej Walicki) и Гари М. Гамбурга<sup>99</sup> (Gary M. Hamburg).

Основной подход, которого придерживаются зарубежные авторы в изучении наследия Н.М. Карамзина, можно охарактеризовать как культурно-исторический. Среди представителей такого подхода особо следует выделить работы Ричарда Пайпса, Джозефа Лоуренса Блэка и Анджея Валицкого.

Ричард Пайпс основал свою работу на труде Н.М. Карамзина «Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях»<sup>100</sup>, перевод<sup>101</sup> которой опубликовал в 1959 году. В первую очередь его интересовало в Карамзине то, как сочетались в его мировоззрении прозападный просвещенческий космополитизм с пылким патриотизмом и каким образом благодаря этому он снискал уважение российских консерваторов позднего имперского периода, большую часть из которых Р. Пайпс считал шовинистами и антисемитами. Другой целью его исследования был анализ политических взглядов Карамзина, основанных на его историческом знании прошлого страны, и его идей, которые легли в основу ранней и поздней консервативной идеологии в России. Причисляя Карамзина к консервативным мыслителям, он считает, что его «Записка о древней и новой России...», направленная против либеральных реформ 1810–1811 годов, способствовала доминированию консервативных идей в российском сознании вплоть до революционных перемен.

---

<sup>95</sup> *Cracraft James*. Major Problems in the History of Imperial Russia. Lexington: D.C. Heath and Company, 1994. 688 p.

<sup>96</sup> *Martin Alexander M*. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1997. 304 p.

<sup>97</sup> *Hammarberg G*. From the idyll to the novel: Karamzin's Sentimentalist prose. New York: Cambridge University Press, 1991. 334 p.

<sup>98</sup> *Walicki A*. Nikolai Karamzin and Conservatism // The flow of ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance. Frankfurt a/M.: Peter Lang GmbH, 2015. P. 112–118; *Валицкий А*. Дворяне консерваторы и дворяне революционеры // История русской мысли от просвещения до марксизма. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013. С. 66–83.

<sup>99</sup> *Hamburg G.M*. Karamzin's Enlightened Conservatism // Russia's path toward Enlightenment. Faith, Politics, and Reason, 1500–1801. New Haven: Yale University press, 2016. P. 641–667.

<sup>100</sup> *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении // *Карамзин Н.М.* Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 142–209.

<sup>101</sup> *Pipes R*. Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia: A Translation and Analysis. Cambridge: Harvard University Press, 1959. 266 p.

Джозеф Лоуренс Блэк изучает методологию Н.М. Карамзина, которая использовалась историографом в его историческом труде, а также его социально-философские и социально-политические идеи, оказавшие влияние на развитие либеральных и консервативных идей в России. Он считает, что Карамзин, используя историческую методологию, популярную в Европе на рубеже XVIII и XIX веков, создал национальную историю, которая затмила все ранее опубликованные исторические работы о России. Благодаря его труду русские впервые смогли идентифицировать себя как единую нацию, и тем самым Карамзин способствовал развитию прагматическо-консервативных и абстрактно-славянофильских убеждений. Благодаря своим философским и социально-политическим идеям и убеждениям Карамзин для Блэка предстаёт в качестве одного из первых либерально-консервативных мыслителей России, который смог осуществить жизнеспособный синтез отечественных и зарубежных традиций и нововведений, дав России шанс на свой собственный цивилизационный путь развития.

А. Валицкий в основном рассматривает эволюцию мировоззрения Карамзина, которое прошло путь от литературного сентиментализма до просвещённого консервативного национализма. Он изучает в первую очередь то, как и какие идеи Карамзина оказали влияние на будущие общественно-политические движения. По мнению Валицкого, на раннем этапе творчества Карамзин интересовался в основном личными качествами человека и его моральным совершенствованием, на второй план он отводил гражданские и социальные преобразования в обществе. Но результаты Французской революции заставили Карамзина пересмотреть своё мировоззрение и начать мыслить общественно-политическими категориями. Страх потерять личную свободу, считает Валицкий, сделал из Карамзина сторонника просвещённого абсолютизма. Отставив в сторону свои сентиментальные чувства и любовь к человечеству, он стал искать опоры для сохранения действующего режима в России, отвергая любое законодательство, ограничивающее власть просвещённого монарха и основанное не на христианской вере и российских национальных традициях.

Надо иметь в виду, что оценки мировоззрению Карамзина даются с позиций более развитой политической идеологии, тогда как конец XVIII – начало XIX вв. – это время, когда размежевание либерализма и консерватизма ещё только намечилось, но ни одно из этих направлений окончательно не оформилось.

Таким образом, многообразие откликов на творческое наследие Карамзина может быть разделено на три большие группы. Первая группа авторов придерживалась критико-идеологического подхода. Он был свойственен, как официальным представителям власти, это П.И. Голенищев-Кутузов, А.Х. Бенкендорф, С.С. Уваров и др., так и радикально настроенным либералам и литератороведам, среди них: А.Н. Пыпин, Н.А. Полевой, Н.В. Шелгунов, С.С. Шашков, Н.Н. Булич, А.А. Кизеветтер, П.Н. Милюков. Первые критиковали идеи Н.М. Карамзина с радикально-консервативных позиций, обвиняя его в вольнодумстве, оскорблении памяти русских монархов и разрушении основ самодержавия. Вторые – с радикально-либеральных позиций, считали его родоначальником охранительной идеологии, ретроградом-самобытником, сторонником крепостничества и неограниченного самодержавия. Считая Карамзина одним из первых представителей отечественной охранительной мысли, они вели борьбу против своих современников, принижая и уменьшая вклад Карамзина в отечественную культуру и науку, зачастую приписывая Карамзину несвойственные ему мысли и идеи.

Вторая группа авторов придерживалась апологетического подхода, это: Н.И. Надеждин, В.Г. Белинский, К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, Я.К. Грот, С.М. Соловьёв, А.И. Герцен, Н.Н. Страхов, М.П. Погодин, А.И. Тургенев, П.А. Вяземский, М.Т. Каченовский, В.О. Ключевский, И.И. Лаппо, В.А. Амфитеатров-Кадашев, А.В. Тыркова-Вильямс, Н.К. Кульман, Г.Л. Лозинский, В.В. Леонтович. Они видели в нём человека, открывшего России глаза на её собственный путь, признававшего известную уникальность её судьбы и видевшего в радикализме и неуёмном реформаторстве главное несчастье России.

Имманентно-критический подход стал доминировать в общественной науке после трудов Ю.М. Лотмана и Н.Я. Эйдельмана. Крайние суждения о Карамзине

достаточно односторонни и не отражают как сложности его взглядов, так и эволюции его мировоззрения в целом. Такой невероятный разброс оценок говорит скорее о собственных убеждениях и взглядах их авторов и имеет подчас мало общего с тем, каких взглядов придерживался сам Карамзин.

### ***Объект и предмет исследования***

**Объектом** исследования является творческое наследие Н.М. Карамзина во всём его многообразии (эпистолярный, исторические исследования, художественные и публицистические произведения) и их рецепция в дальнейшей отечественной интеллектуальной традиции.

**Предметом** исследования являются философские, социально-политические аспекты творческого наследия Н.М. Карамзина, а также основные этапы и методологические подходы в изучении его идейного наследия в отечественной мысли.

### ***Цели и задачи исследования***

**Цель** данной работы: реконструировать систему взглядов Н.М. Карамзина и дать характеристику ключевым философским, социальным и политическим идеям, составляющим основу его мировоззрения, проследив этапы их формирования, прояснив их идейные истоки и изучив то, как оценивалось наследие историографа в истории русской мысли.

Для реализации этой цели в данной работе необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать основные этапы изучения наследия Н.М. Карамзина в русской философской и общественно-политической мысли и дать им характеристику.

2. Проследить идейные истоки философии Н.М. Карамзина и показать, какие мыслители и события оказали на него наибольшее влияние.

3. Выявить идеи Н.М. Карамзина, которые можно отнести к пласту философских, социальных и политических, дать их общую характеристику и классификацию.

4. Систематизировать представления Карамзина о гражданской свободе, гражданских отношениях, общественном порядке и роли монарха в жизни российского государства и общества.

5. Раскрыть двойственные основания его учения о свободе и выявить сходства и различия с учениями его современников.

### ***Научная новизна исследования***

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- сопоставлены философские и социально-политические идеи Н.М. Карамзина с идеями немецких и французских просветителей (И. Кант, И.Г. Гердер, Д. Дидро, Ш.Л. де Монтескьё и Ж.-Ж. Руссо);

- описаны общие черты философских и социально-политических идей Н.М. Карамзина, показана их внутренняя логика и взаимосвязь;

- показано, что историограф, используя концепты, идеи и установки эпохи Просвещения, переосмыслил ряд идей философов эпохи Просвещения для отечественной исторической и культурной среды;

- проведено исследование карамзинской концепции двух видов законов, которым подчиняется человеческая жизнь, – законов реального мира, ведущих к борьбе за существование между людьми и между народами, и нравственного закона, объединяющего людей, возвышающего их над корыстными интересами и обеспечивающего дальнейший переход всех народов к республиканской форме правления;

- впервые сопоставляются два понимания свободы в трудах Н.М. Карамзина: свобода как жизнь в гармонии в соответствии с традициями и обычаями, свобода от конфликтов и свобода как личное самоопределение гражданина;



- выявлена внутренняя связь и различия позиций исследователей наследия Карамзина на разных этапах развития российской науки и в разные периоды отечественной истории (дореволюционная и эмигрантская критика, ранний и поздний этапы советской критики и современные научные исследования).

### *Положения диссертации, выносимые на защиту*

1. Мироззрение Карамзина формировалось в большей степени под влиянием немецкого Просвещения, нежели французского. С этим связаны определённые приоритеты в его исследованиях, а именно приоритет социально-этической и антропологической проблематики над социально-политической.

2. Карамзин в своей социально-философской концепции выделяет два вида законов: законы реального мира и нравственный закон. Законы реального мира определяют жизнь всего живого, в том числе и человека, тогда как нравственный закон дан только человеку.

3. Концепция свободы Карамзина имеет внутреннюю двойственность: с одной стороны, он рассматривает свободу как жизнь в гармонии с обществом, его традициями и обычаями, в основе которых лежит дух народа. С другой, он понимает свободу как возможность жить своим умом, самому определять свою судьбу, свободно излагать свои мысли и взгляды, иметь гарантии неприкосновенности собственности и правового равенства всех граждан.

4. У Карамзина обнаруживается синкретическое единство либеральных и консервативных социально-политических идей и принципов. Это объясняется не политической неразборчивостью историографа, как утверждают многие его критики, а тем обстоятельством, что на рубеже XVIII и XIX веков эти течения ещё доктринально окончательно не сформировались.

5. Социально-политическая концепция Карамзина о перспективах и особенностях развития России связана с его видением определяющей роли самодержавия в истории российского государства. При этом Карамзин убеждён в исторически преходящем характере самодержавия в принципе.

### *Апробация исследования*

Основные положения и выводы исследования обсуждались на Международной конференции молодых учёных и специалистов “Сlio-2014” и “Сlio-2016” в Российском государственном архиве социально-политической истории, которая проходила соответственно в 2014 и 2016 годах, на VII Российском философском конгрессе в 2015 году в Уфе, на Международной научной конференции «Философия российской истории Н.М. Карамзина» (к 250-летию со дня рождения) в 2016 году, на Международной конференции Князь Пётр Андреевич Вяземский и исторические судьбы России (к 225-летию со дня рождения) в 2017 году, на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2018» в 2018 году в Москве, на школе молодых учёных «Эпоха революций 1750–1914 гг. в Западной Европе и Средиземноморье» в 2018 году, на Всероссийской конференции «Проблема общественного идеала в русской философской и политической мысли» в 2021 году, на XV Философском симпозиуме «Социальная теория и проблемы Цивилизационного развития» в 2021 году, на VIII Российском философском конгрессе в 2022 году в Москве, на Международной научной конференции «Великий реформатор России: к 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского (1772–1839)» в 2022 году в Санкт-Петербурге и на других научных мероприятиях, на которых автор данной работы выступал с докладами. Основные положения и выводы данной работы нашли своё отражение в научных публикациях автора, посвящённых философским, социально-политическим аспектам творческого наследия Н.М. Карамзина, а также основным этапам и методологическим подходам в изучении его творческого наследия в отечественной мысли<sup>102</sup>.

---

<sup>102</sup> *Чишков Н.С.* Изучение наследия Н.М. Карамзина в русской эмигрантской литературе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840014003-2-1/> (дата обращения: 15.01.2023); *Чишков Н.С.* Две концепции формирования общественного идеала в России начала XIX в.: Н.М. Карамзин versus М.М. Сперанский // Полилог / Polylogos. 2021. Т. 5. № 4. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110017970-9-1/> (дата обращения: 15.01.2023); *Чишков Н.С.* Николай Иванович Тургенев о необходимости решения крестьянского вопроса в России // Полилог / Polylogos. 2020. Т. 4. № 1. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110009980-0-1/> (дата

## Методология исследования

Наследие Н.М. Карамзина многогранно и с необходимостью предполагает использование целого ряда общеполитических и междисциплинарных методов исследования. Среди них: метод системного анализа, метод восхождения от

---

обращения: 15.01.2023); *Чишков Н.С.* Н.М. Карамзин о роли всеобщего образования в совершенствовании человека и общества // *Личность. Культура. Общество*. 2020. Т. 22. № 1–2 (105–106). С. 115–120; *Чишков Н.С.* Философия истории Н.М. Карамзина // *Восьмой Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире»*. Т. 1. М.: РФО – ИФРАН – МГУ, Логос, 2020. С. 1293–1295; *Чишков Н.С.* Влияние Иоганна Матиаса Шадена на формирование мировоззрения Н.М. Карамзина // *Полилог / Polylogos*. 2019. Т. 3. № 4. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110008021-5-1/> (дата обращения: 15.01.2023); *Чишков Н.С.* Этико-философская концепция Н.М. Карамзина и её влияние на российское просвещение // *Профессиональное образование в современном мире*. 2019. Т. 9. № 2. С. 2735–2743; *Чишков Н.С.* Оценка культурного наследия Н.М. Карамзина в русской эмигрантской литературе // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2019. № 4. С. 161–166; *Чишков Н.С.* Конституционные взгляды Н.М. Карамзина и П.А. Вяземского (сравнительный анализ) // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2019. № 3. С. 14–21; *Чишков Н.С.* Критика Н.М. Карамзина А.А. Кизеветтером // *Вестник РФО*. 2018. № 4. С. 30–33; *Чишков Н.С.* Социально-философские взгляды Н.М. Карамзина // *nauka.me*. 2018. № 5. URL: <http://nauka.jes.su/s24132888000173-4-1> (дата обращения: 15.01.2023); *Чишков Н.С.* Н.М. Карамзин о взаимосвязи власти и народа // *Материалы Международного молодёжного научного форума «Ломоносов-2018»* / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2018. URL: [https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov\\_2018/data/13468/71690\\_uid64723\\_report.pdf](https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2018/data/13468/71690_uid64723_report.pdf) (дата обращения: 15.01.2023); *Чишков Н.С.* Концепция свободы Н.М. Карамзина и её истоки // *Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения* / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 338–354; *Чишков Н.С.* Либеральные и консервативные основания концепции свободы Н.М. Карамзина // *Философские науки*. 2016. № 11. С. 49–58; *Чишков Н.С.* Идея свободы в консерватизме Н.М. Карамзина // *Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сб. мат-лов IV Международной конференции молодых учёных и специалистов «Слио-2016»* / Гл. ред. А.К. Сорокин, отв. ред. С.А. Котов. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 617–620; *Чишков Н.С.* Идеи просвещения и формирование консервативного мировоззрения Н.М. Карамзина // *Материальное и духовное наследие общества со времён возникновения до наших дней. Всероссийская научная Интернет-конференция с международным участием, 11 декабря 2013 г. / Сервис виртуальных конференций РахGrid. Сост. Синяев Д.Н. Казань: ИП Синяев Д.Н., 2014. С. 83–87; Чишков Н.С.* Н.М. Карамзин о смысле истории // *Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса (г. Уфа, 6–10 октября 2015 г.)*: в 3 т. Т. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 316–317; *Чишков Н.С.* К вопросу об актуальности консерватизма Н.М. Карамзина // *Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сб. мат-лов IV Международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио-2014»* / Гл. ред. А.К. Сорокин, отв. ред. С.А. Котов. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. С. 461–464; *Чишков Н.С.* Карамзин о миссии монархии в России // *Б.Н. Чичерин и традиции философской и социально-политической мысли в России: материалы студенческой секции Международной научной конференции. 20–23 ноября 2013 г. М-во обр. и науки РФ / Ред. Т.С. Пронина, З.К. Федотова. Тамбов: ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. С. 171–175.*

абстрактного к конкретному, сравнительно-исторический метод, метод историко-философской реконструкции, компаративистский метод, герменевтический метод, а также общенаучные методы исследования (индукции и дедукции, анализа и синтеза).

*Метод системного анализа* лежит в основе данной диссертации. Он позволяет более глубоко систематизировать философские и социально-политические идеи Н.М. Карамзина, изложенные им как в научных, так и в литературных произведениях, по сравнению с теми исследованиями, которые проводились ранее, и дать более точное представление его взглядов относительно прошлого, настоящего и возможного будущего России.

*Сравнительно-исторический метод* используется для выявления общих и особенных черт в изучении философского и социально-политического наследия Н.М. Карамзина на разных исторических этапах развития России.

*Метод историко-философской реконструкции* позволяет рассмотреть наследие Н.М. Карамзина и интерпретировать дискуссии вокруг его наследия как явления общественной жизни на переломных этапах российской истории. Данный метод даёт возможность актуализировать полученные результаты для современной философской и общественно-политической мысли.

*Метод восхождения от абстрактного к конкретному* необходим для реконструкции мировоззрения Карамзина с целью выявления его философских и социально-политических идей, оказавших влияние на развитие России.

*Компаративистский метод* позволяет сопоставить теоретические идеи и суждения Н.М. Карамзина с идеями и суждениями отдельных отечественных и зарубежных мыслителей. Он необходим для более объективного и глубокого исследования общих и особенных явлений мировоззрения Н.М. Карамзина.

*Герменевтический метод* используется для анализа и истолкования эпистолярия, исторических, публицистических и литературных работ Н.М. Карамзина, а также большого массива текстов, написанных на протяжении двух веков, касающихся философских, социально-политических идей и в целом его мировоззрения.

### ***Научно-теоретическая и практическая значимость исследования***

Результаты данной работы могут представлять интерес для исследователей истории российской философской и социально-политической мысли, анализа проблем, поднимаемых в современных общественных дискуссиях. Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке учебных программ по истории русской мысли.

### ***Структура работы***

Структура диссертации определена поставленными автором целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии. Общий объём диссертации 185 стр. Библиография включает в себя 316 наименований.

## Глава I. ОСНОВЫ И ИСТОЧНИКИ ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА

Формирование мировоззрения Н.М. Карамзина происходило на протяжении всей его жизни и в конечном счёте вылилось в целостное философское мировоззрение, которое имело как своих сторонников и продолжателей, так и противников. В данной главе мы покажем, как проходило формирование философского мировоззрения Карамзина и какие мысли, идеи и события оказали на него наиболее важное влияние и имели для него решающее значение.

### § 1. Ранний этап формирования мировоззрения Н.М. Карамзина, общефилософские представления о мире и его познании<sup>103</sup>

Николай Михайлович Карамзин родился в 1766 году в селе Михайловке (с 1770-х – Преображенское) Симбирской губернии. Карамзин ещё в детстве познакомился с русской и переведённой на русский язык европейской. Его мать, Екатерина Петровна (в девичестве Пазухина), любила романы, собрала солидную по тем временам библиотеку и большую часть времени проводила за чтением книг. Когда Николай подрос, его отец, Михаил Егорович, вручил ему ключ от библиотеки его матери, которая скончалась, когда ему было всего три года.

По свидетельству людей, близко знакомых с семьёй Карамзиных, Николай унаследовал характер матери. Она была склонна к меланхолии и находила отдохновение в чтении романтической и сентиментальной литературы. Увлечение Николая чтением часто объясняли именно схожестью их характеров, склонностью к меланхолии. Наверное, это не самое удачное объяснение, так как будущий историограф был увлечён не только сентиментальной литературой, но и исторической: «Сие чтение не только не повредило его юной душе, но было ещё

---

<sup>103</sup> При написании данного раздела диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Чижков Н.С.* Влияние Иоганна Матиаса Шадена на формирование мировоззрения Н.М. Карамзина // *Полилог / Polylogos*. 2019. Т. 3. № 4. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110008021-5-1/> (дата обращения: 15.01.2023).

весьма полезно для образования в нём нравственного чувства»<sup>104</sup>. Именно чтение романов, хранящихся в той библиотеке, воспитало в Карамзине чувства чести и достоинства, а также показало преимущество добрых поступков и гнусность зла. Впоследствии, основываясь на этих полученных в детстве чувствах, Карамзин сделает вывод, что «всякое приятное чтение имеет влияние на разум, без которого ни сердце не чувствует, ни воображение не представляет»<sup>105</sup>, и что любой роман, пусть написанный без особого таланта, способствует просвещению, так как каждый человек в душе своей тянется к добру, а «дурные люди и романов не читают»<sup>106</sup>.

Как описывает сам Карамзин, он в 8–9 лет впервые познакомился с историей и полюбил её. Это была история Рима. Будучи очень впечатлительным ребёнком, он воображал себя «маленьким Сципионом»<sup>107</sup> и искренне переживал и сочувствовал Римской республике, на которую напал Ганнибал. Можно только предполагать, как это раннее знакомство с историей Рима возбудило в Карамзине интерес к истории своего отечества.

Завершив домашнее образование Николая, отец отдал его в пансион француза Пьера Фовеля в Симбирске, где будущий историограф ближе познакомился с русской литературой. В провинциальном Симбирске, по свидетельству В. Муравьёва, было хорошо представлено всё многообразие литературы того времени: «Дмитриев описывает состав библиотек симбирских любителей чтения: все известные русские авторы были представлены в них, а также различные журналы. Кстати сказать, журналы в те времена не были журналами в сегодняшнем понимании, это были сборники, альманахи, отличавшиеся от книг лишь тем, что они выходили выпусками, с определённой периодичностью; их читали и перечитывали долгие годы»<sup>108</sup>. В пансионе

<sup>104</sup> Карамзин Н.М. Рыцари нашего времени // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 15. М.: Терра, 2009. С. 63.

<sup>105</sup> Карамзин Н.М. О книжной торговле и любви ко чтению в России // Вестник Европы. 1802. № 9. С. 62.

<sup>106</sup> Там же. С. 63.

<sup>107</sup> Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 13. М.: Терра, 2009. С. 329.

<sup>108</sup> Муравьёв В. Карамзин. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 30.

француза Карамзин проучился примерно полтора года и был одним из лучших учеников.

В возрасте 12 лет по рекомендации друга семьи Михаил Егорович отправил сына «в частный пансион профессора Московского университета Иоганна Матиаса (Богдана Богдановича) Шадена<sup>109</sup>»<sup>110</sup>, где юный Карамзин проучился примерно четыре года. В разное время воспитанниками этого пансиона были П.П. Бекетов, Д.И. Фонвизин, И.И. Дмитриев и многие другие выдающиеся деятели русской культуры и науки. В пансионе Шадена царила доброжелательная семейная атмосфера, благодаря чему Карамзин впервые познакомился с альтернативной системой образования без розог и педантства, которые были свойственны губернским образовательным учреждениям.

Карамзин подчёркивал, что успехи воспитанников Шадена были столь значительными постольку, поскольку он умел убедить «не только доказательствами разума, но и побуждениями сердца, голосом внутреннего чувства и совести, примерами и картинами»<sup>111</sup>. В этой связи интересно отметить, что другой воспитанник Шадена, драматург Денис Иванович Фонвизин, связывал успехи учеников пансиона как раз с рациональностью и внятностью лекций профессора.

По мнению Карамзина, профессор Шаден питал к нему симпатию и проявлял особое внимание. Вполне возможно, что, видя сентиментальный и романтический склад души юноши, Шаден действительно так к нему относился. Но, возможно, что так полагал каждый воспитанник пансиона, поскольку все учились исключительно по индивидуальным программам, которые

---

<sup>109</sup> Профессор Иоганн Матиас Шаден (1731–1797), будучи доктором философии, в 1756 году переехал в Москву по приглашению только что открывшегося Московского университета на должность ректора, где «в различные годы он читал в университете нумизматику и геральдику, логику и метафизику, практическую философию и этику, нравственную философию, или науку образования нравственности и совести, народное право, политику, или науку государственного правления, правила частного благоразумия, или экономию, историю нравственных наук, естественное и государственное право».

<sup>110</sup> *Макогоненко Г.П.* Николай Карамзин – писатель, критик историк // *Макогоненко Г.П.* Избр. соч.: в 2 т. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1984. С. 6.

<sup>111</sup> Энциклопедия Брокгауза и Ефрона.



разрабатывались профессором вместе с воспитанником и в соответствии с его интересами, наклонностями и способностями.

В пансионе Карамзин получил хорошее образование и достойное воспитание, при том что, по воспоминаниям одного из воспитанников, «в церковь нас никогда не водили. Профессор не занимался практически нашей нравственностью и довольствовался тем, что преподавал её во время обеда. Главными предметами его разговоров были правосудие, бескорыстие, любовь к отечеству, трудолюбие»<sup>112</sup>. Однако, по свидетельствам других учеников и по воспоминаниям самого Карамзина, к ним в пансион приходил православный священник, а основу педагогики профессор видел именно в религиозном и нравственном воспитании юношей. Только через это воспитание, считал он, возможно правильное понимание и усвоение отвлечённых наук.

Вероятно, именно эти непринуждённые беседы, проходившие в доброжелательной атмосфере и без назидательности, оказывали определяющее влияние на формирование нравственных убеждений воспитанников. «Он находил много хорошего в русских обычаях и особенно хвалил обычай начинать всякое дело молитвою»<sup>113</sup>. Именно лютеранин Шаден привил Карамзину любовь к Богу и доверие к Провидению.

Как известно, профессор Шаден был последователем Христиана Фюрхтеготта Геллерта (1715–1769), учение о морали которого Гёте считал «фундаментом немецкой нравственной культуры». В России литературные и философские труды Геллерта с 70-х годов XVIII и вплоть до 20-х годов XIX века активно переводились, издавались<sup>114</sup> и были хорошо известны русской образованной публике. Именно на идеях моральной философии Геллерта была построена система воспитания и обучения в пансионе Шадена.

---

<sup>112</sup> Муравьёв В. Карамзин. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 36.

<sup>113</sup> Там же. С. 39.

<sup>114</sup> В 1775–78 годах вышли два тома его «Нравоучения», в 1782 году были изданы «Песни духовные», в 1788 вышли басни и сказки, в 1820 году была опубликована его речь «О влиянии изящных наук в сердце и во нравы», переведённая ещё в 1773 году и ходившая всё это время в списках.

Шаден, безусловно, не преподавал непосредственно моральную философию Геллерта, а прилагал её к конкретным и понятным реалиям русской действительности, жизненным устремлениям молодых русских дворян. Именно такой подход к обучению дал столь впечатляющие результаты. Возможно, что нравственная философия Геллерта оказала влияние на «Историю...» Н.М. Карамзина при оценке поступков исторических личностей.

Несмотря на то, что сам Шаден за свою жизнь практически ничего не написал, у него было множество мыслей и идей, которые он передавал своим ученикам в форме лекций.

Зная основные мировоззренческие установки зрелого Карамзина, можно отметить некоторые идеи, которые в том или ином виде мы встречаем у Шадена. Влияние идей Шадена на юного Карамзина отмечали В.В. Ванчугов<sup>115</sup>, А.А. Кара-Мурза<sup>116</sup>.

Во-первых, в этой связи интересно отметить, что сам Шаден, который представлял систему немецкого воспитания, был при этом убеждённым противником её простого переноса на русскую почву. Он считал, что такой перенос принесёт не пользу, а вред. Система воспитания должна основываться на особенностях жизни народа, его нравственном строе. Да и система образования, по мысли Шадена, должна носить национальные черты. Карамзин также пришёл к мысли о невозможности полного заимствования институтов и полученных знаний из других культур и о самобытном развитии каждого народа.

Во-вторых, свобода человека, учил Шаден, – от Бога, она дана человеку не только во благо, но и для того, чтобы, свободно развивая свои возможности, он мог бы своими трудами и достижениями свидетельствовать о величии Бога. Карамзин тоже считал, что свобода человека дана от Бога, но, выводя свободу человека из его божественного дара, Карамзин полагал, что она также тесно связана с культурой, устоями и склонностями конкретного народа. Таким

---

<sup>115</sup> Ванчугов В.В. Политическая грань творчества Н.М. Карамзина // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 111-122.

<sup>116</sup> Кара-Мурза А.А. Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016. № 1. С. 101–106.

образом, свобода для Карамзина есть возможность следовать своим склонностям и обычаям в условиях спокойствия духа и безопасности, а гарантом этой свободы на земле является монарх.

В-третьих, не рассудок, а сердце, полагал Шаден, должно управлять нравственностью человека. Поэтому человека трудно или даже невозможно научить нравственности, но ему можно привить вкус к добру и справедливости, отвращение к злу. Это можно сделать, показывая ему образцы добродетели, развивая почтение и любовь к Богу, доверие к Промыслу Божьему, умеренность в желаниях, справедливость и любовь к людям. Проникнув в сердце, добродетель становится потребностью души, и только тогда можно рассчитывать на то, что человек сам будет следовать добродетели и совершенствовать себя нравственно. Добродетельная душа спокойна, а в спокойствии души и заключено счастье человека. Карамзин, как и Шаден, придерживался той позиции, что сердце управляет нравственным поведением человека, но только на первых этапах развития индивида. В сознательном возрасте возвращение семени добра в человеке происходит в первую очередь через его образование и просвещение. Поэтому Карамзин тесно связывал нравственность с науками и искусствами.

Следует также особо отметить то, как рассматривал Шаден вопрос об отношении власти и народа. По свидетельству В. Муравьёва, «в своих лекциях Шаден обращал особое внимание на государственный строй, существующий в России. Он считал, что взаимоотношения правителей и народа должны основываться на требованиях морали и все действия правления должны подчиняться законам»<sup>117</sup>. Карамзин впитал эту мысль полубившегося ему профессора и в дальнейшем, немного изменив и доработав, нашёл для неё место в своём социально-философском учении.

Публичные речи<sup>118</sup>, произносимые профессором Шаденом, также нашли своё отражение в творчестве Карамзина. Одна из них даже вылилась в

<sup>117</sup> Муравьёв В. Карамзин. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 39.

<sup>118</sup> Вот перечень речей Шадена, которые приводит Н.С. Тихонравов: “De anima legum” (1767) – «О духе законов»; “Oratio solemnis de eo, quod justum est in jure Principis, circa educationem civium, scientiarum, artiumque studia” (1770) – «О праве обладателя в рассуждении воспитания и

полноценную работу Карамзина «Похвальное слово Екатерине II»<sup>119</sup>, написанное при несомненном влиянии профессора.

Именно Шаден привил Карамзину любовь к монархии и показал преимущества монархической формы правления перед всеми остальными. Есть ещё одна важная идея Шадена, которую Карамзин впитал и с которой полностью согласился, о том, что только монархия сможет должным образом распространять знания и науки среди населения, то есть заниматься просвещением народа: «Одно из сильнейших средств в руках самодержавия есть чувство чести, устремляющее нас к познанию. Закон монархии есть благоденствие обладателя, а в нём целость и счастье подданных...»<sup>120</sup>.

Как мы можем видеть, Карамзин, как и Шаден, считал, что ребёнок должен обучаться и воспитываться в обществе, и отрицал продуктивность аскетичной системы образования вне общества Руссо.

В 1781 году обучение Карамзина в пансионе Шадена закончилось, и профессор порекомендовал юному Карамзину продолжить своё обучение в Лейпциге, но так как он был не из богатого дворянского рода, денег на обучение не нашлось, и отец сказал, что обучение пора заканчивать, и хотел отправить его

---

просвещения науками и художествами подданных»; “De eo, quod naturaliter justum est, in jure parentum circa educationem liberorum” (1773) – «О праве родителей в воспитании детей»; “Oratio de Monarchiis amori Patriae excitando et fovendo maxime aptis ac eodem praecipua in iis legum anima” (1775) – «О монархиях, способных возбуждать и питать любовь к отечеству, и о том, что любовь сия есть главная законов в монархиях»; “Panegyricus de Catharina Magna Legislatorum prima omnium, Legislationem suam, sapienti ac divino prorsus consilio, conscientiae, foro ei peculiari consecrato, directe inaedificanti” (1779) – «Похвальное слово о Екатерине Великой, первой из законодателей, премудро основавшей законодательство своё на Совестном Суде, ею учреждённом»; “Oratio solemnis de ingenuae juventutis educatione, gloriae nationum duratae fundamento praecipuo et pulchro, in Monarchiis maxime” (1781) – «О воспитании благородства юношества, яко основании продолжительной народной славы в монархическом наипаче правлении»; “Quaeritur, quid statuendum de luxu est, ne in hominibus, civitatibus, Monarchiis maxime proficiens, vel et si hoc, vel noxius quatenus sit, quomodo vis ejus noxia debilitanda ac frangenda” (1793) – «Спрашивается: вредна ли, или полезна роскошь частным людям, городам и паче Монархиям, а ежели вредна, то до какой степени и как прекратить и ослабить вредное ея воздействие». (См.: *Тихонравов Н.С.* Сочинения. Т. 3. Ч. 1. Русская литература XVIII и XIX вв. М.: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1898. С. 63.)

<sup>119</sup> *Карамзин Н.М.* Историческое похвальное слово Екатерине II // *Карамзин Н.М.* Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 87–142.

<sup>120</sup> Цит. по: *Муравьёв В.* Карамзин. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 40.

на службу. Карамзину удалось получить ещё 1 год учебного отпуска со службы, и он стал вольным слушателем в Московском университете, где посещал интересующие его лекции<sup>121</sup>.

После окончания отпуска Карамзин приступил к военной службе, она продлилась недолго. Карамзин попытался отправиться на поля боевых действий – на тот момент война шла на Кавказе и в Крыму, – но из-за того, что ему не хватило денег на взятку полковому секретарю, туда не попал.

Вскоре Карамзин увлёкся литературой, которая отдалила его от военных дел, при этом его учителем на этом поприще стал И.И. Дмитриев. Карамзин решил покинуть военную службу, так как понял, что «военное дело не имеет ничего общего с учёностью»<sup>122</sup>. Но это была не единственная причина. В начале 1783 года умер отец Карамзина, ради которого он и пошёл на военную службу.

Переехав в Симбирск, Карамзин не смог продолжить своё обучение и от безделья увлёкся светской жизнью. Сам Карамзин пишет в письме к Лафатеру<sup>123</sup> об этом периоде своей жизни следующее: «...вскоре я увидел, что сердце моё меня обмануло: я сделался большим любителем светских развлечений, страстным картёжником»<sup>124</sup>, – и отмечал, что, поддаваясь светским утехам, вскоре перестал чувствовать удовлетворение от жизни. Видимо, именно благодаря этому жизненному опыту Карамзин пришёл к выводу, что человеку нужна духовная пища, без которой жизнь не может быть счастливой.

Человеком, который отдалил Карамзина от светских балов и пиршеств, стал симбирский помещик, масон И.П. Тургенев. Масонство, как на тот момент показалось Карамзину, придерживалось важных и близких для него принципов.

---

<sup>121</sup> В Университете Карамзин изучил отечественную и всеобщую истории, историю иностранных литератур, теорию изящной словесности и читал писателей Германии, Франции и Англии в подлинниках. Также изучал философские дисциплины, такие как логика и психология. На лекциях И.Г. Шварца Карамзин усвоил основания немецкого слога, грамматику и риторику и познакомился с будущим своим товарищем А.А. Петровым.

<sup>122</sup> *Карамзин Н.М.* Переписка Н.М. Карамзина с И.К. Лафатером // *Карамзин Н.М.* Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 18. М.: Терра, 2009. С. 236.

<sup>123</sup> Иоганн Каспар Лафатер (1741–1801), швейцарский богослов, рассматривал человека как самодостаточную ценность, соединил идеи либерализма и пиетизма, оказал заметное влияние на немецкую философскую мысль и литературу. Карамзин высоко оценивал идеи Лафатера.

<sup>124</sup> Там же.

Они заключались в распространении просвещения, воспитании нравственности в человеке и воздержании от похотей и страстей.

В 1785 году Карамзин вместе с Тургеневым переезжает в Москву и знакомится с другими представителями масонства, среди них оказался его товарищ по университету А.А. Петров, который на тот момент был редактором журнала «Детское чтение». Впоследствии именно этот журнал станет платформой для раскрытия творческого литературного таланта Карамзина.

Став масоном, Карамзин пришёл к мысли, что долгом каждого человека является служение Отечеству, и служение это он видел, в отличие от основной части общества, не только на государственной службе, но и «пером и книгой».

Серьёзное влияние на мировоззрение Карамзина, безусловно, оказало знакомство со старшим масоном А.М. Кутузовым. Последний был сторонником той позиции, что зло проистекает не от каких-то внешних факторов, а кроется в самом человеке и искоренить это зло можно только путём самосовершенствования и просвещения. В последующем Карамзин не раз использует эту идею в своих произведениях.

Все вышеперечисленные события и идеи способствовали выработке Карамзиным общефилософских представлений о мире и его познании. Историограф в начале своих философских исканий обращался к целому ряду существующих философских систем и концептов: физиогномике И.К. Лафатера, концепции нравственного закона И. Канта, понятию «народного духа» И. Гердера и др.<sup>125</sup>. Изучение разных философских систем позволило Карамзину выработать общефилософские представления о мире<sup>126</sup> и способах его познания. Карамзин не создал строгого онтологического и гносеологического учения, но применял разные философские системы для познания российской действительности. Историограф, используя универсальные философские построения, пытался дать ответы на злободневные вопросы российской действительности.

---

<sup>125</sup> В следующем параграфе мы разберём, какие именно философские системы оказали на Карамзина определяющее влияние.

<sup>126</sup> Онтологические представления Карамзина основываются на идеях деизма, провиденциализма и ценностях эпохи Просвещения. Более подробно его общефилософские представления о мире мы разберём во второй главе в связи с его политической философией.

Гносеология как отдельная дисциплина возникла только в XIX веке, поэтому говорить о некоторой строгой гносеологической системе Карамзина было бы неверно, но, реконструировав взгляды Н.М. Карамзина, можно описать некоторые гносеологические принципы, которых он придерживался в своих трудах.

Человек, как и всё живое, знакомится с миром в первую очередь через чувственное восприятие. Но помимо чувств у человека есть разум, который способен структурировать и вносить некий порядок в хаотичные идеи, то есть разум помогает человеку проследить причинно-следственную связь между делами и событиями. Здесь следует сразу оговориться, что разум у Карамзина действует исключительно в связке со знаниями, иными словами, речь идёт исключительно о просвещённом разуме. Разумом обладают все люди, но знаниями обладают далеко не все. Поэтому он выступал за создание общеобразовательных школ, где всех граждан страны необходимо научить пользоваться собственным разумом. Наличие разума, следуя логике историографа, совершенно не означает, что человек может должным образом пользоваться им, делать правильные умозаключения. Только разум в связи с просвещением способен возвысить человека до возможности познания мира.

Это лучше всего видно на примере того, как Карамзин отличал летописца от историка, проводя в силу своих гносеологических принципов чёткую черту между ними. По Карамзину, летописец описывает определённые события день за днём и не анализирует смысл происходящего, историк же смотрит «на свойства и связи деяний», то есть одной из важнейших задач историка было не дословное описание некоторых событий, чем занимаются летописцы, а поиск на основе исторических фактов и событий некоторой закономерности и причинно-следственной связи. Именно такая постановка вопроса способствовала той критике Карамзина со стороны представителей исторической науки, которая продолжается по сей день. Историки считают неприемлемым описывать то, чему нет документальных подтверждений, но разве мы не можем поставить проблему и предположить гипотезу и найти причинно-следственную связь?

По мнению Карамзина, существует серьёзный феномен познания. В своей работе «Русские философствующие историки» А.Д. Сухов обращает на него особое внимание. Помимо того, что познание затруднено естественными преградами, оно ещё испытывает трудности, когда сталкивается с искусственно созданными внешними преградами. Так, например, то, что является общепринятым в общественном сознании, часто возводится обществом до нерушимой «истины», и, чтобы не противоречить им, даже историкам приходится повторять эти «истины» вслед за летописцами. А.Д. Сухов отмечает, что и сам философствующий историк, понимая это, идёт по протоптанной дорожке. Карамзин пишет: «Что принято, утверждено общим мнением, то делается некоторого роду святынею; и робкий историк, боясь заслужить имя дерзкого, без критики повторяет летописи. Таким образом, история делается иногда эхом злословия... Мысль горестная!»<sup>127</sup>.

Подводя итоги первого параграфа, следует сказать, что основное влияние на раннем этапе на формирование мировоззрения Карамзина оказали: профессор Московского Университета И.М. Шаден, швейцарский богослов И.К. Лафатер<sup>128</sup>, его старший товарищ по пансиону И.И. Дмитриев. Непродолжительное по времени влияние на Карамзина оказывали представители московского масонства А.М. Кутузов и А.А. Петров. Но наиболее сильное влияние на формирование философских и социально-политических взглядов оказали представители французского и немецкого Просвещения: Д. Дидро, Ш.Л. де Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант и И.Г. Гердер.

---

<sup>127</sup> Карамзин Н.М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сём монастыре // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 224.

<sup>128</sup> Более подробно влияние И.К. Лафатера на Н.М. Карамзина мы разберём в следующем параграфе.



## § 2. Истоки социально-философского мировоззрения Н.М. Карамзина<sup>129</sup>

Как уже было показано в предыдущем параграфе, Николай Михайлович Карамзин ещё с юности находился под влиянием Просвещения. Его кумиром и, по мнению историографа, наиболее просвещённым монархом была Екатерина II, о которой он писал: «С Екатериною воссели на престол кроткая мудрость, божественная любовь к славе (источник всех дел великих), неутомимая деятельность, знание человеческого сердца, знание века, ревностное желание довершить начатое Петром, просветить народ, образовать Россию, утвердить её счастье на столпах незыблемых, согласить все части правления, и купить бессмертие делами Матери Отечества»<sup>130</sup>. Карамзин высоко оценивал императрицу не только за её ум и любовь к знаниям, но и за конкретные дела. Екатерина II с воцарением на престол в первую очередь созвала выборных представителей от всех сословий и поручила им создать новое Уложение, так как старое Уложение 1649 года к тому моменту уже устарело и было запутано множеством законов. Она в течение 2 лет разрабатывала программу своего царствования, в которой впервые в истории России были сформулированы принципы правовой политики и правовой системы. В 1767 году императрица издала «Наказ», который состоял из 20 глав, а в течение её правления к нему было добавлено еще 2 главы, главы делились на 655 статей. Из них почти половина были заимствованы из трактата Монтескьё «О духе законов» и более 100 статей были заимствованы у Чезаре Беккария из трактата «О преступлении и наказаниях». В этом документе, представленном Уложенной комиссии,

---

<sup>129</sup> При написании данного раздела диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Чишков Н.С.* Идеи просвещения и формирование консервативного мировоззрения Н.М. Карамзина // Материальное и духовное наследие общества со времён возникновения до наших дней. Всероссийская научная Интернет-конференция с международным участием, 11 декабря 2013 г. / Сервис виртуальных конференций RaхGrid. Сост. Синяев Д.Н. Казань: ИП Синяев Д.Н., 2014. С. 83–87; *Чишков Н.С.* Этико-философская концепция Н.М. Карамзина и её влияние на российское просвещение // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9. № 2. С. 2735–2743.

<sup>130</sup> *Карамзин Н.М.* Историческое похвальное слово Екатерине II // *Карамзин Н.М.* Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 90.

рассматривались вопросы государственного устройства, сословной организации общества, уголовного права и судопроизводства.

Н.М. Карамзин сохранил верность многим идеям Просвещения на протяжении всей своей жизни. На него оказали влияние такие именитые мыслители Просвещения, как: Ж.-Ж. Руссо, Ш.Л. де Монтескьё, Д. Дидро, И.Г. Гердер, И. Кант. С некоторыми из них – например, Кантом и Гердером – Н.М. Карамзин встречался лично, когда совершал своё путешествие по Европе, по итогам которого опубликовал «Записки путешественника».

### ***§ 2.1. Влияние идей французского Просвещения и их критика***

Идеи Монтескьё оказали влияние на философию и в целом творчество Н.М. Карамзина. Например, Монтескьё в своих трудах отстаивал такую позицию, что законы того или иного государства напрямую связаны с климатическими условиями, таким образом потребности, которые порождаются климатом, вносят различия в образ жизни разных народов, из чего следуют различия в законодательствах: «Они [законы] должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату – холодному, жаркому или умеренному, – качествам почвы, её положению, размерам, образу жизни её народов»<sup>131</sup>.

Также Монтескьё выдвинул идею, которая тоже нашла себе место в концепции Н.М. Карамзина, о том, что от величины территории зависит непосредственно и политическое устройство государства. Из этих идей Монтескьё Карамзин впоследствии вывел, что страна, имеющая столь огромную территорию и суровый климат, как Россия, может функционировать только во главе с монархом. Но это были не единственные идеи Монтескьё, оказавшие плодотворное влияние на Н.М. Карамзина. И Карамзин, и Монтескьё считали, что в государстве должны главенствовать благородные начала в лице высшего

---

<sup>131</sup> Монтескьё Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 17.

сословия – дворянства, так как «честь и слава, по словам бессмертного Монтескьё, есть семя и плод дворянства»<sup>132</sup>.

Но Карамзин, проанализировав, что есть само дворянство, и сделав вывод о том, что дворянство – это историческое сословие, желает вместе с тем показать читателю, что дворянин есть не только социальный статус, с помощью которого можно занимать важные государственные посты, но и вполне определённое нравственное состояние человека: «Если человек, который долгое время был для сограждан примером нравственного совершенства и любви к отечеству, рукою Государя возводится на степень Дворянства, то можно ли стоять на ней изменнику, вероломному, лживому свидетелю? Он свергается в толпу народную, где гражданское правосудие знаменует его стыдом и бесчестьем (371)»<sup>133</sup>. Следует заметить, что Карамзин предлагает свергнуть опустившегося дворянина в народ не потому, что там обитают недостойные люди, а как раз наоборот, чтобы сам русский народ мог осудить предателя отчизны.

Взгляды же по вопросу о соотношении свободы и закона Монтескьё и Карамзина отличаются. Монтескьё различал два понимания политической свободы: 1) по отношению к государству «политическая свобода имеет место лишь при умеренных правлениях. Однако она не всегда встречается при умеренных правлениях; она бывает в них лишь тогда, когда там не злоупотребляют властью»<sup>134</sup>; 2) по отношению к гражданину «в государстве, т.е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть»<sup>135</sup>. Он полагал такое разделение необходимым, но с оговоркой: чтобы исключить злоупотребление властью, нужно осуществить в государстве разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Н.М. Карамзин же никогда не выступал за ограничение прав монарха, а

<sup>132</sup> Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 112.

<sup>133</sup> Там же. С. 107.

<sup>134</sup> Монтескьё Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 137.

<sup>135</sup> Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 137.

уж тем более за разделение властей, он лишь хотел, чтобы все действовали в рамках закона, в том числе и монарх, то есть перед законом все были бы равны, вне зависимости от своего положения и статуса в обществе.

Также историограф выступал против учреждения парламента, так как считал, что это только ослабляет государство. Помимо всего прочего Монтескьё в свободе видел «право делать всё, что дозволено законами»<sup>136</sup>, до него похожий взгляд имел и Томас Гоббс. Также существовала в то время и позиция, что свобода есть право делать всё, что не запрещено законами. Карамзин же напрямую не говорит, как именно должны соотноситься законы со свободой, но из его слов можно сделать вывод, что он занимает отличную от его предшественников позицию. «Законы не должны запрещать ничего, кроме вредного для общества»<sup>137</sup>, «Сделайте, чтобы законы благодворили равно всем гражданам; чтобы люди боялись только законов и ничего более не боялись; чтобы законы уничтожали только бедственную свободу вредить ближнему»<sup>138</sup>, – пишет он. На основании его слов можно сделать вывод о том, что Карамзин придерживался некой третьей позиции, что свобода есть право действовать, не нанося вред обществу или ближнему, а в законах уже должно быть чётко и ясно прописано, что именно может приносить вред населению.

Ещё следует заметить, что Карамзин считал, что если человек наносит вред себе, то это также является вредом и для всего общества, так как общество состоит из отдельных граждан. Как мы видим, Монтескьё смотрит на свободу больше с идеалистических позиций, нежели с прагматических, в отличие от Карамзина, который предполагает возможность, что человек, будучи свободным, юридически может совершить преступление. Монтескьё же в свободном человеке видит идеальное существо, которое в силу своих убеждений просто неспособно к злодеянию.

---

<sup>136</sup> Там же. С. 137.

<sup>137</sup> Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 107.

<sup>138</sup> Там же. С. 109–110.

На Н.М. Карамзина оказал влияние ещё один известный французский просветитель – Дени Дидро, который, будучи фаворитом Екатерины II, несколько лет жил в Санкт-Петербурге и получал от Императрицы жалованье за свою библиотеку. Карамзин с юности был знаком с произведениями Дидро<sup>139</sup>, которые могли оказать влияние на его мировоззрение. Карамзин, как и Дидро, по своим политическим воззрениям был сторонником просвещённого абсолютизма, в остальных аспектах политической философии они сильно расходились, но это ни в коей мере не значит, что Карамзин не ценил его как великого мыслителя.

Дидро не доверял народу, он считал его неспособным решать ни государственные, ни духовные вопросы, а этими делами может заниматься только монарх, который не забывает ни о философских, ни о научных достижениях: «Народ безмерно почитает все недостатки и успешно настраивает себя на месть, ненависть, коварство, непостоянство и пристрастие, ибо удобно превращать явные пороки в блестящие достоинства»<sup>140</sup>. Карамзин же никогда не смотрел на народ как на некую массу, он всегда обращался к отдельному, мыслящему человеку, он как раз, наоборот, был сторонником той идеи, что народ из поколения в поколение передаёт нравственные заветы отцов, и на их основе складывается и политический режим. А в монархе он видел гаранта сложившихся обычаев и устоев, самодержца, обеспечивающего население защитой как внешней, так и внутренней.

Помимо всего прочего, Дидро был сторонником союза монарха и философов, но полагал, что главенствующую роль в этом союзе будут играть философы, так как, по мнению Дидро, просвещённый монарх желает передать часть власти мудрому философу, понимая, что не может справиться со всей полнотой власти. Карамзин тоже выступает за союз монарха, но уже не с философами, а с Сенатом. В этом союзе он видел, что образованный монарх советуется или выслушивает предложения по изменениям в государственной,

---

<sup>139</sup> В письмах русского путешественника Карамзин ссылается на Кондильяка и Дидро в связи с Французской революцией.

<sup>140</sup> Дидро Д. Опыт о достоинстве и добродетели // Дидро Д. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1986. С. 94.

социальной или экономической жизни страны, но при этом должен самостоятельно принимать решения, в то время как никто не должен иметь рычагов давления на него. «Государь есть источник всякой власти в Монархии» (19); “но сия власть должна действовать чрез некоторые посредства, некоторым определённым образом: рождаются Правительства и закон, которые делают твёрдым и неподвижным установление всякого государства” (20, 21). “Сенат, главное Правительство, но зависящее от Монарха, есть в России хранилище законов” (26). “Он принимает их от Государя для исполнения; но может представлять Ему, если найдёт в них что-нибудь вредное, тёмное или противное Уложению” (21, 23, 24). Таким образом, Сенат в отношении к Монарху есть совесть Его, а в отношении к народу – рука Монарха; вообще же он служит эгидою для государства, будучи главным блюстителем порядка»<sup>141</sup>.

Наибольшее влияние среди французских просветителей на Н.М. Карамзина, безусловно, оказал Ж.-Ж. Руссо. Даже в тех вопросах, по которым он с ним спорит, а спорит (точнее было бы сказать, переосмысливает) практически по всем ключевым вопросам, в том числе о соотношении общей воли и воли всех, о соотношении естественного человека и человека образованного. Он перенял у Руссо идею о доброй природе человека, но довольно серьёзно её переформулировал: добрая природа человека в его душе, а не в следовании природным инстинктам, поэтому образование и воспитание не препятствуют, а как раз способствуют развитию этой доброй природы в человеке. По сути, Карамзин переворачивает формулу Руссо – идеалом является духовно развитый человек в естественно сложившемся обществе. Карамзин принял ряд других идей Руссо: о необходимости законодательного ограничения прав собственности, о равенстве всех сословий, о гражданских добродетелях и о ценности простых человеческих чувств.

---

<sup>141</sup> Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Terra, 2009. С. 107.

Карамзин на протяжении всей своей деятельности считал, что человек должен быть добрым и верным долгу, быть человеком чести и совести<sup>142</sup>, ибо только при таких условиях возможно полноценное гражданское общество, при котором все люди трудились бы во благо своего народа. Люди не должны быть эгоистичными и заботиться исключительно о своей выгоде, а эти наклонности людей можно обуздать только через стремление к добру, воспитание нравственности, т.е. самосовершенствование и поиск истины.

Следует отметить также, что Карамзин высоко ценит республиканские идеи Руссо, понимая при этом, что республика как таковая возможна при стечении целого ряда факторов. Удачным историческим примером стала для Карамзина только Швейцария, тогда как и Рим, и Новгород, и итальянские города-республики в конечном счёте пали перед историческим Провидением. И всё же до самых последних дней его жизни мы встречаем в его письмах утверждения о том, что республика – лучшая форма правления, но для России она не подходит, во всяком случае, в обозримом будущем. Интересно, что и о себе он говорил как о «гражданине России», практически не употреблял понятия «подданный» ни в отношении себя, ни в отношении других.

## ***§ 2.2. Влияние немецкого Просвещения: дух народа и нравственный закон***

Как уже было упомянуто выше, на Н.М. Карамзина оказали влияние не только французские просветители, но и немецкие мыслители, такие как Иммануил Кант и Иоганн Готфрид Гердер, к которым он относился с глубоким уважением и почитанием. На момент встречи с Карамзиным Канту было 65 лет, и молодому Карамзину уже были известны многие его произведения. Они встретились в Кёнигсберге, и первые слова, которые произнёс Карамзин Канту, были: «Я русский дворянин, люблю великих мужей и желаю изъявить моё

---

<sup>142</sup> Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н.М. О древней и новой России. М.: Жизнь и мысль, 2002. С. 396.

почтение Канту»<sup>143</sup>, – после чего хозяин дома пригласил его в дом, где они долго беседовали. Разговор у них вначале зашёл о путешествиях, о Китае, о новых землях, и Карамзин был потрясён историческими и географическими знаниями Канта. Затем Карамзин обратил разговор на любимые темы Канта, которые ему были интересны, такие как природа и нравственность человека. После разговора с Кантом Карамзин сделал вывод: «Помышляя о тех услаждениях, которые имел я в жизни, не чувствую теперь удовольствия; но, представляя себе те случаи, где действовал сообразно с законом нравственным, начертанным у меня в сердце, радуюсь. Говорю о нравственном законе: назовём его совестью, чувством добра и зла – но он есть. Я солгал; никто не знает лжи моей, но мне стыдно»<sup>144</sup>. Карамзин высоко оценил слова мыслителя и в дальнейшем ввёл идею о нравственном законе в основу своей социальной и политической философии, где честь и нравственность должны быть неотъемлемой частью человека для совершенствования себя и общества.

Ещё один из немецких просветителей, с которым общался Карамзин, – это широко известный Иоганн Готфрид Гердер, он имел честь с ним встретиться в его доме в городе Веймар. Ещё до знакомства с Гердером Карамзин читал многие его произведения, и как признаётся сам, тогда ещё простой русский путешественник: «читал, много не понимал; но что понимал, то находил прекрасным»<sup>145</sup>. Во время их встречи они больше говорили о поэзии и искусстве, нежели о социальных или политических проблемах. Но сам факт их общения даёт нам понять, что Гердер очень много значил для Карамзина и что мысли первого оказали влияние на всю последующую жизнь и творчество второго.

Гердер, как и Монтескье, а впоследствии и Карамзин, считал, что многое зависит от климата, который влияет на образ мыслей и на настроение населения. Гердер в своей философии рассматривал человечество как одно целое, и, как индивид, оно переживает молодость и дряхлость, то есть Гердер придерживается

---

<sup>143</sup> Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 13. М.: Терра, 2009. С. 25.

<sup>144</sup> Там же. С. 26.

<sup>145</sup> Там же. С. 89.



теории циклического развития мировой культуры, чего нельзя сказать о Карамзине. Карамзин так же, как и Гердер, видел в человечестве одно целое, а народы – это органы, которые слаженно работают, но при этом он не отдавал предпочтения определённой теории развития мировой культуры, считая, что существует некое Провидение, которое невидимой рукой направляет человечество к чему-то великому и возвышенному: «Доверенность к провидению – доверенность к той невидимой руке, которая движет и миры и атомы; которая бережёт и червя и человека, – должна быть основанием нашего спокойствия»<sup>146</sup>.

Гердер один из первых выдвинул идею национального государства, основанного на народном духе: она возникла у него из идеи естественного права и носила гуманный характер. В силу своих убеждений Гердер был противником насильственного захвата власти, так как считал, что это противоречит естественному ходу вещей и разрушает сложившиеся национальные культуры. У Карамзина мы встречаем схожую идею национального государства, которую он подкреплял примерами из Российской истории. Так же, как и у Гердера, может быть, в меньшей степени, у Карамзина присутствовала идея о духе народа, который является неотъемлемой исторической частью любого существующего государства. По мнению Н.М. Карамзина, дух народа в первую очередь проявляется в любви к отечеству и основывается на великих достижениях и завоеваниях, как в области науки и культуры, так и в военных заслугах.

Как и Гердер, Карамзин принимал тот факт, что завоевания могут разрушать сложившуюся на определённой территории культуру, как это происходило с множеством городов-государств Италии или, например, с русским городом Новгородом, которому Карамзин посвятил целую повесть. Но Карамзин видел в разрушении и подчинении Новгорода не только уничтожение народного духа, но и нечто большее – некое движение вперёд, ведь никогда не стоит забывать о том, что «судьба людей и народов есть тайна провидения»<sup>147</sup>. Помимо всего прочего, Карамзин в благополучии государства видит способность и умение

---

<sup>146</sup> Там же. С. 203.

<sup>147</sup> Карамзин Н.М. Марфа-посадница, или Покорение Новагорода // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 15. М.: Терра, 2009. С. 120.

постоять за себя, за интересы своего народа, так, например, он восхваляет Екатерину II за её победоносные действия в отношении Османской империи, которая на протяжении нескольких веков покушалась на российские, христианские земли<sup>148</sup>.

Также Карамзин выступает против восстановления Польши в её целостности, аргументируя это тем, что не стоит пригревать у себя под боком врага, который в любой удобный момент пожелает отнять величие нашего государства: «Христос велит любить врагов: любовь есть чувство; но Он не запретил судьям осуждать злодеев, не запретил воинам оборонять Государства. Вы Христианин, но Вы истребили полки Наполеоновы в России, как Греки-язычники истребляли Персов на полях Эллады; Вы исполняли закон государственный, который не принадлежит к Религии, но также дан Богом: закон естественной обороны, необходимый для существования всех земных тварей и гражданских обществ»<sup>149</sup>. Стоит также отметить, что Карамзин не является ярким милитаристом, который видит единственно возможный путь развития и обогащения только в экспансии, но в некоторых случаях такая политика бывает единственно возможным вариантом развития событий, в силу чего Карамзин призывает и государство, и народ быть к этому готовым, чтобы не потерять свою идентичность и народный дух.

Карамзин идейно формировался под влиянием двух течений в европейском Просвещении: французского и немецкого, но именно влияние немецкого оказалось определяющим при формировании его взглядов на природу человека и общества. Общие черты немецкого Просвещения отнюдь не означают теоретического единства его представителей. Христиан Вольф и Иммануил Кант могут быть рассмотрены как две противоположности по многим ключевым вопросам не только метафизики, но и практической философии. Х. Вольф отстаивал ту точку зрения, что государство должно опекать неразумный народ

---

<sup>148</sup> Тогда российский император считался покровителем всех православных народов, даже тех, которые юридически не входили в состав Империи, а их в свою очередь император считал своими подданными.

<sup>149</sup> *Карамзин Н.М.* Мнение русского гражданина // *Карамзин Н.М.* Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 18. М.: Терра, 2009. С. 10.

ради его же собственного блага, и разработал целую систему институтов опеки, которая получила название «полицейское государство». И. Кант же настаивал на недопустимости опеки, на её губительности для нравственности людей и несовместимости с моральной автономией личности.

Вместе с тем при всём своем многообразии немецкое Просвещение характеризовалось вполне определённой общей спецификой, которая отличала его от французского Просвещения. Немецкое Просвещение разрабатывало в первую очередь вопросы нравственного и интеллектуального совершенствования человека, тогда как вопросы социально-политической организации общества и разработка политической доктрины явно не были в центре его внимания<sup>150</sup>. Немецкая мысль сосредоточила свои усилия на исследовании природы разума и нравственного закона, чувства прекрасного и возвышенного, на исследовании понятий свободы и долга, то есть на всех тех вопросах, которые можно назвать философско-антропологическими. Соответственно и подход к исследованию общества и государства основывался не на политической доктрине, а скорее на философском учении о человеке, его разуме и нравственности, его способности жить своим умом в союзе с такими же разумными и нравственными существами. Вся эта тематика оказывается и в центре внимания Карамзина.

Как уже говорилось в предыдущем параграфе, основное влияние на раннем этапе формирования мировоззрения Карамзина оказал его учитель И.М. Шаден. Шаден готовил свои курсы, основываясь на этическом учении Иоганна Каспара Лафатера, в котором представление о самодовлеющей ценности человека соединялось с религиозной мистикой и верой в чудеса. Лафатер был крайне популярен в России и в первую очередь в масонской среде. Карамзин состоял с Лафатером в переписке<sup>151</sup>, однако своё путешествие по Европе (1789–1790) он

---

<sup>150</sup> Длугач Т.Б. Курс лекций «Философия Просвещения и Немецкая классическая философия». URL: [https://iphras.ru/dlugach\\_2010.htm](https://iphras.ru/dlugach_2010.htm) (дата обращения: 15.01.2023); Длугач Т.Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескьё. Вольтер. Руссо (от концепции просвещённого абсолютизма к теориям гражданского общества). М.: ИФ РАН, 2006; Длугач Т.Б. Проблема бытия в немецкой философии и современность. М.: ИФ РАН, 2002.

<sup>151</sup> Карамзин Н.М. Переписка Н.М. Карамзина с И.К. Лафатером // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 18. М.: Терра, 2009. С. 235–261.

начал с посещения Канта. Этот выбор, как считает Ю.М. Лотман, определялся не географическими соображениями, поскольку Кёнигсберг «лежал у него в стороне, а не на дороге»<sup>152</sup>. Кант с его рационалистическим и «скептическим» учением был фигурой порицаемой в масонских кругах и рассматривался как антипод Лафатера. «Кант и Лафатер как бы замыкали две границы философского пространства эпохи. И одновременно, представляя две тенденции – критическую философию и мистический энтузиазм... Карамзин хотел выслушать обоих и не подчинить себя ни одной из точек зрения. Он не торопился встать в ряды каких бы то ни было приверженцев. Он выше всего ценил независимость мысли»<sup>153</sup>, – пишет Лотман. Более того, Лотман полагает, что и Кант, и Лафатер своими учениями выражали две стороны душевного строя самого Карамзина: критический склад ума в нём сочетался с глубокой верой в безусловность человеческой доброты<sup>154</sup>.

Интерес Карамзина к Канту и интеллектуальное движение от Лафатера к Канту, судя по всему, обозначилось ещё в Москве. Связано оно было с его возрастающим скептицизмом в отношении масонства. Во всяком случае, мы можем видеть, что разрыв Карамзина с масонством сопровождался и отходом его от учения Лафатера. Позднее в «Письмах русского путешественника» он довольно точно передаст суть этического учения Канта и разницу позиций Канта и Лафатера, придав при этом несколько ироничный тон своим суждениям о последнем.

Именно в учении Канта Карамзин найдёт не мистическое, а рациональное обоснование безусловного нравственного закона, не допускающего какой-либо релятивизм, а также значение свободного независимого разума для прогресса просвещения. При этом надо признать, что, принимая полностью идею свободного независимого разума, Карамзин иначе трактует саму природу нравственного закона и источник его безусловности. Для Канта нравственный закон формален, он описывается набором категорических императивов, которые не связаны с религией. Его безусловность определяется тем, что он предписывает

---

<sup>152</sup> Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. С. 57.

<sup>153</sup> Там же. С. 66–67.

<sup>154</sup> Там же. С. 68.

должные поступки вне связи с какими-либо целями. Для Карамзина нравственный закон содержателен, и под этим содержанием он понимает христианскую этику как целое. Его безусловность в том, что он дарован Богом. Дарованный Богом нравственный закон не просто провозглашён, он является реально действующим, он просто не может не быть действующим законом. В действие он приводится людьми, уполномоченными на то волей Божьей. Из этого понимания нравственного закона Карамзин и выводит свою концепцию монархии.

Идея свободного и независимого разума стала ключевой идеей Просвещения. Вот как определил главный лозунг Просвещения Кант в 1784 году: «Имей мужество пользоваться собственным умом!»<sup>155</sup>. Кант считал, что человек должен «выбраться из состояния несовершеннолетия»<sup>156</sup>, и путь этот лежит через свободное «публичное пользование собственным разумом»<sup>157</sup>, которое только и может дать просвещение людям. Двигаться в сторону просвещения люди могут только постепенно, только посредством систематического развития навыков использования собственного ума, то есть того, что Кант, собственно, и называл «культурой ума». Понятно, почему отношение Канта к революциям было крайне негативным. Еще за 5 лет до Французской революции он пишет: «Посредством революции можно, пожалуй, добиться устранения личного деспотизма и угнетения со стороны корыстолюбцев или властолюбцев, но никогда нельзя посредством революции осуществить истинную реформу образа мыслей; новые предрассудки, так же, как и старые, будут служить помочами для бездумной толпы»<sup>158</sup>.

Для Канта революции могут иметь очень ограниченное значение, но при этом они не несут ничего положительного с точки зрения образа мысли людей и состояния их умов. Карамзин же увидел главную опасность революций именно в радикализме самих идей, которые обрушились на головы не подготовленного к ним народа, что и привело к катастрофе.

---

<sup>155</sup> *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое просвещение? 1784 // *Кант И.* Соч.: в 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 29.

<sup>156</sup> Там же. С. 30.

<sup>157</sup> Там же. С. 31.

<sup>158</sup> Там же. С. 30–31.

К такой точке зрения Карамзина подтолкнула Французская революция. Он стал её свидетелем во время своего путешествия по Европе. Уже тогда он осознал, что прогрессивные идеи могут сыграть разрушительную роль как для стабильности государства, так и для мирного развития общества<sup>159</sup>. Карамзин был обеспокоен сложившейся ситуацией во Франции и боялся, что нечто похожее может произойти и в России. Поэтому, изучая идеи французских и немецких просветителей, он попытался найти для них другие формы выражения, более близкие российской действительности<sup>160</sup>. Его убеждение в том, что каждая страна развивается самобытно, гармонично сочеталось с убеждением, что в целом всё человечество движется к единой цели или, по меньшей мере, в одном направлении – в сторону более высокой нравственности людей.

### **§ 3. Законы реального мира и нравственный закон**

Н.М. Карамзин, как и Кант, различал два вида законов: законы природы и закон нравственного мира (законы свободы). Однако у Карамзина же мы видим несколько иные основания разделения законов. Следует отметить, что при рассмотрении этой концепции можно столкнуться с такой проблемой, что Карамзин под влиянием Просвещения исповедовал в молодости деизм, идеям которого во многом остался верен до конца своих дней. Но его также никогда не покидала идея Провидения, которую он усвоил ещё в юности и никогда не сомневался в её правильности. Таким образом, получается некое противоречие в его концепции между деизмом и провиденциализмом, они довольно плохо между собой согласуются: если Бог, сотворив мир, не принимает больше участия в его судьбе, то откуда берётся Провидение? Карамзин не предлагает какого-то хорошо разработанного учения о примирении этих идей, как в своё время это сделал Кант, но реконструировать его взгляды всё же можно.

---

<sup>159</sup> Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 13. М.: Терра, 2009. С. 135, 274–278.

<sup>160</sup> Карамзин Н.М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 297–303.

По Карамзину, Бог, создав реальный мир, в том числе и реальный социальный мир, создал и все законы, которые этими мирами управляют. Бог более не вмешивается в ход реальных событий, поэтому и государства, и люди в реальном мире ведут себя довольно просто – они преследуют свои интересы. При этом, считает Карамзин, наиболее образованные умеют эти интересы не только преследовать, но и хорошо обосновывать, убеждать других в их законности, убеждать других в том, что это хорошо для всех. Карамзин пишет: «Можно ли в нынешних книгах или журналах... без жалости читать нынешние слова: настало время истины; истиною всё спасём; истиною всё ниспровергнем... Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все Авгуры, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод.

Аристократы! Вы доказываете, что вам надобно быть сильными и богатыми в утешение слабых и бедных; но сделайте же для них слабость и бедность наслаждением! Ничего нельзя доказать против чувства: нельзя уверить голодного в пользе голода... Речи и книги Аристократов убеждают Аристократов, а другие, смотря на их великолепие, скрежещут зубами, но молчат или не действуют, пока обузданы законом или силою»<sup>161</sup>.

Карамзин считает, что «основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить на верху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание»<sup>162</sup>. Поэтому «либералисты» также неправы, когда хотят установить реальное равенство в обществе. Они полагают, что тем самым наступит счастье и свобода, но, полагает Карамзин, счастье и свобода вообще никак не связаны. Более того, Карамзин вообще сомневается, а «есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти?»<sup>163</sup>.

---

<sup>161</sup> Карамзин Н.М. Мысли об истинной свободе // Карамзин Н.М. О древней и новой России. М.: Жизнь и мысль, 2002. С. 443.

<sup>162</sup> Там же.

<sup>163</sup> Там же.

Человек как реальное существо живёт в мире и подчиняется его законам. Эти законы существуют со времени сотворения мира, Бог в них больше не вмешивается. Это положение деизма Карамзин разделяет. Поэтому люди борются за свои интересы, государства воюют за свои интересы, и так будет ещё очень долго. Но есть бессмертная душа человека, которая может поступать свободно, то есть нравственно, и которая может отстаивать ценности более высокие, чем интерес. Свобода человека состоит в возвышении над законами реального мира и следовании нравственному закону. Свобода составляет основу жизни человека, но по-настоящему свободен не тот, кто ничем не ограничен в своих поступках, а тот, кто следует голосу совести в своей жизни.

Вот очень важная в этом отношении мысль Карамзина: «Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу даёт не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своём сердце миром совести и доверенностию к Провидению!»<sup>164</sup>.

Проблема в том, что нравственный закон был дан много позже, чем сотворён реальный мир с его законами. Нравственный закон, считает Карамзин, дан был только в Новом Завете. Отсюда проистекают множественные противоречия, и монарх должен очень чётко понимать, как поступать в каждой конкретной ситуации. Его миссия в том, чтобы обеспечить благо народа. Если нравственный закон говорит подставить вторую щеку, то это не значит, что врагу, который сжёг твою деревню, можно позволить сжечь другую.

Человек, по Карамзину, как духовное существо в принципе свободен, поскольку его свобода проистекает из бессмертия его души. Каждый сам себе даёт свободу настолько, насколько он может определять свои поступки нравственными законами. В своей реальной жизни человек зависит от множества обстоятельств и условий, он может жить в гармонии с окружающими его людьми, и тогда он более свободен, чем тогда, когда он живёт с ними в разладе. Однако в реальной жизни не может быть полной гармонии и человек вынужден

---

<sup>164</sup> Там же.



преследовать свои интересы, они диктуются законами реального мира и не имеют нравственного смысла, поскольку возникли задолго до появления нравственных законов. Эпохи в истории народов, по мнению Карамзина, и отличаются друг от друга тем, насколько все люди данной эпохи способны в реальной жизни определяться в своих поступках нравственными законами.

Эта способность постепенно откладывается и закрепляется в народном духе, становясь общими для всех наклонностями и убеждениями, в соответствии с которыми люди начинают жить и согласовывать свой выбор. Таким образом, свободу, то есть самоопределение, человек осуществляет внутри развивающегося народного духа. Понятно, что для Карамзина никакое заимствование идей, убеждений, ценностей ничего не даёт народному духу, но может нанести вред. Они должны созреть внутри народа в ходе его собственного исторического развития.

Теперь становится понятно, как получается у Карамзина, что каждый народ развивается сам и только сам, а его история всегда уникальна, но при этом все народы движутся в одном направлении – в направлении большей свободы и большего нравственного содержания жизни.

Таким образом, нравственный закон, по Карамзину, в первую очередь связан с моралью и этическими нормами, это своего рода образец поведения человека по отношению к другим людям. Карамзин важное место в жизни гражданского общества отдаёт морали и не видит без неё будущее человеческого бытия. Именно благодаря морали, которая изнутри каждого руководит поведением людей в обществе, человек может отличать добро от зла; радоваться выбору доброго поступка и испытывать угрызение совести, когда он склонился в сторону злодеяния: «Помышляя о тех услаждениях, которые имел я в жизни, не чувствую теперь удовольствия, но, представляя себе те случаи, где действовал сообразно с законом нравственным, начертанным у меня в сердце, радуюсь.

Говорю о нравственном законе: назовём его совестью, чувством добра и зла – но они есть. Я солгал, никто не знает лжи моей, но мне стыдно»<sup>165</sup>.

Нравственность, как считает историограф, в отличие от Руссо, с которым он спорит на страницах альманаха «Аглая», тесно связана с просвещением народа. Если степень просвещения человека низкая, то ожидать поступков, основанных на нравственном законе, нам не приходится. Но и винить такого человека мы тоже не можем, так как он действует из своего собственного интереса, возможно, корыстного, но никакого другого он не знает. Просвещение необходимо для избавления человека от эгоизма, оно учит быть добропорядочным и добродетельным по отношению к другим людям и возвращает в нас семя добра: «Что же есть мораль, из наук важнейшая, альфа и омега всех наук и всех искусств? Не она ли доказывает человеку, что он для собственного своего счастья должен быть добрым? Не она ли представляет ему необходимость и пользу гражданского порядка? Не она ли соглашает волю его с законами и делает его свободным в самых узах? Не она ли сообщает ему те правила, которые разрешают его недоумения во всяком затруднительном случае, и верною стезёю ведёт его к добродетели? – Все животные, кроме человека, подвержены уставу необходимости: для них нет выбора, нет ни добра, ни зла; но мы не имеем сего, так сказать, деспотического чувства, сего естественного побуждения, управляющего ими; вместо его дан человеку разум, который должен искать истины и добра. Зверь видит и действует; мы видим и рассуждаем, то есть сравниваем, разбираем и потом уже действуем»<sup>166</sup>.

По Карамзину, наука и добродетель взаимосвязаны и друг без друга существовать не могут. Наука без добродетели может стать служанкой злых намерений, а добродетель без науки законсервирует общество, и не будет никакого развития, которое необходимо человечеству для достижения всеобщего блага и процветания. На страницах альманаха «Аглая» Карамзин пытается

---

<sup>165</sup> Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 13. М.: Терра, 2009. С. 26.

<sup>166</sup> Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 403.

показать, что учёный может иметь порочный нрав, но это не следствие его научных достижений, а лишь следствие его дурного воспитания. Следовательно, Карамзин не просто отводил место морали в научной сфере, но и считал её важнейшей составляющей науки, именно мораль должна определять пользу научных достижений. Только наука во главе с моральными нормами может привести человечество к безопасному и счастливому будущему.

Подводя итоги первой главы, следует отметить, что формирование философского мировоззрения Карамзина происходило в несколько этапов. Первый этап связан с его образованием и воспитанием, где решающую роль сыграл профессор Московского университета Иоганн Матиас Шаден. Менее продолжительный, но не менее значимый для понимания основ и истоков его мировоззрения, был этап, когда Карамзин находился под влиянием представителей московского масонства А.М. Кутузова и А.А. Петрова. Третий этап связан с его путешествием по Европе и Французской революцией.

Определяющую роль в формировании собственных идей Карамзина оказали представители немецкого Просвещения, в частности И. Кант и И.Г. Гердер, тогда как влияние французских просветителей, таких как Ж.-Ж. Руссо, Ш.Л. де Монтескьё, Д. Дидро, было опосредованным. Его философские и социально-политические идеи формировались под сильным влиянием немецких просветителей, даже критика Французской революции во многом осуществлялась с позиций немецких мыслителей.

## Глава II. СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Н.М. КАРАМЗИНА

### § 1. Двойственная концепция свободы Н.М. Карамзина<sup>167</sup>

Проблема свободы в философии Карамзина является одной из ключевых. Мы обнаруживаем при этом, что свобода рассматривается у него в двух плоскостях. Первая связана с либерально-гуманистической мировоззренческой парадигмой, в основании которой лежит идея человеческого и гражданского достоинства. Человек обладает достоинством от рождения, и это достоинство не может быть сведено к простым заслугам. Оно даровано Богом, создавшим человека по своему образу и подобию. Это ключевой тезис естественно-правовой доктрины, тесно связанной именно с либерально-гуманистической мировоззренческой парадигмой эпохи Просвещения.

Человек обладает и гражданским достоинством в том смысле, что он полноправный член общества, добросовестно служит этому обществу и вправе рассчитывать на соответствующее к себе отношение. В основе гражданского достоинства лежит присущая каждому человеку свобода воли и способность

---

<sup>167</sup> При написании данного раздела диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Чишков Н.С.* Две концепции формирования общественного идеала в России начала XIX в.: Н.М. Карамзин versus М.М. Сперанский // Полилог / Polylogos. 2021. Т. 5. № 4. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110017970-9-1/> (дата обращения: 15.01.2023); *Чишков Н.С.* Николай Иванович Тургенев о необходимости решения крестьянского вопроса в России // Полилог / Polylogos. 2020. Т. 4. № 1. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110009980-0-1/> (дата обращения: 15.01.2023); *Чишков Н.С.* Конституционные взгляды Н.М. Карамзина и П.А. Вяземского (сравнительный анализ) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2019. № 3. С. 14–21; *Чишков Н.С.* Концепция свободы Н.М. Карамзина и её истоки // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 338–354; *Чишков Н.С.* Либеральные и консервативные основания концепции свободы Н.М. Карамзина // Философские науки. 2016. № 11. С. 49–58; *Чишков Н.С.* Идея свободы в консерватизме Н.М. Карамзина // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сб. мат-лов IV Международной конференции молодых учёных и специалистов “Clio-2016” / Гл. ред. А.К. Сорокин, отв. ред. С.А. Котов. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 617–620.

поступать в соответствии с установленными законами, а при их нарушении нести личную ответственность.

Но Карамзин рассматривает свободу не только в рамках либерально-гуманистической, но и консервативной мировоззренческой парадигмы. При этом, однако, истоки консервативной версии свободы далеко не те же самые, какие виделись, к примеру, такому классическому представителю раннего консерватизма, как Жозеф де Местр, который рассматривал свободу в качестве привилегии меньшинства – привилегии, дарованной религией или высшей властью. Свобода для него – это по сути своей право на власть, на участие в ней, а также право не зависеть от других. Любые претензии основной массы народа на свободу должны сдерживаться как религией, так и различными социальными институтами. Институт рабства – один из них. Религия борется с рабством, требует его отмены, но делает это крайне осторожно.

Ниже мы увидим, что несмотря на то, что у Карамзина принципиально иной подход, отличный от подхода де Местра, но всё же его понимание свободы также принадлежит консервативной парадигме, консервативному стилю мышления.

В исследовательской литературе уже давно отмечается, что, в отличие от либерализма, описать ключевые тезисы консерватизма крайне сложно, почти невозможно. Сами консерваторы понимают и преподносят свои идеи по-разному, при этом некоторые из них утверждают, что не существует какой-то единой консервативной идеологии. Одни считают, что консерватизм не имеет под собой фундаментальных оснований, и это лишь реакция на изменения в обществе. Другие видят в консерватизме возможность сохранения устоявшихся традиций, обычаев, порядка в условиях постоянных изменений. Нам представляется, что наиболее интересную точку зрения представляет Карл Манхейм, когда говорит о консерватизме как об особом стиле мышления, который возник как реакция на эпоху Просвещения (а именно на Французскую революцию), но при этом имеет свою собственную сильную социально-философскую и политическую стратегию. Стратегия эта в первую очередь заключается в том, что консерваторы в отличие от либералов эпохи Просвещения не считали возможным строить глобальные

концепции и давать универсальные рецепты для решения социальных вопросов, имеющих, по сути, исключительно локальный характер. Все социальные процессы имеют исключительно локальное происхождение. В силу этого идея консерватизма заключается в опоре на национальную идею каждого конкретного народа, консерватизм основывается на индивидуальных особенностях народа, то есть стремится учитывать исторический дух народа, его обычаи, традиции и нравы.

Сравним взгляды на свободу двух выдающихся мыслителей – Н.М. Карамзина и Ж. де Местра, высказанные им в отношении российского социально-политического контекста. Де Местр не только четырнадцать лет провёл в Санкт-Петербурге и вращался в тех же кругах, что и Карамзин, но и основные свои идеи, в том числе и касающиеся проблемы свободы, постоянно иллюстрировал примерами из российской политической истории. Через сравнение с взглядами де Местра можно глубже понять Карамзина.

В своих работах как Карамзин, так и де Местр достаточно много размышляют о свободе в самых разных её аспектах. Несмотря на то, что эти идеи мы относим к роду консервативных, связанных во многом с идеей приоритета порядка, они оказываются не только разными, но и почти не имеющими точек соприкосновения.

Если Карамзин выводил идею свободы из самой природы человека, как это делали просветители, то Жозеф де Местр выводил идею свободы исключительно из религии, отождествляя при этом религиозную веру и религию как социальный институт. Отсюда и его мысль о том, что человек свободен только в той мере, в какой его пронизывает приобщённость к религиозному, а пронизывает она далеко не всех. До тех пор пока человек не стал свободным, религия должна быть сдерживающей силой для человека.

По де Местру, на протяжении тысячелетий существовали «два якоря, удерживающие общество в спокойном состоянии... [это] рабство и

христианство»<sup>168</sup>. Во времена рабства свободой обладало меньшинство, а большинство составляли рабы, которые находились в подчинении меньшинства, и в качестве примеров таких государств он приводит Грецию и Рим. По мнению де Местра, греческий полис насчитывал несколько тысяч свободных людей, а остальные, находясь в услужении у господ, работали на процветание государства. Похожую ситуацию он описывает в Риме, где рабство было оплотом стабильного и сильного государства.

Религия, считает де Местр, есть враг рабства, и мы можем наблюдать, как христианство на протяжении многих веков добивалось отмены рабства. В конечном счёте с развитием христианства в Европе рабство уходит и перестаёт быть вспомогательной сдерживающей силой в государственном устройстве, а его место занимает религия. Христианство, считает де Местр, пропитано идеей свободы, и поэтому «род человеческий в его целом способен воспринимать гражданскую свободу только в той мере, в какой его пронизывает и направляет христианство»<sup>169</sup>. Иначе говоря, человек может достичь свободы исключительно будучи христианином, а там, где религия перестаёт играть важную (значимую) роль, ослабевает или вовсе исчезает, то «народ в такой же мере становится неспособным к восприятию всеобщей свободы»<sup>170</sup>.

Но есть государство, которое смогло сочетать в себе и христианство, и рабство, – это Россия. В России рабство было неотъемлемой частью государственного устройства, без которого российский государь не мог управлять столь большим народом. Освобождение от рабства, которое проповедовалось священнослужителями на Западе, не приобрело ту силу на территории России. Произошло это по нескольким причинам: «исконная неприязнь Константинополя к Риму», нарастающее недоверие между ними, «пороки пап», «жажда власти», «нашествие татар», а затем и раскол Церкви – «всё это отъединило Россию от

---

<sup>168</sup> *Местр Ж. де.* Четыре неизданные главы о России. О свободе // *Местр Ж. де.* Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 32.

<sup>169</sup> Там же. С. 31.

<sup>170</sup> Там же.

общего движения цивилизации и того освобождения, которое исходило от Рима»<sup>171</sup>.

Таким образом, по мнению де Местра, отделение Православной Церкви от Католической сыграло для России решающую роль в становлении её традиций, порядков и государственного строя. Именно благодаря «гармоничному», по его мнению, сочетанию религии и рабства Россия имеет стабильное процветание внутри страны и могущественное влияние за её пределами.

В своей работе о свободе де Местр пытается предостеречь российскую монархию от опасностей, которые её поджидают. Де Местр выступает против любых реформ, направленных на изменение государственного строя и ограничение полномочий монарха, так как видит в них опасность в первую очередь для свободы. По мнению де Местра, только монархия может обеспечить должный уровень свободы в обществе, так как имеет на своём вооружении законы, обычаи и традиции, данные Божественным Провидением. Таким образом, если монархом руководит Провидение, а религия – это единственный способ для обретения свободы, то становятся понятны его идеи о том, что ограничение прав монарха равносильно ограничению права на свободу.

Здесь следует отметить, что де Местр не выступал однозначно против освобождения крестьян, он предполагал, что это может и должно произойти только в условиях естественного (природного) поступательного развития: «Освобождение... нельзя допустить, чтобы оно сопрягалось с какими-либо опасностями: пусть оно будет бесконечно долгим, пока не останется ни одного крепостного... стоит ему слишком развернуться и стать слишком поспешным, самым прямым образом вступит в противоречие с благими намерениями верховного властителя»<sup>172</sup>, который вынужден будет расширить полномочия господ, которые в свою очередь будут ещё больше притеснять крестьян «во имя государя» и злоупотреблять доверием государя в пользу своих корыстных интересов. Люди, которые никогда не знали свободы, не способны будут

---

<sup>171</sup> Там же. С. 33.

<sup>172</sup> *Местр Ж. де*. Четыре неизданные главы о России. О свободе // *Местр Ж. де*. Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 39.



отличить правду от лжи, «резко перейдут от суеверия к атеизму и от бездеятельного послушания к безудержной деятельности. На людях такого темперамента<sup>173</sup> свобода скажется так, как горячее вино воздействует на человека, к нему не привыкшего»<sup>174</sup>.

Карамзин же иначе, чем Жозеф де Местр, понимает идею свободы, посвящая этой теме – во всём многообразии её аспектов – свои размышления во многих работах. Например, в исторической повести «Марфа-посадница...» он рассказывает об одном из самых трагических и спорных моментов русской истории – о завоевании Новгорода Иваном III. Карамзин очень точно и с глубокой симпатией к Новгороду передаёт весь драматизм ситуации, чувства горожан, их стремление отстаивать свою свободу. Он точно приводит все правовые и нравственные аргументы в пользу прав Новгорода и его граждан на свободу, но в то же время понимает, сколь сильна необходимость объединения Руси, и показывает, насколько явно действиями Ивана III руководит Провидение. Карамзин показывает, что, как бы нам ни было жалко граждан Новгорода, какие бы симпатии мы ни испытывали к ним, Провидение не считается ни с правовыми, ни с нравственными резонами и действует неотвратимо.

В то же время монархия, по Карамзину, – не враг свободы в гражданском обществе, а является её гарантом. Вот как он определяет самодержавие в «Историческом похвальном слове Екатерине II»: «Оно есть не что иное, как спокойствие духа, происходящее от безопасности, и право делать всё дозволяемое законами; а законы не должны запрещать ничего, кроме вредного для общества; они должны быть столь изящны, столь ясны, чтобы всякий мог чувствовать их необходимость для всех граждан; и в сём-то единственно состоит возможное равенство гражданское! Законодатель сообразуется с духом народа; мы всего лучше делаем то, что делаем свободно и следуя природной нашей склонности.

---

<sup>173</sup> Де Местр считал русских «самым беспокойным, самым неистовым и смелым народом». См.: Местр Ж. де. Четыре неизданные главы о России. О свободе // Местр Ж. де. Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 38.

<sup>174</sup> Местр Ж. де. Четыре неизданные главы о России. О свободе // Местр Ж. де. Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 42.

Когда умы для лучших законов не готовы, то приготовьте их; когда же надобно для счастья народа переменить его обычаи, то действуйте одним примером»<sup>175</sup>.

Таким образом, функция монархии как раз и состоит в том, чтобы, поняв дух народа, выработать соответствующие ему законы, которые станут условием и гарантом осуществления свободы. У Карамзина есть и ещё одна мысль, очень близкая консервативному мировоззрению: мы свободно делаем то, что соответствует духу и нравам народа. Таким образом, свобода всегда тесно связана с устоями и склонностями конкретного народа. Свобода – это в первую очередь возможность действовать в соответствии со своими склонностями и обычаями в условиях спокойствия духа и безопасности. Подрыв этих условий есть главная опасность для свободы. В силу этого оказывается, что в России только самодержавие может обеспечить свободу.

Карамзин отмечает также, что именно спокойствие духа обеспечивает возможность излагать свои мысли без страха наказания, поэтому и полная цензура излишня и опасна, так как становится угнетением разума. Монарх не должен воспринимать неприятную критику в свою сторону в качестве преступления, так как это ведёт к невежеству, «отнимает охоту писать и гасит дарования ума»<sup>176</sup>.

Карамзин, правда, не предлагает полностью отказаться от цензуры, так как считает, что свобода не есть своеволие, она ограничивается рамками закона, поэтому без цензуры люди могут отклониться от истины, а цензура должна направлять людей в правильное русло, она должна запрещать только явное зло – «разум может уклоняться от истины, подобно как сердце от добродетели, и неограниченная свобода писать столь же безрассудна, как неограниченная свобода действовать»<sup>177</sup>.

Также мы можем видеть, что Карамзин считает возможным, а в некоторых случаях даже необходимым проведение монархией либеральных реформ, таких

---

<sup>175</sup> Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Карамзин Н.М. О древней и новой России. М.: Жизнь и мысль, 2002. С. 302.

<sup>176</sup> Там же. С. 303.

<sup>177</sup> Там же. С. 326.

как: свобода слова, определённые гарантии частной собственности, обеспечение личной свободы и равенства всех перед законом. Он считает их вполне возможными и допустимыми в монархическом государстве, потому что эти идеи не противоречат справедливости и нравственным требованиям, а скорее закрепляют их.

Память о крайностях Великой французской революции сказывалась и на этих его размышлениях: все свободы должны допускаться вместе с возможностью их ограничения. Он придерживался той точки зрения, что если человеку дать свободу и не объяснить, для чего она ему нужна, то он будет недолжным образом ею пользоваться, и это может привести к похожим революционным событиям. Задача монарха здесь заключается в том, чтобы не дать человеку запутаться в его мыслях и идеях, чтобы человек не встал на путь зла. Отсюда Карамзин делает вывод, что свобода должна быть очень широкой, но существовать под чутким контролем монарха, иначе это может привести к несчастью.

Поэтому и политические свободы могут предоставляться в государстве только при определённом уровне нравственного развития общества, а точнее, всех его граждан. В России этот уровень, с его точки зрения, ещё не достигнут. Карамзин критикует проекты Сперанского, содержащие идею ограничения власти монарха и предлагающие введение некоторых форм представительного правления. Он опасается, что всё это приведёт лишь к тому, что между монархом и народом встанет корыстная и мощная аристократия, которая займётся не общим благом, а собственным обогащением. Монарх, ограниченный в правах, не сможет противостоять разрушению страны, сползанию её к всеобщей борьбе корыстных интересов. Всё это обернётся страшной трагедией для России и ввергнет нашу страну в кровопролитную революцию, где свобода преследовать свои интересы для одних обернётся несвободой для всех.

Согласно Карамзину, монархия и свобода в России тесно связаны. Без самодержавия в России не будет условий для свободы (спокойствия духа и безопасности), но, главное, считает Карамзин, без самодержавия нравственность

перестанет быть основанием устройства русской жизни, поскольку только в лице монарха нравственность в России обладает реальной силой.

В этой связи представляется важным сравнить две концепции формирования общественного идеала в России: одна принадлежала Н.М. Карамзину, другая – М.М. Сперанскому. Формирование концепций общественного идеала в России в начале XIX в. неразрывно связано с идеями и ценностями эпохи Просвещения. Многие исследователи считают, что противостояние Н.М. Карамзина и М.М. Сперанского – спор между либеральной и консервативной моделями развития страны, но это, на наш взгляд, неверно. Начало XIX века было временем, когда либерализм и консерватизм ещё доктринально не оформились в отдельные политические течения. Поэтому и у Карамзина, и у Сперанского мы встречаем как либеральные, так консервативные цели и ценности. Их спор глубже, чем некое политическое противостояние разных лагерей за власть, он порождён в первую очередь разными философскими традициями, которые главенствовали на тот момент в общественной жизни страны.

Их спор о перспективах реализации идеалов и ценностей эпохи Просвещения породил две, во многом отличные друг от друга концепции. Они разработали и предъявили русской общественности две разные модели формирования нового общества и нового человека. Обе концепции строились на двух разных логиках: одна шла от личности к обществу, другая – от общества к личности. Сторонником первой был Н.М. Карамзин, он предполагал, что первостепенным является воспитание и просвещение каждого отдельного человека, а уже потом этот образованный человек, основываясь на народном духе, обычаях и традициях, способен будет создать реально работающие социальные, а затем и политические институты в стране. Вторая концепция принадлежала М.М. Сперанскому, который считал, что преобразования должны идти от общества к личности. Он полагал, что наиболее образованная и просвещённая часть общества должна заимствовать институты из более развитых культур, что в

свою очередь повлечёт нравственное и интеллектуальное развитие каждого отдельного человека в России.

Различие в подходах, демонстрируемое Карамзиным и Сперанским, имело причиной и то обстоятельство, что на мировоззрение мыслителей оказали определяющее влияние различные круги источников. Как уже было показано ранее, Карамзин тяготел в большей степени к немецкому Просвещению и его в первую очередь интересовали философско-антропологические вопросы, такие как природа разума, нравственный закон, изучение чувства прекрасного и возвышенного, исследование понятий свободы и долга. М.М. Сперанский был одним из самых ярких представителей бюрократической элиты начала XIX в. Будучи выходцем из духовного сословия, он обучался в семинарии, где овладел не только древними языками (латынь, древнегреческий), но и французским языком. В семинарии М.М. Сперанский впервые познакомился с идеями французских мыслителей<sup>178</sup>. С идеями немецких философов, в частности с произведениями Канта, он познакомился позже, когда вышли переводы его работ на латинский (1796) и французский (1801) языки. Знание французского языка и основательное изучение французских просветителей во многом предопределило сферу интересов М.М. Сперанского, поэтому именно социально-политические проблемы государства и общества ему виделись самыми существенными.

Приверженность М.М. Сперанского идеям французских мыслителей подталкивала его к попыткам реформирования политической системы России, а именно – ограничению власти монарха. Многие отечественные мыслители, которые были привержены в большей степени французской философской мысли эпохи Просвещения и симпатизировали французской революции, считали, что Франция станет оплотом свободы и распространит просвещение во все страны мира<sup>179</sup>.

---

<sup>178</sup> Д. Дидро, Вольтер и Ж.-Ж. Руссо.

<sup>179</sup> Далее в этом параграфе мы ещё затронем эту тему, когда будем говорить о споре между П.А. Вяземским и Н.М. Карамзиным о необходимости конституции в России.

Важное место в Плате государственного преобразования <sup>180</sup> М.М. Сперанского, который был направлен на достижение общественного идеала, занимает свобода. Рассматривая историю как борьбу людей за политические свободы и ограничение власти самодержцев, он ставит основной своей целью обоснование неизбежности данного процесса для высшей государственной власти. Разделяя свободы на гражданские и политические, Сперанский считает, что в полной мере в России ими никто не обладает. В самом уязвимом положении находятся крепостные крестьяне, которые «не имеют ни политической, ни гражданской свободы»<sup>181</sup>.

Сперанский предлагал наделить подданных гражданскими свободами, разделяя их на личные и вещественные, а также на общие и особенные. Под личными он понимал равенство всех перед законом и судом – ими необходимо было наделить всех подданных без исключения. С вещественными свободами дела обстояли иначе. Он признавал возможность приобретения собственности всеми подданными, но с одной оговоркой: «Право собственности движимой и недвижимой, но не населённой, должно принадлежать всем без различия; но собственность населённая предполагает такие отношения, к коим не все могут быть способны. Она предполагает управление и, следовательно, знание законов правительства, коего нельзя достигнуть без особенного к тому образования»<sup>182</sup>. Особенными гражданскими свободами М.М. Сперанский предлагал наделять наиболее образованную и успешную часть общества.

Политическими правами, по мнению Сперанского, могут обладать только люди, владеющие собственностью, примером ему в этом послужил французский опыт, где право выборов было ограничено имущественным цензом: «Нет сомнения, что и у нас тому же правилу должно следовать и потому постановить,

---

<sup>180</sup> *Сперанский М.М.* План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (введение к Уложению государственных законов 1809 г.): с приложением «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», (1803 г.), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и «Пермского письма к Императору Александру». М.: Русская мысль, 1905. 359 с.

<sup>181</sup> Там же. С. 51.

<sup>182</sup> Там же. С. 56–57.

что в составлении выборов никто не может участвовать, кто не имеет недвижимой собственности или капиталов промышленности в известном количестве»<sup>183</sup>.

В отличие от идеи свободы Н.М. Карамзина, которая имела онтологическую глубину, идея свободы Сперанского носила исключительно социально-политическую направленность и была своего рода попыткой перенести зарубежный опыт на российскую почву. Поддерживая идею Ш.Л. де Монтескье о необходимости разделения властей, М.М. Сперанский хотел «заимствовать» и перенести в Россию функционирующие институты из прогрессивных европейских государств, т.е. создать их российские аналоги.

Именно эта убеждённость М.М. Сперанского в том, что, воссоздав в России аналоги европейских институтов, можно продвинуть вперёд и страну, и народ, стала объектом критики Н.М. Карамзина. Идея копирования институтов представлялась Н.М. Карамзину чрезвычайно поверхностной и даже опасной. Убеждение историографа, что без развитой личности, способной мыслить самостоятельно и ответственно, без развитого чувства гражданственности в обществе, наконец, без развитой системы хозяйственного и духовного взаимодействия людей, то есть без гражданского общества, эти институты будут скорее провоцировать конфликты и могут ввергнуть страну в кровопролитную революцию. Заимствованные извне институты будут тормозить сам ход поступательно-эволюционного развития страны и формирование собственных институтов. Для Карамзина очевидно, что не институты формируют людей, а люди формируют институты в соответствии со своими потребностями в них и соответственно своему уровню развития.

Оба мыслителя воспитывались на идеях и ценностях эпохи Просвещения, таких как свобода слова и самовыражения, стремились к реализации идеи общего блага путём всеобщего образования и просвещения населения, выступали за отмену крепостного права и считали, что закон должен стать основой жизни в России. Но, как уже говорилось выше, они тяготели к двум разным философским традициям в истории Просвещения: Н.М. Карамзин в первую очередь к немецкой,

---

<sup>183</sup> Там же. С. 62.

М.М. Сперанский – к французской. Поэтому они по-разному строили свою логику и видели пути и методы достижения этих целей и ценностей.

Сперанский считал, что ограничение власти монарха, внедрение конституции и вовлечение в государственное управление талантливых бюрократов, способных скопировать функционирующие институты из более развитых стран, даст серьёзный толчок в развитии Российского государства, а за ним и всего общества в целом. Он писал: «Лучшее средство ответственности и по настоящему положению вещей единственное, есть публичность деяний правительства. Должно ввести в самый состав сената исполнительного, чтобы все его деяния были опубликованы; это есть черта не обряда, но монархической конституции, которую ныне же принять можно. Пользы от сего установления неисчислимы. Оно ознакомит народ с правительством, родит общее мнение, просветит низших исполнителей, приуготовит людей к делам, поставит министров под судом общего разума»<sup>184</sup>.

Н.М. Карамзин видел в этих намерениях большие опасности, подрывающие многовековые устоявшиеся порядки. Он опасался, что внедрение конституции, ограничивающей власть монарха, создаст мощную и неподвластную никому аристократию, которая непроходимой стеной встанет между монархом и народом, а заботить её будет только собственное обогащение и удержание власти любой ценой. Карамзин писал: «...не Конституция, а просвещение англичан есть истинный их палладиум»<sup>185</sup>. Историограф считал, что политические реформы необходимо проводить тогда, когда всё население страны подготовлено к самостоятельной жизни, каждый имеет собственное хозяйство и дело. Без собственного дела и имущества граждане, не нашедшие себе место в реальной жизни, неизбежно будут объединяться в революционные группы и подрывать основы государственного устройства страны.

По мнению историографа, все реформы должны носить национальные черты и вырасти органически из традиций, обычаев и народного духа, а

---

<sup>184</sup> Там же. С. 66–67.

<sup>185</sup> Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 13. М.: Терра, 2009. С. 466.



унификация России по некоему усреднённому европейскому образцу, который предлагал М.М. Сперанский, не имеет ничего общего с действительным положением дел в стране. Каждое государство в Европе развивается самостоятельно и создаёт свои собственные институты, отвечающие конкретным потребностям населения. Карамзин считал, что граждане страны самостоятельно способны создать действительно работающие институты, а основную миссию монархии на этом этапе он видел в организации полноценной системы образования школьного и высшего, к которому будет доступ у всех граждан страны без исключения. И только образованный, то есть просвещённый, гражданин способен будет привести страну к общему благу.

М.М. Сперанский же считал, что все люди одинаковы в своих способностях от рождения, и границы между государствами считал условностями. Возможно, в этом немаловажную роль сыграло его семинарское воспитание, в основе которого лежала идея о равенстве всех людей перед Богом и о едином их происхождении. Поэтому он не придерживался мнения, что реформы должны отражать национальные черты, он считал, что политические реформы никогда не поздно осуществлять, и если всё получилось во Франции, то обязательно получится и в России.

Обе концепции, предложенные отечественными мыслителями, направлены на реализацию общественного идеала, в основании которого находились идеи и ценности эпохи Просвещения, такие как свобода, равенство граждан и главенство закона в государственной и общественной жизни страны. Оба отечественных мыслителя понимали необходимость реализации концепта общественного идеала в России, но их методы в достижении этого серьёзно отличались. План государственного преобразования М.М. Сперанского был направлен на постепенную унификацию России по некому единому европейскому образцу, чего не было достигнуто в самой Европе. Поступательная модель развития Н.М. Карамзина была направлена на создание самостоятельного, суверенного государства среди таких же равноправных государств Европы и мира в целом.

Безусловно, Н.М. Карамзин был сторонником изучения иностранного опыта, но он был против прямого заимствования и слепого внедрения этих идей в реалии российского государства и общества. Эти идеи можно использовать только как теоретическую основу, только как некие теоретические построения, а реальное применение должно учитывать особенности государства, традиции, обычаи и народный дух. Именно этого Н.М. Карамзин не нашёл в плане М.М. Сперанского.

Следует отметить, что и сам Сперанский в конечном счёте отказался от своего плана преобразования России путём заимствования и внедрения институтов из других государств. Свидетельство этому – его активное участие в судебном процессе по делу декабристов, которое он возглавил по поручению Императора Николая I.

После того как мы показали логику мысли Карамзина о возможном пути достижения общественного идеала в России, важно подробно разобрать его представления о необходимости конституции в России. Наиболее удобно это сделать, сравнив взгляды историографа с взглядами его младшего товарища, сторонника введения конституции в России – П.А. Вяземского, с которым Карамзин часто вступал в дискуссии по данному вопросу. В основании их спора лежали существенные различия в понимании природы свободы и её общественного значения. Если Карамзин видел таящиеся в конституции многочисленные опасности, то Вяземский – единственно возможный путь общественного развития. Этот спор в тех или иных формах воспроизводился в отечественной философской и политической традициях ещё более ста лет.

Если Карамзин в своих рассуждениях о свободе опирался прежде всего на немецкое просвещение, то его воспитанник и друг П.А. Вяземский всегда тяготел к логике французской политической мысли. Он, как и Карамзин, понимал значение просвещения и личной свободы, но полагал, что они обеспечиваются и развиваются только при условии существования конституционно закреплённых институтов, таких как: свобода слова и печати, свобода объединений, законодательное ограничение власти, гарантии частной собственности.

Отсюда вытекает и его положительное отношение к результатам Французской революции, которая институционально закрепила основные права и свободы граждан. Только после такого закрепления, считает Вяземский, можно говорить, что «вся политика Франции заключается отныне в распространении просвещения и свободе печатания. Букварь будет учителем грядущего поколения и начальные училища Франции училищами рода человеческого»<sup>186</sup>. Для него свобода – это в первую очередь такая организация жизни, которая гарантирует человеку свободу выбора. Человеку также должна быть предоставлена свобода высказывать свои мысли, реализовывать свои интересы. Но для Карамзина наличие свободы выбора и права преследовать свои интересы – это ещё далеко не свобода. Важно понять, что именно выбирает человек, каковы основания, по которым он этот выбор делает.

Эти идейные расхождения во многом определили и содержание спора двух русских мыслителей о конституции. Если Карамзин выступал против конституции и считал её ненужным (во всяком случае, для России), а в некоторых случаях даже вредным документом, то Вяземский был явным сторонником конституции и считал её основным законом, который может и должен обеспечить основополагающие права и свободы российского населения.

Именно открытая борьба Вяземского за создание конституционной монархии в России поставила его в оппозицию к власти. Старшие товарищи Вяземского, такие как В.А. Жуковский и А.И. Тургенев, не раз высказывали свои опасения по поводу оппозиционности Вяземского как ему самому, так и Карамзину.

Карамзин же пытался показать своему молодому товарищу, что не конституция и освобождение крестьян ведёт за собой просвещение, как это представлял себе Вяземский и большинство французских просветителей, а как раз наоборот, только через всеобщее просвещение, через развитие в людях способности к самостоятельной жизни можно сформировать у людей правильное

---

<sup>186</sup> Вяземский П.А. Книжка вторая (1813–1855) // Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848) / Отв. ред. К.В. Пигарев. М.: Академия наук СССР, 1963. С. 50.

понимание пользы законов и свобод. Без просвещения населения все попытки создания и внедрений конституции, а также освобождения крестьян неизбежно обернутся негативными последствиями, которые могут привести страну к революции.

Карамзину не удалось убедить своего воспитанника в негативных сторонах конституции, но у него получилось убедить юного князя при всей его оппозиционности в том, что исключительно мирные и постепенные преобразования, а не радикальные и уж тем более не революционные движения могут стать основой достижения великих целей.

И всё же Вяземский остался на довольно радикальных позициях по многим вопросам. В своих работах и письмах он часто поднимал вопросы, которые ему казались наиболее актуальными и злободневными для России и требовали скорейшего решения. Например, в переписке с А.И. Тургеневым он осуждал отход императора от либеральных идей в пользу охранительных, оставался сторонником полной свободы слова, запрета любых форм цензуры, а главным приоритетом в государственной политике считал полный отказ от крепостного права в пользу свободы личности. Основным законом, который, по мнению П.А. Вяземского, должен был обеспечить всё вышеперечисленное, – это конституция.

В 1815 году император Александр I подарил польскому народу конституцию, в которой прописывались основные положения, свойственные прогрессивным европейским конституциям. В частности, там говорилось о свободе печати, о неприкосновенности личности, польский язык признавался официальным несмотря на то, что Польша оставалась частью Российской империи, а также была предусмотрена выборность нижней палаты сейма. Реакции на это событие П.А. Вяземского и Н.М. Карамзина были диаметрально противоположными. Если Карамзин отнёсся к этому событию по большей части негативно, то Вяземский воспринял это событие исключительно позитивно, так как видел в нём первый и неминуемый шаг к российской конституции, тем более что сам император подпитывал эти настроения.

В письме от 21 августа 1818 года Н.М. Карамзин пытается убедить своего друга и ученика П.А. Вяземского в том, что России не нужна конституция, так как, когда на кону стоят жизни и судьбы людей, мы не имеем права с ними играть, проводя конституционные эксперименты: «Дать России конституцию в модном смысле есть нарядить какого-нибудь важного человека в гаерское платье... Россия не Англия, даже и не Царство Польское: имеет свою государственную службу, великую, удивительную, и скорее может упасть, нежели ещё более возвеличиться. Самодержавие есть душа, жизнь её, как республиканское правление было жизнью Рима. Эксперименты не годятся в таком случае»<sup>187</sup>. Но Карамзин тут же оговаривается: «впрочем, не мешаю другим мыслить иначе»<sup>188</sup>, чтобы его слова не были истолкованы как обвинения в сторону Вяземского, а скорее как наставления или рекомендации.

Следует сказать, что и Вяземский, и Карамзин считали свободу основой человеческого бытия, без которой невозможно полноценное существование личности, но их видение достижения этой цели серьёзно отличалось. Вяземский считал, что только создание полноценных институтов, ограничивающих абсолютную власть монарха и гарантирующих равенство всех без исключения перед законом, может способствовать скорейшему развитию свободы в стране. Карамзин же, напротив, считал искусственное внедрение неких институтов свобод бесполезным, а в некоторых случаях даже опасным делом, подталкивающим незрелое население к безрассудным действиям.

Полемика Н.М. Карамзина и П.А. Вяземского вскрыла одну из важнейших дилемм русской истории. Спор о том, что чему должно предшествовать: личностное ли развитие людей должно предшествовать установлению в обществе всех других свобод или наоборот – установление институтов свободы в обществе должно предшествовать и вести к формированию личностной свободы, формировать у гражданина способность жить в условиях свободы.

---

<sup>187</sup> Карамзин Н.М. Письма к П.А. Вяземскому // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 18. М.: Терра, 2009. С. 328.

<sup>188</sup> Там же.

Это не был некий схоластический спор о том, что первично: курица или яйцо, а спор, продолжавшийся в России на протяжении всего XIX века. Многие вполне либеральные мыслители считали введение конституции и представительного правления в России делом преждевременным. Вспомним, что даже такой либеральный учёный-историк, как Василий Осипович Ключевский, поначалу не был сторонником Манифеста 17 октября 1905 года, считая его преждевременным.

Не менее важным, как нам кажется, представляется сравнить здесь взгляды Карамзина на проблему крепостного права в России с позицией известного отечественного учёного, экономиста, видного представителя русской либеральной мысли Николая Ивановича Тургенева (1789–1871). Значимым видится здесь и то обстоятельство, что оба мыслителя пытались экспериментировать с отменой крепостного права в принадлежащих им землях в Симбирской губернии.

Н.И. Тургенев с юных лет негативно относился к крепостному праву. Возможно, в этом немаловажную роль сыграла его мать Екатерина Семёновна Тургенева (Качалова), полагавшая, что с рабами можно и должно обращаться, применяя жестокие меры и телесные наказания. В предисловии к одному из своих самых известных произведений он напишет: «Принадлежа по рождению к сословию рабовладельцев, я с детства познакомился с тяжёлым положением миллионов людей, которые стонут в России в оковах рабства: зрелище этой вопиющей несправедливости живо поразило моё юное воображение и оставило неизгладимое впечатление в душе»<sup>189</sup>.

По его собственным свидетельствам, более осмысленное отношение к невольному положению крестьян у него сформировалось во время учёбы в Гёттингенском университете, в котором он учился с 1808 по 1811 год. На первых этапах творчества крестьянский вопрос не был в центре его внимания, но по мере изучения им экономических и философских теорий в университете отход от рабства виделся ему важной и неотъемлемой частью экономического и

---

<sup>189</sup> Тургенев Н.И. Россия и русские / Пер. с фр. С.В. Житомирская; коммент. А.Р. Курилкин. М.: ОГИ, 2001. С. 11.

социального развития России. Безусловно, наиболее серьёзное влияние на идеи Н.И. Тургенева о необходимости и экономической целесообразности отмены крепостного права оказал прусский государственный деятель Генрих Фридрих Карл фон Штейн (1857–1831), в Департамент которого в 1813 году он получил назначение.

Г.Ф.К. фон Штейн, известный в первую очередь в качестве реформатора в духе просвещённого абсолютизма, был по преимуществу практиком. Его экономические и политические реформы, завершённые им к 1808 году, – среди них была и отмена крепостного права – оказали плодотворное влияние на социальную стабильность и экономический подъём немецкого народа. Реформы Штейна имели важное, по мнению Н.И. Тургенева, сочетание, которое обусловило их успех, – это уважение к немецким обычаям и традициям в сочетании с успешным иностранным опытом. Проводя реформы в духе просвещённого абсолютизма, Штейн был сторонником идеи местного самоуправления и частично принял учение Адама Смита. Английский парламентаризм в свою очередь остался им практически незамеченным. Особое восхищение относительно Штейна Николай Иванович испытывал за его одновременно уважительное отношение к аристократии и понимание необходимости бессословного государства ради общего блага всего немецкого народа. Изучая работы Н.И. Тургенева, мы часто можем встретить такие характеристики Штейна, как «умный», «образованный», «гениальный», «незабвенный» и т.д.

Безусловно, не только Штейн способствовал политическим увлечениям Тургенева, но именно в беседах с ним Николай Иванович почерпнул важные условия для осуществления отмены крепостного права в России. Одним из таких условий Штейн считал ориентацию на национальную специфику. По воспоминаниям Н.И. Тургенева, он считал, что необходимо даже восстановить «русские кафтаны и бороды». Отказ от иностранной литературы и изучения французского языка Штейн тоже считал немаловажным условием. При этом он придерживался позиции, что англичане и немцы ближе русскому духу и нам

следует обратиться к их опыту в этом нелёгком деле, в первую очередь из-за постоянных торговых связей. Следует отметить, что Штейн негативно относился к реформам М.М. Сперанского и считал их вредными для России. Схожих позиций придерживался и Н.М. Карамзин, который несколько лет проучился в пансионе немца Иоганна Матиаса Шадена.

Вплоть до 1816 года для Н.И. Тургенева наиболее приемлемой формой государственного устройства является абсолютная монархия, а именно просвещённый абсолютизм. Но медлительность правительства в осуществлении требуемых эпохой реформ вынуждает его заняться поисками более приемлемой формы государственного устройства. В дневнике от 20 апреля 1816 года он сравнивает конституционную монархию с самодержавной, считая пользу конституции очевидной: «Бог, создав людей, дал им волю делать добро и зло. Бог управляет такими существами, кои действуют по собственному своему произволу, кои одним словом свободны. Пастух управляет овцами посредством своих собак. Конституционный государь управляет народом посредством Государственных законов; Деспот – посредством алгвазилов. Первый уподобляется сотворившему его вечному, милосердному Богу; второй подобен пастуху»<sup>190</sup>. Считая крепостное право экономически невыгодной моделью, в дневнике от 2 июня 1816 года он предлагает проект реформ на 25 лет, одним из этапов которого, по его задумкам, станет «полное уничтожение рабства»<sup>191</sup>.

В 1817 году появляются слухи о возможном скором освобождении российских крестьян по примеру Прибалтийских губерний. В сентябре он пишет в письме своему брату Сергею Ивановичу: «Дай бог, чтобы это более и более разпространялось. О рабстве мужиков наших нельзя вспомнить без ужаса, а вместе и без удивления, что в России оно существовать ещё может в XIX веке и после того, что Россия сделала»<sup>192</sup>. Но понимание, что для российских крестьян

---

<sup>190</sup> *Тургенев Н.И.* Дневники Н.И. Тургенева за 1811–1816 г. // Архив братьев Тургеневых. Вып. 3 / Под ред. Е.И. Тарасова. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1913. Т. 2. С. 331.

<sup>191</sup> Там же. С. 333.

<sup>192</sup> *Тургенев Н.И.* Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.: Академия наук СССР, 1936. С. 232.



так ничего и не делается, вызвало у него скептическое отношения к этим разговорам.

В середине 1818 года Н.И. Тургенев отправляется в своё родовое имение в Симбирской губернии и решает там улучшить положение подвластных ему крестьян. Обговорив это вместе, Николай Иванович и его братья Сергей и Александр заменяют барщину оброком, а в дальнейшем заключают с крестьянами соглашение (договор). Важным преимуществом оброчной системы для Николая Ивановича являлась выборность из самих крестьян старшины, который «повинуется миру, а не прихотям помещика или управителя»<sup>193</sup>. После таких перемен жизнь и быт крестьян улучшается, что явилось для Николая Ивановича ещё одним доказательством необходимости скорейшего освобождения крестьян.

Н.М. Карамзин, будучи сторонником отмены крепостного права в России, как и Н.И. Тургенев, пытался реализовать пусть не полное, но частичное освобождение крестьян в подвластных ему землях. Он предоставил крестьянам землю за выплату «самого умеренного оброка»<sup>194</sup> и предложил им выбрать из своей среды начальника, который бы следил за порядком, не назначив при этом «ни управителя, ни приказчика». Вернувшись после долгого отсутствия, он обнаружил всеобщее обнищание крестьян. Поговорив с ними, Карамзин пришёл к выводу, что свобода, дарованная им, «обратилась для них в величайшее зло» и превратилась в свободу «лениться и предаваться гнусному пороку пьянства»<sup>195</sup>. Поэтому Карамзин решил всё взять обратно в свои руки, он возобновил господскую пашню и стал личным примером показывать необходимость труда. Введя строгий порядок, Карамзин добился, что некоторое время спустя крестьяне стали достаточно зажиточными.

Из своего опыта Карамзин сделал вывод, что теоретические соображения о том, что в России крестьяне плохо трудятся, потому что помещики забирают себе

---

<sup>193</sup> *Тургенев Н.И.* Нечто о крепостном состоянии в России // Архив братьев Тургеневых. Вып. 5 / Под ред. Е.И. Тарасова. СПб.: Академическая двенадцатая государственная типография, 1921. Т. 3. С. 418.

<sup>194</sup> *Карамзин Н.М.* Письмо сельского жителя // *Карамзин Н.М.* Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 15. М.: Терра, 2009. С. 87.

<sup>195</sup> Там же. С. 88.

большую часть результатов их труда, не имеют ничего общего с действительностью и тем самым подрывают многовековой устоявшийся порядок. Карамзин, основываясь на своём опыте, пришёл к выводу, что развитие сельского хозяйства и благополучие крестьян обеспечиваются усилиями помещика, и боялся, что после отмены крепостного права дворяне избавятся от своих многочисленных помещичьих обязанностей. Именно после такого неудачного опыта Карамзин стал противником отмены крепостного права, полагая, что время для этого ещё не пришло.

Он считал, что существующее воспитание, образование и образ жизни не готовит крепостных к свободной социальной, экономической и политической жизни, так как их духовная структура столетиями находилась в состоянии рабства и другого пути не знала. Для того чтобы сломить этот порочный круг, Карамзин предлагает оставить «попечительство» помещиков до тех пор, пока каждый крестьянин не получит собственную землю и навыки свободного человека. Единственный путь, который мог привести крепостных к освобождению без серьёзных потрясений для государства и общества, Карамзин видел в создании сельских школ. Карамзин опасался, что освобождение необразованных и безграмотных крестьян на государственном уровне уже не позволит, как в случае его опыта, вернуть всё обратно. И люди, не получившие должных базовых навыков для самостоятельной жизни, будут объединяться в революционные группы.

Карамзин, как и Тургенев, называет крепостное право злом, но с той разницей, что для Николая Михайловича это зло, неизбежное на определённом этапе исторического развития. И оно, по мнению историографа, может быть преодолено только путём всеобщего образования и просвещения людей как в интеллектуальном, так и в нравственном плане. Николай Иванович в свою очередь видит в крепостном праве только зло, порождающее ещё большее зло. Поэтому он выступает за скорейшее освобождение крестьян, считая, что экономический подъём, который последует за отменой рабства, будет способствовать повышению уровня образования в стране.

Подводя итоги, следует сказать, что свободу Карамзин понимает в первую очередь как возможность для человека жить в соответствии со своими наклонностями, то есть в соответствии с исторически сформировавшимся народным духом. При этом Карамзин подчёркивает, что это не подчинение некой внешней традиции, а самореализация, которую осуществляет человек в условиях общности представлений и убеждений. В силу единства убеждений наклонностей людей, а это единство есть признак наличия народного духа, этот процесс самореализации должен происходить бесконфликтно. Но конфликты в реальной жизни неизбежны, важно, чтобы они не приводили к нарушению порядка и спокойной жизни общества. Наличие конфликта, приводящего к беспорядку, есть первый и главный признак несвободы. Таким образом, для Карамзина свобода и порядок тесно связаны, существовать друг без друга они не могут. Друг без друга каждый из них превращается в свою противоположность: свобода без порядка превращается в несвободу, а порядок без свободы – в принуждение и насилие.

## **§ 2. Идея Провидения в философии истории Н.М. Карамзина**

Н.М. Карамзин несмотря на то, что был подвержен влиянию масонов и по своим убеждениям был деистом, тем не менее сохранил приверженность идее Провидения до конца своей жизни. Но идея Провидения у Карамзина серьёзно расходилась с идеями провиденциализма западных консерваторов. В основном это связано с тем, что сама идея Провидения различается в разных христианских традициях. Если в католическо-христианской традиции провиденциализм понимался как осуществление божественного плана, т.е. построения царства Божьего на Земле, и выступал в качестве одного из догматов Церкви, а в кальвинизме провиденциализм был, по сути, един с предопределением, то в Православии идея Провидения была иной. В Православной традиции Провидение не связано с построением земного рая и не является неким догматом Церкви, это промысел Божий, цели которого заключаются в сохранении мира на земле, а также признание «и сохранение абсолютной самоценности человеческой жизни

как “образа и подобия Бога” и направление человечества “к стяжанию даров Духа Святого”»<sup>196</sup>. На основании этих посылов делается вывод о том, что Государство и Церковь не должны находиться в противоборстве, а, наоборот, должны сосуществовать в гармонии и служить общему делу. Церковь и государство, действуя в разных областях: первое – в моральной, второе – в юридической, должны вместе работать на благо человечества, «не упраздняя свободы и самостоятельности каждого в его собственной автономной области»<sup>197</sup>.

Взаимоотношение Церкви и государства, на наш взгляд, наиболее подробно описал последний обер-прокурор святейшего синода Карташёв А.В. По мнению Карташёва А.В., Церковь и государство должны быть слиты в одно целое, как в человеке слито тело и душа, «ибо и то и другое – создание Единого Творца»<sup>198</sup>. Только путём достижения симфонии между божественным и человеческим, небесным и земным можно достичь мира и благополучия на земле.

Пытаясь реконструировать идею Карамзина о Божественном Провидении, мы неизбежно сталкиваемся с множеством трудностей. Во-первых, Карамзин не даёт конкретного определения идеи Провидения. На основании этого можно сделать вывод, что Карамзин предполагает, что читатель, к которому он обращается, наверняка знает или, по крайней мере, не один раз слышал о Божественном Промысле. Во-вторых, сложность вызывает то, что Карамзин, будучи деистом по своим убеждениям, во многих своих произведениях предлагает верить и безоговорочно подчиняться Божественному Провидению.

У Карамзина Провидение есть развёртывание некоего Божественного плана. При этом в его работах встречается употребление двух близких понятий – «Провидение» и «судьба». В его «Истории государства Российского» Божественное Провидение возникает тогда, когда ему не удаётся аргументированно или логически объяснить произошедшие события в истории, а когда это удаётся сделать, он использует слово «судьба». Изучая работы

<sup>196</sup> Провиденциализм. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2450.html> (дата обращения: 15.01.2023).

<sup>197</sup> *Карташёв А.В.* Воссоздание святой Руси. URL: [http://azbyka.ru/otechnik/Anton\\_Kartashev/vossozdanie-sv-rusi/5](http://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vossozdanie-sv-rusi/5) (дата обращения: 15.01.2023).

<sup>198</sup> Там же.

Карамзина, можно сделать вывод, что Божественное Провидение в его философской системе выступает в качестве «невидимой руки», которая ведёт в конечном счёте всё человечество к общему благу. Пути Провидения могут казаться человеку несправедливыми, жестокими, но Карамзин предлагает полностью довериться Провидению, которое действует в этом мире через государственных деятелей и в первую очередь через монарха: «Предадим, друзья мои, предадим себя во власть провидению: оно, конечно, имеет свой план; в его руке сердца государей – и довольно»<sup>199</sup>. Карамзин искренне верит в существование Провидения и пытается показать людям не только существование Провидения, но и его пользу для человечества: «Нет, мой друг! Пусть докажут мне наперёд, что бог не существует, что провидение есть одно слово без значения, что мы дети случая, слепление атомов и более ничего! Но где же тот безумный изверг, который захотел бы уверить меня в сих страшных нелепостях? Я взгляну на сафирное небо, взгляну на цветущую землю, положу руку на сердце и скажу атеисту: “Ты – безумец!”»<sup>200</sup>.

В философии Карамзина, таким образом, присутствует универсальная телеологическая концепция о целесообразности человеческого бытия. То есть у мира существует одна или несколько конечных целей, которые стоят перед человечеством, и Провидение помогает приблизиться к ним. В конечном счёте историограф предполагает, что именно благодаря Провидению человечество сможет достичь этих целей. Так, например, в исторической повести «Марфа-посадница...» он описывает трагические события, связанные с завоеванием Иваном III Новгорода. В данной повести Карамзин показывает, что действиями Ивана III всецело руководит Провидение, целью которого является объединение Руси.

Таким образом, Провидение, действуя, выполняя некий определённый Божественный план, нам неведомый, может не считаться ни с мнениями, ни с

<sup>199</sup> Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 13. М.: Терра, 2009. С. 277.

<sup>200</sup> Карамзин Н.М. Мелодор к Филалету // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 23.

потребностями людей, через которых оно действует. Провидение может как затмевать, так и озарять разум человека. Так как наибольшей властью обладает монарх, Провидение в основном действует через него, влияя тем самым на судьбы разных народов.

Проведя анализ использования им терминов «Провидение» и «судьба», можно прийти к выводу, что это не просто два разных термина, а в некоторых случаях он их даже противопоставляет друг другу. Термин «судьба» для Карамзина играет важную роль в жизни народов или конкретных людей. Судьба не имеет никаких высших целей, она опирается на возможности и способности человека или народа. Термин «судьба» он использует, когда говорит о самых разных умственных и физических возможностях человека, полученных в течение его жизни, то есть, по Карамзину, судьба человека зависит исключительно от него самого, то же самое дело обстоит с народом. Но когда в жизнь человека, города или народа вмешивается нечто, что нельзя объяснить законами реального мира или нравственным законом, то он использует термин «Провидение».

Исследуя работы Карамзина и зная о его идее разделения законов, можно подумать, что категория «судьба» относится к законам реального мира, а термин «Провидение» относится к нравственному закону, но это не так. Законы реального мира и нравственный закон регулируют исключительно взаимоотношения людей между собой: первые созданы, чтобы юридически ограничивать человека от зла, второй создан, чтобы человек сам себя контролировал изнутри. Провидение же предназначено, как уже было сказано выше, для выполнения некой божественной цели, которая стоит перед человечеством. Если монарх, которым руководит Провидение, может возвышаться над законами реального мира, то Провидение само по себе может возвышаться над обоими законами. Оно может обречь на несчастье целую страну на многие годы, как это было во время правления Ивана Грозного и затем продолжилось после его смерти, вплоть до воцарения на престоле дома Романовых. «Так готовилась Россия, – пишет Карамзин, – к ужаснейшему из явлений в своей истории; готовилась долго: неистовым тиранством двадцати

четырёх лет Иоанновых, адскою игрою Борисова властолюбия, бедствиями свирепого голода и всеместных разбоев, ожесточением сердец, развратом народа – всем, что предшествует испровержению Государств, осуждённых Провидением на гибель или на мучительное возрождение»<sup>201</sup>. Также, по Карамзину, Провидение может вмешаться для спасения жизни любого человека, как это было в его произведении «Рыцари нашего времени» в 7 главе под названием «Провидение»<sup>202</sup>, когда Леон был спасён от разъярённого медведя ударом молнии за несколько секунд до того, как медведь набросился на него.

Таким образом, Провидение может действовать безнравственно, и тогда оно стоит выше любых законов. Как монарх через Провидение может возвышаться над законами реального мира, действуя по пути общего блага, так и Провидение в свою очередь может возвышаться над законами нравственного мира. Провидение стоит над обоими законами. И законы реального мира, и нравственный закон созданы в первую очередь, чтобы регулировать отношения одного человека к другому, а Провидение есть высшая цель, которая стоит над всеми законами и движет человечество к единому общему благу.

### § 3. Историческая миссия монархии<sup>203</sup>

В сторону консервативного переосмысления идей и ценностей Просвещения Карамзина склонила реальная практика Французской революции, свидетелем которой он стал во время своего путешествия по Европе (с мая 1789 по сентябрь 1790). Карамзин был потрясён тем, как государство,

<sup>201</sup> Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 11: История государства Российского. М.: Терра, 2009. С. 64.

<sup>202</sup> Карамзин Н.М. Рыцарь нашего времени // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 15. М.: Терра, 2009. С. 65.

<sup>203</sup> При написании данного раздела диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: Чижков Н.С. Карамзин о миссии монархии в России // Б.Н. Чичерин и традиции философской и социально-политической мысли в России: мат-лы студенческой секции Международной научной конференции. 20–23 ноября 2013 года; М-во обр. и науки РФ; ред. Т.С. Пронина, З.К. Федотова. Тамбов: ТРОО «Бизнес–Наука–Общество», 2014. С. 171–175; Чижков Н.С. Социально-философские взгляды Н.М. Карамзина // nauka.me. 2018. № 5. URL: <http://nauka.jes.su/s241328880000173-4-1> (дата обращения: 15.01.2023).

просуществовавшее многие века, буквально в один момент превратилось в кровожадную толпу, в которой никто не мог чувствовать себя в безопасности.

Именно Французская революция привела Карамзина к мысли, что прогрессивные идеи опасны для стабильности государства и должны оставаться в книгах. В 1802 году Карамзин писал: «Революция объяснила идеи; она нам показала, что все смелые теории ума, который из кабинета хочет предписывать новые законы моральному и политическому миру, должны остаться в книгах вместе с другими, более или менее любопытными произведениями остроумия; что учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума, что одно время и благая воля законных правительств должны исправить несовершенства гражданских обществ»<sup>204</sup>. Только эволюция, при сохранении законной, т.е. исторической государственной власти, а не её разрушение, обеспечивает народу его развитие и благо, ибо «народ есть острое железо, которым играть опасно, а революция – отверстый гроб для добродетели и – самого злодейства»<sup>205</sup>.

Так в чём же заключается, по Карамзину, миссия монархии и почему одни считали его в этом вопросе ретроградом, сторонником неограниченной монархии и противником освобождения крестьян (А.Н. Пыпин, В.Г. Белинский), а другие – республиканцем в душе, защитником свобод и т.д. (П.Б. Струве, Ю.М. Лотман, Н.Я. Эйдельман)?

Если первым толчком к переосмыслению идей Просвещения послужила кровопролитная Французская революция, то окончательный переход в сторону идеала неограниченной монархии завершился у Карамзина во время написания истории Государства Российского.

На основе этих общих своих взглядов, изучая историю Государства Российского, Карамзин установил совершенно ясный и непреложный, как ему кажется, факт: Россия обладала «могуществом и благоденствием» при

<sup>204</sup> Карамзин Н.М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Карамзин Н.М. О древней и новой России. М.: Жизнь и мысль, 2002. С. 223.

<sup>205</sup> Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Соч.: в 2 т. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1984. С. 315.



единодержавии и делалась жертвою внутренних смут и нападений, даже завоеваний внешними врагами во времена его разрушения. Пока наконец судьбы Государства Российского не определились окончательно, когда «князья Московские учредили самодержавие». В истории России Карамзин видел только двух правителей, которые отклонились от своей миссии и нарушали гражданские свободы, впад тем самым в деспотизм, – Иван Грозный и Павел I. В своей «Записке о древней и новой России...» Карамзин пишет: «Кто верит Провидению, да видит в злом самодержце бич гнева небесного! Снесём его, как бурю, землетрясение, язву, – феномены страшные, но редкие: ибо мы в течение девяти веков имели только двух тиранов: ибо тиранство предполагает необыкновенное ослепление ума в государе, коего действительно счастье неразлучно с народным, с правосудием и с любовью к добру»<sup>206</sup>.

По мнению Карамзина, царь и граждане сливаются в одно целое, «имя которому Россия». Если нет гражданина, то нет и человека, а есть только «двуножное животное». Перед самодержавным царём стоят «не его рабы, а граждане Государства Российского». Это убеждение Карамзин пронёс через всю свою жизнь.

Карамзин придерживается той точки зрения, что изначально все государства создавались для достижения общего блага, но в разные периоды исторического развития оно понималось по-разному. Языческая Россия, для Карамзина, в этом отношении не была исключением. До Крещения Руси общее благо понималось исключительно в качестве материального богатства, и всё основывалось на человеческой «хищности», которую подпитывала «корысть», а основная цель была «жажда добычи»<sup>207</sup>. С принятием христианства идея общего блага постепенно видоизменялась. В конечном счёте благодаря гуманистическим идеям эпохи Просвещения общее благо стало пониматься не как жажда накопления богатств, а приобрело более гуманную составляющую, и основной

---

<sup>206</sup> Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н.М. О древней и новой России. М.: Жизнь и мысль, 2002. С. 396.

<sup>207</sup> Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 1: История государства Российского. М.: Терра, 2009. С. 175.

целью государства стала защита «прав человечества»<sup>208</sup>, «нравственное воспитание человека... и политическое воспитание гражданина»<sup>209</sup>.

Анализ результатов Французской революции позволил Карамзину сделать вывод о том, что только эволюционный путь развития, сохраняющий законную, исторически сформировавшуюся государственную власть, обеспечивает народу благополучие. «Идея поступательного развития общества постоянно привлекала внимание Карамзина»<sup>210</sup>, – считает исследователь творчества историографа А.Ф. Смирнов. Революция же разрушает эволюционный путь и тем самым обрекает будущие поколения на более тяжёлую жизнь.

По Карамзину, основная цель человеческого сосуществования – это достижение общего блага. Но достижение общего блага возможно только тогда, когда каждый член общества действует ради пользы других так же, как ради собственной пользы, а это возможно только тогда, когда исполнение нравственного долга становится реальным мотивом в поведении людей.

Поэтому республика как государство возможна исключительно при наличии общества, которое состоит только из добродетельных граждан. Идеал республики всегда был близок Карамзину, однако рациональные соображения заставляли его отдавать предпочтение монархии. Он хотел перенести основные ценности республики в монархический строй, при этом не изменяя государственную целостность и не противореча историческому развитию страны. Он писал своему товарищу И.И. Дмитриеву: «Не требую ни конституции, ни представителей, но чувством останусь республиканцем, и притом верным подданным царя русского: вот противоречие, но только мнимое»<sup>211</sup>. Мнимым он называет это противоречие, так как монархия и республика для Карамзина не являются некими противоположностями. Они существуют в первую очередь для того, чтобы

---

<sup>208</sup> Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 13. М.: Terra, 2009. С. 79–80.

<sup>209</sup> Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II. Часть третья // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Terra, 2009. С. 109–110.

<sup>210</sup> Смирнов А.Ф. Николай Михайлович Карамзин. Страницы жизни и творчества // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 1. М.: Terra, 2009. С. 29.

<sup>211</sup> Карамзин Н.М. Письмо к И.И. Дмитриеву (11 сентября 1818 года) // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 18. М.: Terra, 2009. С. 358–409.

сделать жизнь человека достойной, чтобы в обществе торжествовали законы и справедливость, чтобы не было злоупотребления властью, господства корыстных интересов. Именно поэтому в монархии он видит гарант свободы, которая должна подготовить умы граждан, чтобы граждане смогли, основываясь на идее общего блага и нравственном законе, самостоятельно принимать важные государственные решения. Историограф прекрасно изучил многовековую историю отечества и смог понять, что единственно приемлемой формой правления на данном этапе исторического развития России является абсолютная монархия.

Причин тому несколько. Во-первых, по мнению Карамзина наше коренное различие с европейскими странами задано уже самой географией; климат, почва, рельеф и речная система являются немало значимыми специфическими особенностями нашей территории, которые в свою очередь сыграли довольно значимую роль в истории России. Во-вторых, российская государственность образовалась мирным путём, что отличает её от Запада, где всё, по его мнению, достигалось путём борьбы и завоеваний. Россия же была основана договорным путём, который заключался в призвании варягов, отсюда историограф делает вывод, что у русских нет предпосылок для революций. В-третьих, как пишет Карамзин: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия и спасалась мудрым самодержавием»<sup>212</sup>. На примере татаро-монгольского ига можно убедиться, считает Карамзин, что, когда Россия потеряла единую власть, вместе с этим она потеряла и государственную самостоятельность, ведь с самого начала самодержавие было движущей силой развития страны, в отличие от Запада, где движение вперёд определялось постоянной борьбой разнонаправленных сил.

Историограф особо отмечает роль Москвы в возрождении идеи самодержавия. Несмотря на то, что ещё не раз подрывались исторические устои самодержавия, например в годы Смуты, русские, веря в свои обычаи и чтя

---

<sup>212</sup> Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н.М. О древней и новой России. М.: Жизнь и мысль, 2002. С. 382.

традиции, снова и снова восстанавливали самодержавие в его исконном виде. Это постоянное возрождение самодержавия, по мнению Карамзина, свидетельствует не просто о любви к нему или о какой-то неразвитости народа, его несамостоятельности. Оно свидетельствует о наличии вполне определённой самобытной черты русского характера, ведь беспрекословное подчинение и покорность монарху есть особое доверие народа к нравственному смыслу монаршего служения, особой связи земной жизни с её высшим смыслом.

Таким образом, мы видим, что Карамзин развивает ключевые идеи консерватизма, признающего определяющее значение истории, традиции и духа народа на текущую жизнь государств. Он ставит под сомнение такие важные понятия Просвещения, как рациональное законодательство, преобразующая сила разума, возможность радикального переустройства общественной жизни путём революции на новых основаниях. Подлинные преобразования, по Карамзину, возможны только посредством естественного хода истории народа и совершенствования нравственности людей. Крепкое единое государство – залог успеха в поступательном движении любого народа. Что же касается России, то монархия является не просто её выбором, а историческим выбором, отражающим дух народа. Поэтому именно монархия является в России гарантом спокойного существования и свободы, а также примером нравственного служения.

Однако, как нам представляется, приписывая монархии такие важные качества, как соблюдение стабильности, уважение свобод граждан, сохранение традиций и народного духа, движение к общему благу, Карамзин предполагал в конечном счёте переход России к республиканской форме правления. Нет произведения, где Карамзин бы явно выразил свою идею о том, что Россия должна перейти в конечном итоге к республиканской форме правления. Реконструируя его взгляды, высказанные на этот счёт в разных произведениях, можно понять, каким путём он предполагал возможность этого перехода.

Во-первых, Карамзин считал, что народ нужно обучить грамоте, поэтому историограф, как и масоны 1780-х годов, видит решение проблемы во всеобщем просвещении, в создании общеобразовательных школ. Карамзин не даёт

специального обоснования, почему нужно учить грамоте население. Но для него является очевидным тот факт, что человек, будучи неграмотным, не может определить свою судьбу, а самое главное – не может отличить добро от зла. По Карамзину, каждый человек зол от природы, но и в каждом содержится зёрнышко добра, данное Богом, которое человек может возвращать только путём самосовершенствования и просвещения. Таким образом, Карамзин считает основной и первостепенной задачей монархии воспитание нравственно подходящего поколения не только среди дворянства, но и среди народа, что требует создания сельских школ, а не только новых Лицеев и Университетов.

Во-вторых, переход к республике возможен только путём нравственного развития и совершенствования граждан. По Карамзину, республика требует от граждан нравственного совершенствования, и пока население не достигнет определённого нравственного уровня, лучшей формой правления будет монархия, которая не требует от человека нравственного понимания своих действий: «Без высокой народной добродетели республика стоять не может. Вот почему монархическое правление гораздо счастливее и надёжнее: оно не требует от граждан чрезвычайностей и может возвышаться на той степени нравственности, на которой республики падают»<sup>213</sup>. Именно в торжестве нравственного закона над эгоизмом Карамзин видел предпосылку перехода всех народов к республиканской форме правления.

В-третьих, по Карамзину, нравственный закон и республика тесно связаны. Если нравственный закон может существовать отдельно или же олицетворяться в монархе, то республика без нравственного закона существовать не может. Монархия не требует от каждого подчиняться нравственному закону, достаточно того, чтобы монарх следовал нравственному закону, а остальные подчинялись бы законам реального мира. В республике же подчинения одним законам реального мира недостаточно. В силу того, что природа человека зла, в республике всегда сохраняется опасность возвышения эгоизма и личных корыстных интересов в

---

<sup>213</sup> Карамзин Н.М. Падение Швейцарии // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 313.

ущерб общему благу. Таким образом, в республике всегда нужно следить и удерживать определённый уровень нравственного состояния граждан и их правосознания. Только при условии соблюдения законов и поддержания высокого нравственного уровня каждым гражданином республика может развиваться и сохранять свои лучшие традиции.

В-четвёртых, Карамзин предупреждает об опасности революционного перехода от монархии к республике. Он считает, что только постепенным, поступательным развитием можно осуществлять переход, ибо люди, впавшие в революционное безумие и проливавшие кровь, не смогут возвыситься до нужного республике нравственного уровня, а значит, политическая борьба будет в итоге напрасной.

В заключение следует сказать, что задачей монархии не является в конечном счёте переход к республике. Монархия должна подготовить почву путём усовершенствования жизни общества в соответствии с нравственным законом и, опираясь на обычаи и традиции, выработать соответствующие народному духу законы, которые будут понятны каждому свободному гражданину. А республику создают уже люди, которые, получив должное образование, научились находить гармонию между личным и общественным интересами, сумев преодолеть злое начало в своей природе.

#### **§ 4. Идея всеобщего просвещения и социальная эволюция в концепции Н.М. Карамзина<sup>214</sup>**

Просвещение затронуло многие страны мира, такие как Англия, Франция, Германия и Россия. В мировоззренческом плане это было время, когда формировался новый исторический субъект.

---

<sup>214</sup> При написании данного раздела диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Чижек Н.С.* Н.М. Карамзин о роли всеобщего образования в совершенствовании человека и общества // *Личность. Культура. Общество.* 2020. Т. 22. № 1–2 (105–106). С. 115–120.

Особенности этого века, считает Т.Б. Длугач, заключались в том, что, во-первых, начался активный переход к машинному производству, подъём промышленности и бурный рост экономики. В отличие от ремесленника, рабочий, имеющий дело с механизированным оборудованием, должен был знать больше, и именно в это время появляется термин «образованный», то есть «просвещённый работник». Именно в XVIII веке появляются первые общеобразовательные школы, до них существовали только школы при монастырях, дворянские школы, хотя в основном люди занимались самообразованием или нанимали частных преподавателей своим детям. Родоначальником общеобразовательных школ принято считать Дидро, который в своей «Энциклопедии», состоящей из 35 томов, изложил некий план общеобразовательной программы<sup>215</sup>.

Во-вторых, считает Т.Б. Длугач, в связи с появлением общеобразовательных школ родилось третье сословие, в силу чего феодализм потихоньку начал уходить со сцены. Это сословие стало быстро укрупняться: в него входили ремесленники, крестьяне, учителя, разночинцы и многие другие. В этом сословии человек стал оцениваться не по происхождению, а как человек природный. В философском плане Просвещение разрабатывает концепт здравого смысла, или, в терминологии Канта, – способность суждения. Заслуга просветителей состоит в распространении способности к здравому смыслу на каждого человека, а области его применения – на любую общественную сферу или практику. Любой человек оказывается способным высказывать мнения по любому вопросу, даже не будучи в нём специалистом, что приводит к развитию свободомыслия. Человек больше не закрепощает себя в рамки только того, чем он в своей жизни занимается. Одна из основных заслуг Просвещения заключается в том, что человек почувствовал, что его мнение интересно другим людям и что ему следует высказывать его, даже если он не профессионал в этих областях. По Канту, даже священнослужитель

---

<sup>215</sup> Из лекций Т.Б. Длугач о Просвещении. URL: [https://iphras.ru/dlugach\\_2010.htm](https://iphras.ru/dlugach_2010.htm) (дата обращения: 15.01.2023). См. также: Длугач Т.Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества). М., 2006. С. 38–40.

может усомниться в церковных канонах и высказать эти сомнения общественности для публичного обсуждения<sup>216</sup>.

Основной задачей Просвещения было прийти рациональным путём к основополагающим принципам человеческой жизни: естественной религии, естественному праву и разумному устройству общества. Необходимо было не просто найти эти принципы и обосновать их, но и соответствующим образом преобразовать общество и человека. Эта идея подспудно содержала уверенность в том, что реально существующие порядки глубоко порочны. В связи с этим философы-просветители подвергали критике все исторически сложившиеся и существовавшие формы и отношения, выступая за политические свободы и демократию, основные права отдельного человека и общества в целом, а зачастую и за создание республики и секуляризацию государства.

Просвещение предлагало строгий порядок мышления и отрицало иррационалистический путь познания, отдаляющий человека от истины. Идеи Просвещения легли в основу американской Декларации независимости и французской Декларации прав человека и гражданина, закрепивших неотъемлемые права человека.

Для Карамзина Просвещение стало значимой и продуктивной эпохой. Одной из существенных черт этой эпохи Карамзин считает любопытство, точнее, любовь к наукам. На страницах альманаха «Аглая» мы можем лучше всего понять отношение Карамзина к наукам, искусству и просвещению. Написание альманаха «Аглая» историографа подтолкнуло отношение к науке Ж.-Ж. Руссо. Он категорически не согласен с мнением Руссо о том, что наука есть отчуждённое знание и вместе с искусством портит нравы и природу человека. На критическое отношение к идее Руссо о вреде науки Карамзина подтолкнула и популярность Руссо. Историограф опасался, что, прикрываясь идеями французского мыслителя, найдутся желающие исказить истинные достижения просвещения: «Творца нет на свете, но творение существует; невежды читают его – самые те, которые

---

<sup>216</sup> Длугач Т.Б. Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо). М.: Канон+, 2008. С. 7.



ничего более не читают, – и под эгидою славного женеvского гражданина злословят просвещение. Если бы небесный Юпитер отдал им на время гром свой, то великолепное здание наук в одну минуту превратилось бы в пепел»<sup>217</sup>.

В первую очередь Карамзин упрекает Руссо в отсутствии рефлексии о природе и сути науки и искусства как таковых: «Руссо пишет о науках, об искусствах, не сказав, что суть науки, что искусства. Правда, если бы он определил их справедливо, то все главные идеи трактата его поднялись бы на воздух и рассеялись в дыме, как пустые фантомы и чада Химеры: то есть трактат его остался бы в туманной области небытия, – а Жан-Жаку непременно хотелось бранить учёность и просвещение. Для чего же? Может быть, для странности; для того, чтобы удивить людей и показать своё отменное остроумие: суетность, которая бывает слабостию и самых великих умов!»<sup>218</sup>.

Сам Карамзин определяет науки следующим образом: «Несмотря на разные классы наук, несмотря на разные имена их, они суть не что иное, как познание природы и человека, или система сведений и умствований, относящихся к сим двум предметам (Познание сих двух предметов ведёт нас к чувствованию всевечного творческого разума)»<sup>219</sup>. Основной причиной возникновения наук Карамзин считает «человеческое любопытство», которое непосредственно связано с разумом. Карамзин критикует Руссо и за его тезис о том, что для счастливой жизни человеку достаточно удовлетворять свои телесные потребности. Если бы это было так, полагает он, то самому Руссо не нужно было бы заниматься наукой, а мы видим, что он сам думает не только о физических потребностях, но и о душевных. Таким образом, для Карамзина наука есть неотъемлемая часть человеческой жизни, без которой человек был бы простым животным.

Карамзин соглашается с известным Декартовым силлогизмом: “*Cogito, ergo sum*” – и приходит к выводу, что наука существовала и до того, как была институционально закреплена. Карамзин понимает, что нам вряд ли приходится

---

<sup>217</sup> Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 391.

<sup>218</sup> Там же. С. 392.

<sup>219</sup> Там же.

говорить о какой-то системной науке среди «диких людей», но их понятия оказали определяющее значения для её дальнейшего развития в истории человечества.

По Карамзину, наука зарождается в умах людей именно с появлением языка, который является следствием «многих умствований и соображений». Карамзин предлагает сравнить человечество с младенцем, который при рождении имеет чистую душу, но постепенно взрослея, он всё более и более интересуется миром и тем, что в нём происходит. Младенец постепенно развивается, и «в сих первых движениях души видит философ определение человека; видит, что мы сотворены для знаний, для науки»<sup>220</sup>.

По Карамзину, науки и искусства созданы людьми, чтобы удовлетворить «природное человеку стремление к улучшению бытия своего, к умножению жизненных приятностей». Именно желание человека чувствовать себя в безопасности от хищников и дурной погоды, желание приятно жить – всё это породило науку и искусство.

Таким образом, Карамзин делает важный вывод, в отличие от большинства консерваторов, как отечественных, так и зарубежных, что «искусства и науки необходимы: ибо они суть плод природных склонностей и дарований человека и соединены с существом его, подобно как действия соединяются с причиною, то есть союзом неразрывным». Карамзин видит будущее человечества за мыслящим человеком, который «может и должен надеяться, что впоследствии веков объяснится весь мрак в путях философии и заря наших смелейших предчувствий будет некогда солнцем уверения»<sup>221</sup>.

Также Карамзин делает ещё одно важное умозаключение. Если искусства и науки неразрывно связаны с человеческим существом, то люди всегда будут стремиться к совершенствованию своих знаний, «и если бы какой-нибудь дух тьмы мог теперь в одну минуту истребить все плоды ума человеческого, жатву всех прошедших веков: то потомки наши снова найдут потерянное, и снова

---

<sup>220</sup> Там же. С. 394.

<sup>221</sup> Там же. С. 395.

воссияют искусства и науки, как лучезарное солнце на земном шаре»<sup>222</sup>. И даже если человечество потеряет все свои достижения, неизбежно появятся новые великие учёные, которые вновь сделают новые открытия.

Карамзин предполагает, что и после его рассуждения человек может остаться при своём мнении, что искусства и науки есть зло. Он предлагает в таком случае посмотреть на это как на необходимое зло, которое берёт свои истоки в самой природе человека.

Интересны в связи с этим идеи Карамзина о лицемерии. По Карамзину, лицемерие есть конфликт между двумя законами в человеке. Лицемерие является неотъемлемой частью становления в человеке нравственного закона. Ведь человек лицемерит с определённой целью, то есть он хочет выглядеть в глазах других честным и достойным человеком. С помощью лицемерия люди скрывают свои пороки, но уже то, что люди понимают и могут отличить порок от добродетели, для Карамзина является важной ступенью развития общества: «Ты обвиняешь век наш утончённым лицемерием, притворством; но отчего же порок старается ныне скрывать себя под личиною добродетели более, нежели когда-нибудь? Не оттого ли, что в нынешние времена гнушаются им более, нежели прежде? Самое сие относится к чести наших нравов; и если мы обязаны тем просвещению, то оно благотворно и спасительно для нравов. Иначе можно будет доказать, что и добродетель развращает людей, заставляя порочного лицемерить: ибо никогда не имеет он такой нужды притворяться добрым, как в присутствии добрых. — Вообразим двух человек, которые оба злонравны, но с тем различием, что один явно предаётся своим склонностям и, следовательно, не стыдится их, а другой таит оные и, следовательно, сам чувствует, что они не похвальны: кто из них ближе к исправлению? Конечно, последний: ибо первый шаг к добродетели, как говорят древние и новые моралисты, есть познание гнусности порока»<sup>223</sup>.

Проанализировав идеи Н.М. Карамзина о необходимости всеобщего образования и значении социальной эволюции как механизма исторических и

---

<sup>222</sup> Там же. С. 396.

<sup>223</sup> Там же. С. 398.

общественных изменений, можно сделать вывод о том, что основу его мировоззрения составляют гуманизм, уважение к человеческой личности, её достоинству, признание ценности образования и науки, что существенно отличало его взгляды и убеждения от классических форм консерватизма, формировавшихся в то время. Отсюда его расхождение с консерваторами и по таким значимым вопросам, как миссия монархии, значение свободы, просвещение народа и роль законов.

## **Глава III. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИДЕЙНОГО НАСЛЕДИЯ Н.М. КАРАМЗИНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ**

Наследие Николая Михайловича Карамзина исследовали в разные периоды истории России, при этом каждый период имел свои особенности, свои акценты и свои оценки его наследия. Это и понятно, поскольку трудно найти в истории России другого учёного, чьи труды столь тесно были бы связаны с осмыслением пути России, общечеловеческого и уникального в её истории. Карамзин, по образному выражению Пушкина, нашёл Древнюю Россию, как Колумб Америку, и открыл её для читателя. Но не только в этом его заслуга и не только поэтому вокруг его идей уже два века ведутся споры. Карамзин на основе глубокого анализа российской истории выдвинул общую концепцию её исторического пути и предложил своё видение путей дальнейшего развития России. Он, вне всякого сомнения, заложил основы не только исторического изучения России, но и философского осмысления её прошлого, настоящего и возможного будущего.

### **§ 1. Исследования творчества Н.М. Карамзина в русской дореволюционной мысли**

В XIX веке вплоть до конца 60-х годов наследие Карамзина изучали по преимуществу историки и литературоведы. Они, как правило, не уделяли серьёзного внимания вопросам формирования мировоззрения Карамзина и его социально-философских взглядов, влияния на них тех или иных философских и социально-политических учений. Это не значит, что эти взгляды Карамзина совершенно игнорировались, но объектом систематического рассмотрения они так и не стали. Отношение к Карамзину в русском обществе за редким исключением было довольно позитивным, а изучение его «Истории государства Российского» было обязательным элементом домашнего обучения для нескольких поколений образованных людей в России.

Настоящий всплеск интереса к философскому и социально-политическому наследию Карамзина произошёл в середине царствования Александра II. Отчасти это связано с празднованием столетия со дня рождения историографа, отчасти – с резко обострившейся идейной борьбой либералов и народников с консерваторами. Именно в это время получает распространение крайне критическое отношение к наследию Карамзина. Ниже будут представлены точки зрения трёх наиболее заметных критиков историографа. Во-первых, это радикал-либерал А.Н. Пыпин, который был на пять лет младше своего двоюродного брата Н.Г. Чернышевского и долгое время находился под сильным влиянием последнего. Во-вторых, это два представителя революционного народничества: Н.В. Шелгунов и С.С. Шашков. Если Пыпин публиковался в либеральном «Вестнике Европы», то два других автора – в общественно-политическом журнале народников «Дело». Критика Карамзина этими исследователями будет резко отличаться от всей предшествующей критики. В ней появятся черты, предвосхищающие восприятие Карамзина в советской литературе как идеолога, представителя определённых классов и кругов.

Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) – известный литературовед и этнограф, действительный член Петербургской Академии наук с 1891 года – был не только автором многотомной «Истории русской литературы», но также автором фундаментального исследования «Общественное движение в России при Александре I», в котором значительное внимание уделил анализу социальных и политических взглядов Карамзина<sup>224</sup>. Пыпин, безусловно, является одним из ведущих критиков мировоззрения Карамзина в дореволюционной историографии. Критику эту можно рассматривать как весьма содержательную, но в то же время не всегда её можно признать справедливой. Это скорее критика «с высоты сегодняшнего дня». К тому же эта критика была слишком вплетена в те идейные

---

<sup>224</sup> Впервые Гл. IV «Карамзин. Записка о древней и новой России» была опубликована в «Вестнике Европы» (1870. № 9) и вызвала резко отрицательную реакцию у Достоевского, который, по его словам, «вырос на Карамзине». Либерально-атеистические статьи Пыпина всегда возмущали Достоевского, но после публикации этой главы он решил вывести Пыпина в качестве одного из персонажей романа «Бесы».

споры, которые велись в конце 60-х – середине 70-х годов, а сам автор не всегда чётко различает, где он спорит с Карамзиным, а где с его последователями.

Будучи по преимуществу литературоведом и этнографом, Пыпин анализировал в первую очередь труды Карамзина, имеющие отношение к его политическим взглядам, а кроме них – его литературную критику и художественные произведения. Пыпина интересует в основном отношение Карамзина к обществу и государству. Он считает историографа ярким сторонником и даже родоначальником консервативно-охранительной идеологии и при этом признаёт его огромный вклад в развитие русской мысли, литературы и языка. Правда, надо сказать, что Пыпин не рассматривает Карамзина в качестве прямого противника либеральных реформ, всеми силами пытающегося помешать «начинавшемуся умственному и общественному движению»<sup>225</sup>, но признаёт, что его «Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении» сыграла противоречивую роль.

В современной литературе мы встречаем и более резкую трактовку отношения Пыпина к Карамзину. А.В. Архипова в своей работе «Достоевский и Карамзин»<sup>226</sup> полагает, что Пыпин видел в Карамзине «лоббиста» реакции и застоя. И всё же, как нам представляется, в лоббировании застоя и реакции Пыпин обвиняет не столько самого Карамзина, сколько некоторых его последователей и сторонников, которые использовали идеи историографа в своих политических интересах: «Панегирики»<sup>227</sup>, редко умеренные, но большей частью неумеренные, в Карамзине восхваляли не только его действительные заслуги в своё время, но и выставляли его как образец в настоящем; не только изображали его историческое значение, но опять нас приглашали “как верных сынов отчизны” – “шептать святое имя”, выводили из Карамзина мораль для настоящей минуты и

<sup>225</sup> Пыпин А.Н. Очерки общественного движения при Александре I // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 502.

<sup>226</sup> Архипова А.В. Достоевский и Карамзин // Достоевский. Материалы и исследования / Ред. Г.М. Фридендер; гл. ред. В.Г. Базанов; АН СССР, Ин-т русской лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1974. Т. 5. 1983. С. 101–112.

<sup>227</sup> Панегириками иногда в шутку называли не только хвалебные публичные речи, но и тех, кто эти речи произносил.

в довершение всего извлекли из него даже аргументы в пользу охранительно-крепостнических тенденций, особенно разыгравшихся ко времени этого юбилея»<sup>228</sup>. Из этих слов видно, что Пыпин в первую очередь критикует не самого Карамзина, хотя он и показывает, что взгляды историографа уже устарели, а его сторонников, которые, прикрываясь его взглядами, убеждают людей в пользе существующих порядков в стране.

Для более глубокого понимания Карамзина Пыпин считает важным отметить тот факт, что в юности, перед поездкой в Европу, тот находился под влиянием старших масонов<sup>229</sup> и во многом разделял их идеи. Этот опыт общения, считает Пыпин, не мог пройти для него бесследно: он мог отказаться от «странных алхимических костюмов и обрядов», но внутри себя наверняка сохранил верность некоторым идеям и принципам масонства, в первую очередь касающимся нравственной сферы. Говоря о масонах<sup>230</sup>, Пыпин пишет: «В нравственных понятиях они были мистические пиэтисты и филантропы, их возбуждённое чувство переходило границы спокойных ощущений, легко становилось пафосом, аскетизмом, а также – меланхолией или сентиментальностью»<sup>231</sup>. Таким автор видит и Карамзина: отсюда у Карамзина такая любовь к Ж.-Ж. Руссо. По мнению Пыпина, сентиментальность Карамзина не позволила ему стать настоящим учёным, так как из-за неё он отодвигал на второй план не только сложные философские вопросы, но и конфликты реальной жизни.

В результате, считает Пыпин, Карамзин в своих письмах ставит Лафатера наравне с Кантом, Гердером, Виландом и Гёте в вопросе о природе человека. Следует все же отметить, что в это время Карамзину было не более 25 лет, то есть он был ещё довольно молод, а образованных людей в стране было не более

<sup>228</sup> Пыпин А.Н. Очерки общественного движения при Александре I // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 502.

<sup>229</sup> Карамзин, строго говоря, разорвал отношения с масонским кружком незадолго до поездки в Европу, сохранив отношения с лишь отдельными представителями.

<sup>230</sup> А.Н. Пыпин был одним из наиболее известных исследователей русского масонства. Его перу принадлежит исследование «Масонство в России: XVII и первая четверть XIX в.».

<sup>231</sup> Пыпин А.Н. Очерки общественного движения при Александре I // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 505.



нескольких сотен. К тому же достижения немецкой философии в России того времени были практически неизвестны, а о каком-то систематическом её изучении и преподавании и говорить не приходится. Несмотря на это Карамзин, ещё задолго до поездки в Европу, довольно обстоятельно ознакомился с работами великих немецких мыслителей. Его интересовали далеко не все проблемы философии. В первую очередь волновали нравственно-философские вопросы и вопросы, касающиеся природы человека. Карамзин сам отмечал, что многие вопросы в произведениях немецких мыслителей не понимал, но при этом испытывал чувство особого уважения.

Пыпин критикует Карамзина за некую неискренность и фальшивость во взглядах и суждениях. Его также не удовлетворяют литературные воззрения, философские идеи и поверхностное рассмотрение Карамзиным общественно-политических ценностей жизни. Он видит в его трудах только красивые слова, которые в свою очередь противоречат действительности.

Рассматривая отношение Карамзина к Руссо, Пыпин пытается показать, что в Руссо его привлекают не столько философские взгляды, сколько его сентиментализм: «В то время уже ясно увидели, что значила та французская литература, к которой принадлежал Руссо; это слышал и Карамзин, но, тем не менее, он остаётся как будто в неведении относительно смысла этой литературы; он восторгается фразами книги и не хочет видеть, что книга означает в действительности. Не мудрено, что он и сам говорил много фраз, не отдавая себе отчёта в их смысле, – как упрекал его ещё Белинский»<sup>232</sup>.

Несмотря на то, что, по мнению Пыпина, Карамзин не понимает западную философию, он видит, что историограф искренне сочувствует тем идеям, которые хотела осуществить французская революция, но не принимает её методов: «В кругу отвлечённых понятий Карамзин есть нежнейший друг человечества, защитник его прав, просвещения, человеческого достоинства; его идеалы — идеалы просветительной литературы конца XVIII-го века»<sup>233</sup>. За это Пыпин

---

<sup>232</sup> Там же. С. 510.

<sup>233</sup> Там же. С. 515.

высоко оценивает Карамзина, в отличие от его «панегириков», которые всеми силами пытаются выставить историографа в качестве консерватора-охранителя и считают его отношение к просвещению и человеческому достоинству лишь заблуждениями молодости. Таким образом, Пыпин, критикуя Карамзина за неправильное понимание европейских мыслителей, за ошибочные суждения, всё же основную критику направляет на тех сторонников Карамзина, которые интерпретировали мысли историографа в свою пользу и в соответствии с современной им конъюнктурой.

В целом критика Карамзина Пыпиным – это не имманентная критика, выстраиваемая на анализе экспликации автором той или иной концепции её первоначальных предпосылок. По большей части его исследование – скорее момент идейной борьбы с современным самому Пыпину консерватизмом, но не только. Есть и ещё одна особенность критики Пыпина, она характерна, впрочем, для многих работ того времени. Зачастую он критикует Карамзина за то, что тот якобы что-то недопонял в работах, допустим, Руссо или Канта или не обратил внимания на какие-то важные их идеи. Однако такой упрёк не учитывает того обстоятельства, что Пыпин писал в эпоху, когда со времён Карамзина прошло более полувека, и за это время труды европейских философов были профессионально переведены, стали широко известны, а в России сформировалась целая культура исследования, комментирования и преподавания учений этих мыслителей.

Ещё одним из известных критиков взглядов Карамзина был Н.В. Шелгунов<sup>234</sup>, который придерживался той точки зрения, что историограф был человеком чувства и совершал свои ошибки именно из-за этого: эмоциональная сторона одерживала верх над интеллектуальной в его творчестве. Как и Пыпин, Шелгунов отдаёт дань уважения литературному таланту Карамзина, однако считает, что все его произведения излишне сентиментальны. Именно из-за

---

<sup>234</sup> Н.В. Шелгунов был одним из теоретиков революционного народничества, сотрудничал с литературно-политическим журналом народников «Дело». Статью о Карамзине опубликовал в этом журнале: *Шелгунов Н.В.* Попытки русского сознания. Сентиментализм и Карамзин // Дело. 1874. № 2. С. 63–69 (URL: [http://az.lib.ru/s/shelgunow\\_n\\_w/text\\_0040.shtml](http://az.lib.ru/s/shelgunow_n_w/text_0040.shtml)).

сентиментализма Карамзина, считает Шелгунов, его произведения в первую очередь имели успех среди женского населения. Сентиментализм Карамзина также «виноват» в том, что своего читателя автор настраивал на мир внутренних чувств и переживаний. Упрёк Шелгунова состоял в том, что, погружая читателя в его собственный душевный мир, Карамзин фактически уводил его от реальных проблем общества: «Сын своей страны, питавший к ней самую нежную привязанность, Карамзин мог явиться только проповедником хороших чувств, мог писать только для грамотной толпы, – для тех, чья мысль была не в состоянии перешагнуть за пределы личного эгоизма и личных повседневных отношений»<sup>235</sup>. Упрёк этот нельзя признать справедливым. Сентиментализм Карамзина дал толчок русскому психологическому роману, он позволил читателю заглянуть в свой собственный душевный мир через судьбу литературных героев, чего в отечественной литературе до Карамзина просто не было. К эгоизму это не имеет, на наш взгляд, никакого отношения.

Но у Шелгунова есть и куда более сильные обвинения: он, во-первых, обвиняет Карамзина в защите крепостного права, в неспособности увидеть реальную картину жизни подневольных людей, а во-вторых, в том, что, преувеличивая роль государства, Карамзин в своих трудах показывает, что жизнь народа в истории России ничего не значила. Сентиментализм Карамзина повинен в том, считает Шелгунов, что в крепостничестве он видел «отеческую» заботу, а в монархическом правлении видел добродетельное и отеческое служение. При этом сам образ монарха преподносился исключительно возвышенно. Шелгунов даже иронизирует по поводу требования Карамзина, чтобы на государственную службу нанимались люди только достойные, честные и умные, чего, по мнению Шелгунова, ожидать не стоит.

В отличие от Пыпина Шелгунов не обвиняет Карамзина в некоей неискренности, а, наоборот, считает Карамзина честным и благородным человеком, неспособным на ложь и лицемерие. Но критик соглашается с

---

<sup>235</sup> Шелгунов Н.В. Попытки русского сознания. Сентиментализм и Карамзин // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 579.

Пыпиным в том, что Карамзин не был способен впитать в себя европейские идеи и возвыситься до высот европейской мысли, в силу своего патриотизма и опять же сентиментализма, прочно обосновавшихся в его душе и руководивших всем его творчеством.

В это же время в России широкое распространение получила критика уже иного рода, критика, направленная на выявление «глубинных» основ мировоззрения историографа, которые авторам виделись в его социальной принадлежности, корысти, лицемерии и приспособленчестве.

«Во время своей либеральной молодости Карамзин не имел никаких твёрдых политических убеждений... его либерализм ограничивался фразой, и даже в это время “великий” историограф был пламенным адвокатом крепостничества. Деист, космополит, поклонник европейской цивилизации, “республиканец по чувствам”, глава литературной партии, борющейся со славянофильскою лигою Шишкова, Карамзин бросил все эти завиральные идеи, когда увидел, что играть ими небезопасно, как для себя, так и для тех традиций, на защиту которых влекли его и личные расчёты, и сословные тенденции»<sup>236</sup>. Так начинает своё исследование один из наиболее жёстких критиков Карамзина С.С. Шашков<sup>237</sup>, не скупившийся на обвинения в адрес историографа: «Карамзин был оракулом самой отсталой партии; уличая других в неискренности, он был гораздо менее искренним, чем его противники»<sup>238</sup>. Под этими противниками он понимал аристократов, демократов, либералов и сервилистов. Не обошёл стороной Шашков и вопрос об отношении Карамзина к европейским народам. По его мнению, Карамзин видит в европейцах неверных, которые всеми силами пытаются вырвать у России её богатства и при этом показать себя не в качестве врага России, а её брата, который делает всё для процветания её народа. Обвинял

<sup>236</sup> Шашков С.С. Движение русской общественной мысли в начале XIX в. // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 582.

<sup>237</sup> С.С. Шашков и Н.В. Шелгунов были представителями «революционного народничества», оба сотрудничали в литературно-политическом журнале «Дело». Именно в нём Шашков опубликовал своё произведение: Шашков С.С. Движение русской общественной мысли в начале XIX века // Дело. 1871. № 5, отд. 1. С. 108–134; № 6, отд. 1. С. 150–167; № 7, отд. 1. С. 1–23 (URL: [http://az.lib.ru/s/shashkow\\_s\\_s/text\\_0030.shtml](http://az.lib.ru/s/shashkow_s_s/text_0030.shtml)).

<sup>238</sup> Там же. С. 582.

он Карамзина и в изоляционизме. На самом деле ни ксенофобия, ни изоляционизм Карамзину свойственны не были. Это мы показали в первой главе данного исследования.

В защиту своего тезиса о лицемерности Карамзина Шашков приводит тот факт, что историограф предлагал, убирая чиновника с должности, делать это не во всеуслышание, «а без шума, тихо и скромно»<sup>239</sup>. Ведь худой министр – это в первую очередь ошибка государя, и чтобы народ сохранил доверие к правителю, следует исправлять такие ошибки скрытно. Именно таким образом Александр I поступил со Сперанским, и сделал он это, считает Шашков, по рекомендации именно Карамзина, который обвинил Сперанского в подрыве монархии. Точка зрения Шашкова, хотя она всё ещё встречается в литературе, представляется не слишком убедительной хотя бы потому, что к критике Сперанского, которая содержалась в Записке, как и ко всей Записке, Александр I отнёсся крайне отрицательно. После её написания именно Карамзин на годы впал в немилость у монарха. Барон Модест Андреевич Корф, младший современник Сперанского, его биограф и его же преемник на государственном посту при Николае II, называл совсем другие причины отставки Сперанского – в основном внешне- и внутривполитические. Записка Карамзина, может быть, и «оставила в уме Государя» некий след, но никак не повлияла на само его решение<sup>240</sup>.

Шашков видел в Карамзине и яркого противника народного образования и защитника крепостничества. Его резко отрицательную оценку роли и места Карамзина в русской духовной и политической истории характеризует следующая цитата: «Мнения Карамзина были только отголоском мнений ретроградной массы. Но, высказываемые и развиваемые таким авторитетом, они получали гораздо более силы и значения, чем в том случае, когда они выходили из головы какого-нибудь полудикого степного помещика, хотя последний относительно этого вопроса, в сущности, стоял нисколько не ниже “великого историографа”»<sup>241</sup>.

<sup>239</sup> Там же. С. 585.

<sup>240</sup> См.: *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского: в 2 т. Т. 2. СПб.: Имп. публ. б-ка, 1861. С. 1–46.

<sup>241</sup> *Шашков С.С.* Движение русской общественной мысли в начале XIX в. // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 586.

Критика Карамзина радикалами открывает как бы новый подход к изучению и оценке его наследия. Его можно было бы назвать идеологическим или классово-идеологическим. Карамзин в такой критике представляется выразителем интересов консервативного дворянства и монархических кругов. Такой подход не разделялся другой группой исследователей Карамзина. Например, Н.Н. Страхов придерживался той точки зрения, что взгляды Карамзина никак нельзя сводить к простому выражению каких-то интересов, их следует изучать как единое целое, в основании которого лежат определённые принципы. Критика, соответственно, должна быть направлена на анализ того, насколько Карамзину удалось реализовать им же установленные принципы. Иными словами, Страхов признавал, по сути, только так называемую имманентную критику.

Одним из наиболее известных исследователей и последователей Карамзина был М.П. Погодин. Свою магистерскую диссертацию он посвятил Карамзину и даже в конце декабря 1825 года лично предстал перед историографом. Во время торжеств в Симбирске по поводу открытия памятника Карамзину в 1845 году именно Погодину было предоставлено право произнести главную речь «Историческое похвальное слово Карамзину»<sup>242</sup>. В первую очередь Погодин ставит в заслугу Карамзину его работу над усовершенствованием и распространением русского языка и его труд, посвящённый истории России, но не забывает рассмотреть и его гражданскую позицию, которая, как пытается показать Погодин, должна служить примером любому гражданину России.

Погодин считает Карамзина продолжателем дела Ломоносова, который дал начало возвеличиванию русского языка. После реформ Петра Великого, когда смешались три языка – церковно-славянский, русский разговорный и административный, в основе которого были европейские языки<sup>243</sup>, – разговаривать на нём было совершенно невозможно, поэтому популярность стали набирать живые иностранные языки, такие как французский и немецкий:

---

<sup>242</sup> Погодин М.П. Историческое похвальное слово Карамзину // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 605–642.

<sup>243</sup> При этом иностранные слова были заимствованы не только из французского и немецкого языков, но и из языков многих других стран Европы, в том числе и из шведского.

доходило до того, что русские дворяне переставали учить свой родной язык. И заслуга в первую очередь, конечно, Ломоносова, а за ним Карамзина в том, что они, усовершенствовав и обогатив русский язык, вернули ему былой статус: на нём снова стали писать и говорить образованные слои общества. Погодин считает, что Карамзин стал менять язык, только когда столкнулся с проблемой изложения своих мыслей, а основной целью для Карамзина было написание отечественной истории.

Таким образом, больше всего в заслугу Карамзина перед отечеством Погодин ставит его сочинение об истории России, которое Карамзин писал почти половину своей жизни и благодаря которому получил статус первого историографа Российской империи. Он не оставил без внимания «Письма русского путешественника», сделавшие Карамзина популярным на родине. Погодин считает, что благодаря его письмам всем русским открылся новый мир, который большинство людей не видели и о котором не имели ни малейшего представления. Карамзин был первый, кто «описал живыми красками Германию, Швейцарию, Францию, Англию, состояние земли, образованность жителей, успехи наук и искусств, изобразил великих писателей, им посещённых, заставил полюбить их, познакомил с их сочинениями, возбудил внимание к главным вопросам, занимавшим тогда первые умы»<sup>244</sup>.

Также, по мнению Погодина, Карамзин заслуживает уважения за свою гражданскую и общечеловеческую позицию: «Он не сочинял законов, но внушал к ним уважение и учил жить так, чтобы никаких законов людям не было нужно»<sup>245</sup>. Погодин отдаёт должное Карамзину за его мечту о просвещении всего народа, а не отдельных сословий, за его мечту о счастье всего человечества, за его наставления монархам. Он обратил особое внимание на мнение историографа о цензуре, которая нужна не для запретов, а для поиска истины, так как ум человеческий может отклоняться от неё, тогда как разумная цензура сможет направить мысли человека в нужное русло.

---

<sup>244</sup> Там же. С. 749.

<sup>245</sup> Там же. С. 742.

Среди сторонников Карамзина были и славянофилы, в частности К.С. Аксаков, который выступил с речью о Карамзине в 1848 году. В целом славянофилы заимствовали у Карамзина некоторые идеи, такие как самобытное развитие России, исключительная духовность россиян, сохраняющаяся благодаря истинной православной вере.

Карамзин считал, что каждому народу без исключения присущи индивидуальные духовные и нравственные ценности, но в их основании лежат универсальные, общечеловеческие ценности. Славянофилы же не просто видели в этих национальных чертах отличие России от Европы, но абсолютизировали эти особенности, возводили их в ранг исключительности, свидетельствующей об избранности русского народа и особой миссии России. Славянофилы не видели, что и в Европе каждый народ имеет свои особенности, свою самобытную культуру, свою неповторимую гражданскую жизнь. В этом и было основное расхождение во взглядах историографа и славянофилов.

В своей же речи о Карамзине Аксаков пытается провести одну, как он считает, очень важную мысль, что Карамзин со всеми его великими заслугами был в первую очередь «писателем и деятелем публики, а не народа»<sup>246</sup>. Но он не считает, что это вина самого Карамзина, чью личность он высоко ценит. Повинен в этом, считает Аксаков, в первую очередь Пётр I, который своими реформами отдалил образованное общество от народа и сделал невозможным их взаимопонимание. Карамзин же «двинулся на новый путь и увлёл всех за собою, на какой же путь, народный? – Нет, он переменял ходули на ходули: ходули латинские и греческие, ходули древние – на ходули французские, германские, вообще на современные; отвлечённость классическую переменял он на отвлечённость романтическую, – и всё заходило на новых ходулях по примеру сильного человека»<sup>247</sup>.

Отношение Аксакова к Карамзину было двойственным и даже противоречивым. Аксаков, с одной стороны, отрицательно оценивал влияние

---

<sup>246</sup> Аксаков К.С. О Карамзине // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 642.

<sup>247</sup> Там же. С. 646.



Карамзина, но, с другой стороны, признавал, что без Карамзина не было бы «борьбы между правдою народности и ложью подражательности»<sup>248</sup>. Упрёк Карамзину во внедрении в русскую культуру подражательности, на наш взгляд, несправедлив. Здесь следует сказать, что у Карамзина было довольно критическое отношение к подражательности. Он считал, что подражание может быть некоей отправной точкой для самореализации, но не более того. То есть человек начинает с подражания, но потом у него появляются и своё мнение, и своё восприятие мира, и свои идеи. К такой подражательности он относился благосклонно. Крайне отрицательно Карамзин относился к той подражательности, которая становится целью самой по себе, именно за такую он критиковал русское общество и двор.

Карамзин, считает Аксаков, открыл публике новых героев: вместо героев Греции и Рима он предложил более современных европейских героев. Карамзин не только открыл русской публике отечественную литературу, но и привил к ней любовь. Именно с Карамзина началась в России подлинная любовь к литературе и чтению. В своих произведениях он показал разрыв, который произошёл между образованным обществом и народом. Пусть и не всё ему удалось, но Аксаков высоко оценивает саму попытку Карамзина показать публике её глубокую оторванность от жизни народа.

Впервые, пишет Аксаков, Карамзин познакомился с настоящей русской жизнью, когда писал отечественную историю: «Произошло свидание; но отвлечённый Русский деятель на ходулях, с Западными понятиями, не узнал в этом свидании Русской истории... Но непониманию противопоставил Карамзин чистоту и искреннюю любовь, и книга его согрета чувством человека, не понявшего своей земли, но любящего её»<sup>249</sup>. Аксаков же видит в его труде великое произведение, которое пропитано духом, но не народа, а Государства, поскольку оно ставится на первый план, а народ в нём фигурирует только для поддержания существующих порядков.

---

<sup>248</sup> Там же. С. 647.

<sup>249</sup> Там же. С. 651.

Аксаков считает, что не только правильные мысли, но и ошибки Карамзина сослужили хорошую службу русскому обществу, поскольку приблизили его к пониманию русского народа и того положения, в котором оказалось образованное общество, оторванное от этого народа.

Среди исследователей XIX века следует также отметить работу члена Императорской Академии Наук Я.К. Грота «Карамзин в истории русского литературного языка»<sup>250</sup> (1867). Содержание этой работы выходит далеко за рамки её названия. Грот высоко оценил не только Карамзина как писателя, но прежде всего Карамзина как человека и как гражданина. Грот также предложил своеобразную периодизацию творческого пути историографа. Он разделил жизнь Карамзина на 3 периода. Первый период он назвал ученическим – это период от рождения и до завершения им путешествия по Европе, в ходе которого Карамзин познакомился с культурами других стран, уточнил или даже пересмотрел свои прежние представления о Европе, её истории и культуре. Вторым периодом начинается с основания им «Московского журнала», где Карамзин предстаёт перед публикой в качестве самостоятельного и своеобразного писателя. Третий период относится к написанию Карамзиным его великого исторического труда «История государства Российского».

Грот считает, что на протяжении всех трёх периодов жизни Карамзина основные ценности у него были неизменны: «воспитание юношества и вообще просвещение русского народа, возвышение национальной гордости, пробуждение самостоятельности в общественной жизни»<sup>251</sup>. Грот, в отличие от многих, как сторонников, так и противников Карамзина, имел довольно взвешенный подход к карамзинскому видению крестьянского вопроса. Он понял и принял идею историографа о том, что свободу следует давать только тогда, когда образование и общая культура населения достигнут определённого уровня, так как свобода, предоставленная слишком рано, может обернуться крахом для страны. Поэтому

---

<sup>250</sup> Грот Я.К. Карамзин в истории русского литературного языка. СПб.: в печати В. Головина, 1867. 57 с.

<sup>251</sup> Грот Я.К. Очерк деятельности и личности Карамзина // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 675.

прежде, чем давать свободу крестьянам, нужно, чтобы они получили необходимое образование, если не профессиональное, то хотя бы общее базовое.

Карамзин пытался донести и до дворян, что им в первую очередь следует получать образование, а не стремиться любой ценой на государственную службу, чтобы получать чины. Тема образования для Карамзина, считает Грот, была одной из ключевых. Он пытался «в глазах всех сословий [поднять] значение народного учителя», так как большинство таких должностей занимали иностранцы, а их, как считал Карамзин, следует заменить «природными русскими».

Грот также подчёркивает, что Карамзин, как никто другой, понимал всю важность самостоятельности, как в жизни, так и в литературе, но при этом замечал, что все люди, так же как и народы в целом, всегда начинают с подражания, но в будущем должны стать самими собой.

Помимо этого, он ставит в заслугу Карамзину то, что он не испытывал неприязни к людям, которые критикуют его, а, наоборот, пытался выслушать и понять их критику и извлечь из неё максимум пользы: «Во всех своих действиях Карамзин следовал самым строгим правилам чести и нравственности, не позволяя себе кривых путей даже и в добре»<sup>252</sup>.

Как мы показали в данном параграфе, в дореволюционный период зародились три подхода изучения наследия Н.М. Карамзина. Первый можно назвать критико-идеологическим; у такого подхода были как свои достижения, так и провалы. Слабым местом такого подхода является, если так можно выразиться, «редукционизм», то есть попытка сведения идейно богатого и разнообразного содержания наследия Карамзина к простейшему сословному интересу и политической сервильности. Основателем данного подхода можно считать А.Н. Пыпина.

Второй подход можно назвать апологетическим. Такой подход доминировал в официальных кругах и на официальных юбилейных торжествах. Отчасти такой подход исповедовали Страхов, Погодин и представители российского

---

<sup>252</sup> Там же. С. 685.

почвенничества. Этот подход состоит не только и не столько в превознесении заслуг Карамзина, сколько в отказе исследовать внутренние противоречия его взглядов, их эволюцию, исследовать их истоки, видеть ту внутреннюю работу, которую прошла карамзинская мысль. Такой подход к Карамзину чаще всего служит лишь одной цели – найти в наследии великого учёного подтверждение собственным взглядам и политическим убеждениям.

Третий подход к наследию Карамзина можно определить как имманентно-критический. Строго говоря, о необходимости такого подхода впервые заявил Страхов, но фактически в своих трудах так его и не реализовал. Имманентный анализ идейного наследия Карамзина стал доминировать только в 60-х годах XX века.

## § 2. Наследие Н.М. Карамзина в русской эмигрантской литературе<sup>253</sup>

Юбилейные даты, связанные с Карамзиным, всегда широко отмечались в России, однако столетие со дня смерти историографа в Советской России прошло почти незамеченным. После революции он был занесён в списки идеологических противников новой власти, а вся критика в отношении Карамзина сводилась к тому, что он был защитником монархии, противником революционных движений и «выразителем дворянской идеологии конца XVIII в.»<sup>254</sup>. Такая трактовка мировоззрения Карамзина продолжалась в СССР вплоть до середины XX века.

По-другому обстояло дело в эмигрантских кругах, где это памятное событие широко отмечалось. Эмигрантская литература, содержащая анализ философских и социально-политических идей Карамзина, дала высокую оценку его наследию и

---

<sup>253</sup> При написании данного раздела диссертации использованы результаты научных работ, выполненных автором лично и опубликованных ранее: *Чишков Н.С.* Изучение наследия Н.М. Карамзина в русской эмигрантской литературе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 6 (116). URL: <https://history.jes.su/s207987840014003-2-1/>; *Чишков Н.С.* Оценка культурного наследия Н.М. Карамзина в русской эмигрантской литературе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4. С. 161–166; *Чишков Н.С.* Критика Н.М. Карамзина А.А. Кизеветтером // Вестник РФО. 2018. № 4. С. 30–33.  
<sup>254</sup> *Греков Б.Д., Лебедев В.И., Бахрушин С.В.* История СССР. С древнейших времён до конца XVIII в. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1939. С. 107.

его роли в формировании «науки о России». Изучение Карамзина в эмигрантских кругах было много богаче и содержательней, чем его критика со стороны официальных советских идеологов, и это понятно, если учесть те чувства, которые испытывала эмиграция по поводу трагедии, произошедшей с Россией. Но в среде русской эмиграции были исследователи, которые достаточно критично оценивали наследие Карамзина.

Представителей русской эмиграции, изучавших наследие Карамзина, условно можно разделить на два лагеря: сторонников<sup>255</sup> и противников<sup>256</sup>. Если сторонники Карамзина в большинстве своём не имели чётко выраженной политической окраски, то его противники в основном придерживались социалистических или радикально-либеральных позиций. Сторонники считали, что Карамзин был великим национальным деятелем, а его идеи, основанные на осмыслении исторического опыта России, национальных традиций и ценностей эпохи Просвещения, всегда будут оставаться актуальными. С их точки зрения, он попытался понять судьбу России через её историю, а также «раскрыть и определить внутренний смысл существования России»<sup>257</sup> и наметить основные пути её развития. Для них Карамзин всегда оставался «столпом национальной культуры».

Противники Карамзина строили свою критику в первую очередь на неприятии методологии его исследований. По мнению А.А. Кизеветтера, рационалистическая философия эпохи Просвещения не имела «единого стержня»,

---

<sup>255</sup> *Амфитеатров-Кадашев В.А.* О Карамзине // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 9–11; *Ланно И.И.* Н.М. Карамзин и его государственные идеи // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 30–38; *Лозинский Г.Л.* Карамзин в Париже // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 25–29; *Тыркова-Вильямс А.В.* Твёрдый Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 48–63; *Кульман Н.К.* Н.М. Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 11–24.

<sup>256</sup> *Кизеветтер А.А.* Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 121–134; *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. СПб.: Издание М.В. Аверьянова, 1913. 347 с.

<sup>257</sup> *Амфитеатров-Кадашев В.А.* О Карамзине // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 10.

а в конце XVIII века и вовсе устарела, потеряв научную значимость. Основываясь на этих утверждениях, противники Карамзина доказывали, что его мировоззрение, все его нововведения ещё при жизни историографа потеряли свою актуальность, безвозвратно устарели, «превратившись в архаизмы»<sup>258</sup>.

Но и те, и другие признавали вклад Карамзина в развитие отечественной культуры, только с той разницей, что одни считали, что наследие историка ещё не потеряло своей актуальности, а другие полагали, что все его идеи принадлежат к старому миру, который ушёл в прошлое, и не имеют ничего общего с настоящим. И те, и другие сходились в оценке личности Карамзина, ценили его человеческие качества, но в то же время расходились в оценке его литературной деятельности.

П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер продолжают направление критики Карамзина, основы которого были заложены до революции радикально настроенными литературоведами, такими как Н.Н. Булич<sup>259</sup> и А.Н. Пыпин<sup>260</sup>. В силу своей не столько литературоведческой, сколько политической позиции и в силу того, что Карамзин «не принадлежал к либеральным кругам»<sup>261</sup> они относили его к представителям «охранительной мысли». Поэтому, полагает Н.К. Кульман, они всеми силами «стремились унизить» литературные и просвещенческие заслуги Карамзина, а там, где у них это не получалось, «оценку сопровождали различными оговорками, торопливыми “но”»<sup>262</sup>. Это хорошо видно в работе А.А. Кизеветтера «Карамзин», где он, говоря о реформе русского языка Карамзина, признаёт «его новаторство» в том, что он избавил русский литературный язык от сложных «церковно-славянских архаизмов», добавил в него «вновь изобретённые слова» и показал, что русский язык входит в состав «европейской умственной культуры». Но «его новаторство» было «обращено не к

<sup>258</sup> *Кизеветтер А.А.* Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 124.

<sup>259</sup> *Булич Н.Н.* Биографический очерк Н.М. Карамзина и развитие его литературной деятельности. Казань: Унив. тип., 1866.

<sup>260</sup> *Пыпин А.Н.* Исторические очерки. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900. 588 с.

<sup>261</sup> *Кульман Н.К.* Н.М. Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 12.

<sup>262</sup> Там же. С. 13.

будущему, а к настоящему, начинающему уже уходить в прошлое». Карамзин унаследовал «омертвелую грудю искусственной литературной риторики» М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина, тогда как «из среды шишковистов... выделилось течение, которое через голову Карамзина и его последователей протягивало руку к гораздо более смелым перспективам дальнейшего будущего». Кизеветтер считает, что «раздробленность души» и «двуликость» Карамзина, желание соединить старое и новое помешали ему ввести в русский язык действительно значимые изменения, а те, что он ввёл, сами быстро превратились в «архаизмы»<sup>263</sup>.

Если Кизеветтер настаивает на том, что реформа Карамзина не имела особой значимости, то сторонники историографа считали её настоящим прорывом в русской словесности. С точки зрения Н.К. Кульмана, Карамзин, будучи «настоящим русским человеком и патриотом»<sup>264</sup>, способствовал росту уважения всего российского общества к просвещению: «Недаром молодое литературное поколение с Жуковским во главе, включая и юношу Пушкина, объединились вокруг имени Карамзина для защиты своих новых путей»<sup>265</sup>. В своё время А.С. Пушкин следующим образом охарактеризовал литературные нововведения М.В. Ломоносова: «В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности – вот следы, оставленные Ломоносовым»<sup>266</sup>. В свою очередь, благодаря Карамзину, русский язык стал много богаче, и по сей день мы

<sup>263</sup> Кизеветтер А.А. Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 123, 124, 126.

<sup>264</sup> Кульман Н.К. Н.М. Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 12.

<sup>265</sup> Там же. С. 22.

<sup>266</sup> Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1962. С. 385.

используем изобретённые им слова и выражения <sup>267</sup>, которые так и не превратились в «архаизмы».

Еще более отчётливо видны расхождения во взглядах среди сторонников и противников Карамзина, когда они обращаются к его политическим и социально-философским идеям. Радикально настроенные исследователи считали его родоначальником охранительной идеологии, ретроградом-самобытником, сторонником крепостничества и неограниченного самодержавия. Исследователи более умеренных взглядов видели в нём человека, открывшего России глаза на её собственный путь, признававшего известную уникальность её судьбы и видевшего в радикализме и неуёмном реформаторстве главное несчастье России.

Карамзин действительно был сторонником неограниченной монархии, и именно это не позволяло, по мнению Кульмана, «либеральным кругам» принимать и положительно оценивать политические и социально-исторические взгляды Карамзина. Им проще и безопаснее было записать Карамзина в ряды «охранителей», чем понять глубинный смысл его идей, которые не противоречили либеральным ценностям. Защищая историческое значение самодержавия, Карамзин считал, что оно должно быть построено на идеях и ценностях эпохи Просвещения: свободе слова, печати, равенстве всех перед законом, уважении к личности и благу других. Для него самодержавие должно существовать «не в виде азиатского деспотизма, а в виде просвещённого абсолютизма», где «не подданные существуют для монархов, но монархи для подданных»<sup>268</sup>. Для Карамзина самодержавие является гарантом безопасного и стабильного развития страны, так как Государство Российское обладало могуществом при сильной центральной власти и теряло его, когда центральная власть ослабевала. Именно самодержавие смогло объединить воевавшие между собой «русские земли в могущественное царство» и «поставить Россию на такую высоту среди других государств мира, что её граждане получили полную

---

<sup>267</sup> Например: влияние, переворот, промышленность, человечный, начитанность, трогательный, оттенок, потребность души, развитие характера и мн. др.

<sup>268</sup> *Кульман Н.К.* Н.М. Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 15.



безопасность от них и полное признание своих гражданских прав ими, когда они с ними соприкасались»<sup>269</sup>. Поэтому Карамзин считал, что, пока в России не будут созданы условия для всеобщего просвещения, только самодержавие сможет исправить недостатки в общественной жизни страны и создать такие законы, которые будут понятны всем гражданам и исполняться ими, в том числе и монархом.

В этой связи интересно проанализировать взгляды представителей русской эмиграции на противостояние Н.М. Карамзина и М.М. Сперанского. По мнению представителей русской эмиграции, и Карамзин, и Сперанский считали, что закон должен стать основой «жизни и блага Государства Российского», но их подходы к достижению этой цели серьёзно различались. Если Карамзин выступал за то, чтобы реформы носили национальные черты, а закон должен быть «выводом из исторической жизни России» и вырасти «органически» из «реальных потребностей русского народа и его исторического государства»<sup>270</sup>, то Сперанский стремился «преобразовать русскую монархию на европейский лад»<sup>271</sup>. Именно против этого выступал Карамзин, считая такого рода реформы вредными для Российского государства и общества, так как они обладают «большой теоретичностью» и ничего общего не имеют с российской действительностью, а являются «лишь плодом заимствований от других народов и простою пересадкою в Россию теоретических положений западно-европейской политической мысли»<sup>272</sup>.

Именно за это критиковала Карамзина «радикально-либеральная» общественность, считавшая, что Сперанский своими реформами «математически ясно доказал, что самодержавие и свобода несовместимы и что надо сделать выбор». Поэтому радикально настроенные либералы были против концепции Карамзина, в которой основное место отводилось самодержавию, так как они

---

<sup>269</sup> Там же. С. 34.

<sup>270</sup> Там же. С. 37.

<sup>271</sup> *Кизеветтер А.А.* Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 156.

<sup>272</sup> *Ланно И.И.* Н.М. Карамзин и его государственные идеи // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 37.

придерживались позиции о невозможности введения «в России правомерной свободы под сению самодержавия»<sup>273</sup>. Они считали, что в идеях Карамзина было много необоснованного оптимизма, что Карамзин постоянно приукрашивает реальное положение дел в стране и поэтому все его политические и социально-философские идеи виделись им «утопичными». Отсюда вытекает и их несогласие с Карамзиным относительно крестьянского вопроса, который, по их мнению, уже на тот момент требовал радикальных решений, а Карамзин всеми силами мешал освобождению крестьян.

С этим многие были не согласны: «Он вовсе не был врагом освобождения крестьян, он лишь считал, что только тогда свобода может оказаться благодетельной для крестьян, когда ей будет сопутствовать просвещение, иначе воля [крестьян] обратится “в волю лениться и предаваться гнусному пороку пьянства”»<sup>274</sup>. Кроме того, Карамзин считал, что крестьян необходимо освобождать с землёй, чтобы у них было дело, а иначе это грозит и государству, и обществу в целом. Н.К. Кульман считает, что в этом вопросе на Карамзина серьёзное влияние оказал Ж.-Ж. Руссо, который в своих трудах писал, что к освобождению крестьян необходимо подходить с предосторожностями, а главную задачу видел в том, чтобы крестьян «сделать достойными свободы и способными ею пользоваться»<sup>275</sup>. Безусловно, теоретические построения Ж.-Ж. Руссо оказали влияние на Карамзина в этом вопросе, но решающую роль сыграл его собственный опыт. Чуть позже мы ещё вернёмся к этой идее в этом параграфе, когда будем говорить об исследовании Карамзина В.В. Леонтовичем.

Большинство представителей русской эмиграции признавали связь Карамзина с философской мыслью эпохи Просвещения, но одни видели в этом положительные стороны и считали, что Карамзин, взяв за основу идеи и ценности эпохи Просвещения, переосмыслил их для нашей культурной среды и попытался выработать бесконфликтный способ их применения во благо России. Тем самым

<sup>273</sup> *Кизеветтер А.А.* Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 131.

<sup>274</sup> *Кульман Н.К.* Н.М. Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 18.

<sup>275</sup> Там же. С. 19.

Карамзин создал «науку о России», в основе которой лежали ценности свободы, права и всеобщего просвещения.

Другие же представители русской эмиграции, будучи идейными противниками рационалистической философии эпохи Просвещения, в первую очередь выступали против методологии, которую Карамзин применял в своих работах. Признавая вклад Карамзина в развитие русской культуры, они считали, что в его мировоззрении абсолютизируются порядки старого, во многом случайного, «архаичного» мира, где нет места свободе и праву, а его политические идеи не имеют ничего общего с российской действительностью. На наш взгляд, более точную оценку идей Карамзина о взаимосвязи прошлого и будущего даёт В.В. Ванчугов, когда пишет, что: «Для Карамзина настоящее – монархия и прочие сопутствующие ей институты – закономерный результат, естественное следствие прошлого, и потому за ними и будущее, в то время как для его оппонентов настоящее России – недоразумение, итог неудачного прошлого»<sup>276</sup>.

Среди представителей русской эмиграции, занимавшихся изучением культурного наследия Н.М. Карамзина, особо следует выделить Виктора Владимировича Леонтовича – историка, правоведа и публициста. Его труд «История либерализма в России»<sup>277</sup>, впервые изданный на немецком языке в 1957 году, затем опубликованный в Париже на русском языке в 1980 году, стал известен широкому кругу читателей в России только после переиздания его в 1995 году. В.В. Леонтович внёс важный вклад в исследование либеральных аспектов мировоззрения Н.М. Карамзина, назвав его «представителем либерального абсолютизма»<sup>278</sup>.

Включая Н.М. Карамзина в список основоположников отечественной либеральной мысли, он понимал, что «противоречит всем традиционным

---

<sup>276</sup> Ванчугов В.В. Политическая грань творчества Н.М. Карамзина // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 120-121.

<sup>277</sup> Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М.: Русский путь, 1995. 445 с.; Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). Париж: Умса-Press, 1980. 562 с.

<sup>278</sup> Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М.: Русский путь, 1995. С. 439.

представлениям»<sup>279</sup> о Карамзине. Первое, на что предлагает обратить внимание В.В. Леонтович, это то, что Карамзин был представителем сентиментального гуманизма, в котором, по его мнению, находились «предпосылки либерального мышления»<sup>280</sup>. Благодаря своей приверженности к сентиментальному гуманизму Карамзин, считает Леонтович, способствовал интеллектуальному развитию общества и проникновению либеральных идей в Россию.

Леонтович считает, что существуют две основные идеи Карамзина, которые традиционно считаются консервативным и из-за этого не позволяют большинству исследователей культурного, социально-исторического и политического наследия историографа занести его в ряды либеральных мыслителей: его приверженность абсолютизму и скептическое отношение к освобождению крестьян. Для Леонтовича нет никаких сомнений, что ни то, ни другое в мировоззрении Карамзина не противоречит основополагающим либеральным ценностям.

Абсолютизм Карамзина базируется на «нравственных принципах» и «этических требованиях» в общественной и государственной жизни страны, а основное преимущество абсолютизма заключается в том, что «абсолютная монархия вырождается в тиранический строй реже, чем иные государственные формы». Примером Карамзину служила отечественная история и Французская революция. За весь многовековой период Российской истории, по мысли Карамзина, мы имели только двух тиранов, это Иван IV и Павел I, в свою очередь Французская республика начала свой путь с «торжества тиранических методов правления»<sup>281</sup>.

По мысли Леонтовича, Карамзин придерживался той позиции, что либеральные реформы не противоречат принципам справедливости и нравственным требованиям. Основные попытки идейного влияния Карамзина, по его мнению, были направлены на российских монархов, историограф хотел убедить их в правильности либеральных реформ и научить основополагающим принципам либерализма. По Карамзину, только абсолютная монархия, благодаря

---

<sup>279</sup> Там же. С. 85.

<sup>280</sup> Там же. С. 86.

<sup>281</sup> Там же. С. 87.

своей неограниченной власти и нравственному долгу перед народом, способна на создание условий для реальных перемен в умах и сердцах людей. Именно поэтому историограф выступает против преобразований, которые предлагает Сперанский. Доверяя часть власти аристократии, самодержец теряет всю её полноту, таким образом, создаются условия для возможного противостояния воле монарха, что в свою очередь ведёт к «ослаблению правопорядка» и способствует процветанию тирании. Сохранив абсолютную монархию, у самодержца появляется возможность претворять в жизнь основополагающие требования либерализма, которые заключаются, по мнению Леонтовича, в гуманизации законодательства, обеспечении личных и общественных свобод и предоставлении прав собственности всем гражданам.

Теперь мы переходим ко второй важной теме Карамзина, по мысли Леонтовича, которая не позволяет большинству исследователей причислять его к либеральным мыслителям, – крестьянский вопрос. Карамзин, как и некоторые «продвинутые» дворяне того времени, пытался реализовать пусть не полное, но частичное освобождение крестьян в подвластных ему землях. Он «предоставил им всю землю за выплату самого умеренного оброка», «не назначил приказчика», «предложил крестьянам выбрать из своей среды старшину, который будет следить за порядком»<sup>282</sup>. После долгого отсутствия, вернувшись в деревню, Карамзин обнаружил «всеобщее и крайнее обеднение». Поговорив с крестьянами, Карамзин пришёл к выводу, что свобода, дарованная им, оказалась бедой. Поэтому Карамзин решил взять всё обратно в свои руки. Введя строгий порядок, Карамзин способствовал тому, что крестьяне спустя некоторое время стали зажиточными, улучшилось их общее социальное самочувствие.

Из такого опыта Карамзин сделал вывод, что теоретические соображения иностранных мыслителей, которые пишут, что в России «крестьяне потому мало работают, что господа всегда присваивают себе плоды их труда»<sup>283</sup>, не имеют ничего общего с действительностью и тем самым подрывают многовековой

---

<sup>282</sup> Там же.

<sup>283</sup> Там же.

устоявшийся порядок. Карамзин, основываясь на своём опыте, пришёл к выводу, что развитие сельского хозяйства и благополучие крестьян есть полностью плод усилий помещика.

Именно после такого неудачного опыта предоставления свободы крестьянам Карамзин стал ярким противником отмены крепостного права, но в первую очередь даже не из-за того, что крестьяне в большинстве своём будут выпивать и лениться, а потому что дворяне избавятся «от их многочисленных обязанностей как помещиков»<sup>284</sup>. «Карамзин здесь (в “Записке о древней и новой России...”. – *Н.Ч.*) высказывает, – пишет Леонтович, – убеждение в том, что положение раскрепощённых крестьян хуже, чем положение крепостных, поскольку с освобождением отпадают все обязанности господ заботиться о бедных среди крестьян, а все освобождённые крестьяне превращаются в лишённых всякой собственности наёмных земледельцев (ведь земля, без всякого сомнения, остаётся собственностью помещика), и у помещика нет никаких нравственных обязанностей по отношению к этим раскрепощённым крестьянам, которых он таким образом может считать предметом эксплуатации, ибо на место помещика, как представитель администрации в деревне, становится исправник, как правило, грубый, необразованный и часто подкупной человек, а патриархальный суд обычно образованного и великодушного помещика заменяется судом необразованных, и тоже часто подкупных провинциальных судей»<sup>285</sup>. Это, в свою очередь, неизбежно ведёт не просто к произволу на местах и ухудшению качества жизни населения, а к краху государства Российского. Карамзин пишет: «Не знаю, хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу (ибо тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им неудобно возвратить оную. Тогда они имели навык людей вольных – ныне имеют навык рабов. Мне кажется, что для твёрдости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным, а система наших винных откупов

---

<sup>284</sup> Там же.

<sup>285</sup> Там же. С. 92.

и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготовлением? В заключение скажем доброму монарху: “Государь! История не упрекнёт тебя злом, которое прежде тебя существовало (положим, что неволя крестьян и есть решительное зло), – но ты будешь ответственать Богу, совести и потомству за всякое вредное следствие твоих собственных Уставов”»<sup>286</sup>. Мы видим, что Карамзин называет злом крепостное право, но злом, на определённом этапе исторического развития России необходимым. И зло это может быть преодолено только путём всеобщего образования и просвещения людей, как в интеллектуальном, так и в нравственном плане.

Карамзин прав, пишет Леонтович, в том, что нынешнее «воспитание и весь образ жизни крепостных» не готовит их к свободной социальной, экономической и политической жизни, так как они столетиями находились в состоянии рабства и другого пути не знали<sup>287</sup>. Для того чтобы разорвать этот порочный круг, Карамзин предлагает оставить «попечительство» помещиков до тех пор, пока каждый крестьянин не получит собственную землю и навыки свободного человека.

Именно этими своими идеями, считает Леонтович, основанными, как принято считать, на «традиционализме», Карамзин способствовал развитию либеральных идей в России. Допуская гражданскую свободу и выступая за временное ограничение политической свободы, Карамзин проводил основополагающие принципы либерализма, которые не противоречат историческому развитию России и не связаны с уничтожением исторически существующих порядков. Тем самым, пишет Леонтович, «Карамзин указал тот единственный путь, на котором в то время могли осуществляться либеральные идеи»<sup>288</sup>. Отказ от этого пути означал бы теоретизацию либеральной концепции, её превращение в абстракцию, а также отход её от реалий российской действительности, что в результате и произошло в либеральных кругах XIX и XX веков. Большая часть из них превратилась в радикально настроенных либералов,

<sup>286</sup> Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 183–184.

<sup>287</sup> Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М.: Русский путь, 1995. С. 92.

<sup>288</sup> Там же. С. 94.

основная задача которых была разрушить существующий государственный строй, создававшийся веками, ради неких теоретических построений. Радикальный либерализм, построенный на таких идеях и требованиях, очень быстро стал терять позиции и в конечном счёте сдал их социалистическим учениям.

Карамзин, считает Леонтович, всегда выступал за диалог и ненасильственное решение споров или конфликтов и «призывал народы к добродетели, потому что если они добродетельны, то и правители не будут нарушать священных законов»<sup>289</sup>. Позиция Карамзина, таким образом, более либеральна, по мнению Леонтовича, нежели позиция радикальных представителей этого политического течения, которые не боялись ни принуждения, ни насилия.

Ещё одним аргументом в пользу либеральности Карамзина является то обстоятельство, пишет Леонтович, что Карамзину чужды идеи национализма и империализма, а также понимание насилия как опоры власти. Самодержцы должны блюсти порядок и справедливость только на той территории, которая им вверена Богом: те, кто покушается на чужие земли или устраивает тиранию внутри государства, проливая кровь, отклоняется от основной своей миссии, нарушая тем самым «законы Божьи».

Таким образом, Леонтович, несмотря на «традиционализм» Карамзина, называет его предшественником либерализма в России, считая, что его идеи, основанные на справедливости, нравственном долге и неприятии насилия, привнесли в это течение российской политической мысли гораздо больше полезного, нежели декабристы или другие радикально настроенные либералы. Именно из-за радикализации либерализма, считает Леонтович, была упущена возможность развития либеральных идей в России, что привело в конечном счёте страну к социалистическому повороту.

Важно отметить, что внимание обеих сторон в представленной нами полемике прошло мимо того факта, что Карамзин в своих работах предполагал неизбежно преходящий характер самодержавия. Исторический процесс развития

---

<sup>289</sup> Там же. С. 95.



государств, по мнению Карамзина, приведёт в итоге все народы к республиканской форме правления. В истории развития народов, по Карамзину, самодержавие выполняет важную функцию. Самодержавие нужно до тех пор, пока люди живут и борются только за свои частные интересы, пока они не осознали себя в качестве личности и в то же время как часть нации, пока не только личный интерес, но и нравственный закон не стал реальным мотивом их поведения. Ко всему вышеперечисленному людей готовит самодержавие, именно это – главная его историческая задача, по Карамзину.

Ещё один немаловажный момент, который был упущен полемизирующими сторонами, заключается в том, что Карамзин пусть не часто, но рассуждал о неизбежном разрушении всех империй. По Карамзину, наш мир не вечен, и всё в нём погибает и рождается заново: империи не исключение, вечностью обладает только разум и человеческие души. Поэтому Карамзин поставил очень важный вопрос: как должна и может существовать империя в мире, где всё подвержено смерти? Карамзин предлагает вполне конкретный ответ на этот вопрос и в пример приводит две империи. Римская империя, считает историограф, будет жить вечно, если не в реальности, то в умах и сердцах людей. Могольская империя – обречена на забвение. В чём же между ними разница для Карамзина? В историческом процессе на вечную жизнь способны только империи, сумевшие предложить последующим поколениям наследие, сквозь века сохраняющее свою изначальную красоту, развивавшие науки и искусства, а не просто создавшие культ силы и внешней экспансии. Последние обречены на неизбежное забвение<sup>290</sup>.

Не менее важным условием вечного существования империи в памяти потомков оказывается у Карамзина бесконфликтная передача из поколения в поколение накопленного опыта и знаний, то есть эволюционный путь развития. Революционные изменения устройства государства и общества, считает Карамзин, неминуемо станут опорочивать и отталкивать идеи и ценности, лежащие в фундаменте свергнутой власти. В пример он приводил Французскую

---

<sup>290</sup> Карамзин Н.М. Речь, произнесённая на торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 года // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Terra, 2009. С. 323–324.

революцию, которой был свидетелем в ходе путешествия по Европе. Таким образом, для Карамзина эволюционный путь – единственно приемлемый, и возможен он только через просвещение народа и возвышение его нравственного уровня. Если самодержец к этому неспособен, то революция становится неизбежной. Основным шагом, который, считает Карамзин, должно сделать самодержавие, это создание системы общеобразовательных школ, где каждый житель страны сможет научиться базовым навыкам для самостоятельной жизни. Образование, по Карамзину, – это основной способ развития внутренней свободы человека, наделяющий его возможностью отличать добро от зла. Идея свободного и независимого разума была ключевой идеей Просвещения, которая легла в основу философско-исторической концепции Карамзина.

Большая часть сторонников и противников Н.М. Карамзина в среде русской эмиграции связывали его идеи с идеями философов-мыслителей эпохи Просвещения. Сторонники историографа оценивали это влияние положительно, считая, что Карамзин, изучив достижения европейской мысли, продуктивно переосмыслил их идеи и ценности для российской культурной среды и разработал методику бесконфликтного применения во благо России. Таким образом, Карамзин, по мысли своих сторонников, создал «науку о России», где основополагающими принципами устройства государства и общества были права граждан, ценности свободы личности, всеобщее образование и просвещение населения.

Идейные противники историографа, в основном радикально-либеральные или социалистические мыслители, были в первую очередь противниками той методологии, которую разработала рационалистическая философская традиция эпохи Просвещения. Они выступали против Карамзина, так как он основывал свои работы именно на этой методологии, отсюда и проистекает их нежелание понять сложную структуру мысли историографа. Признавая его вклад в становление определённой части российской культуры, противники Карамзина пытались убедить всех, что его мировоззрение «архаично» и в нём нет места ни

идеям свободы, ни праву, ни равенству всех граждан, так как в основе его мировоззрения находятся старые порядки и устои.

Несмотря на такую поляризованную точку зрения по отношению к мировоззрению и идеям Н.М. Карамзина, и те, и другие внесли серьёзный вклад в осмысление культурного наследия историографа. Благодаря их трудам мы сегодня можем более основательно подойти к анализу тех идей и принципов, на которых строилось мировоззрение Н.М. Карамзина. Этого, к сожалению, мы не можем сказать относительно советских исследователей первой половины XX века. Линия имманентного анализа в советской России стала доминировать только во второй половине XX века и связана она в первую очередь с именами таких выдающихся отечественных исследователей, как Ю.М. Лотман, Н.Я. Эйдельман и В.Э. Вацууро.

### **§ 3. Осмысление наследия Н.М. Карамзина в советской литературе**

В советский период к Карамзину относились по-разному. Его главный труд «История государства Российского» не переиздавался, но не был и забыт. В послереволюционный период Карамзина довольно резко критиковали за «тенденциозно-монархическое освещение русского исторического процесса». В послевоенное время его уже оценивали скорее как талантливого историка и патриота, подчёркивали его особые заслуги в том, что он показал ключевую роль государства в российской истории. Но его неизменно ругали за защиту монархического строя и крепостного права, при этом, однако, собственно философские, политические и социальные идеи, которые отстаивал Н.М. Карамзин, вообще не рассматривались и не исследовались. Критика этих идей сводилась, как правило, к критике так называемой «классовой ограниченности» историографа.

После значительного перерыва в изучении идейного и политического наследия Карамзина первые серьёзные исследования появились лишь в 60–70-е годы XX столетия. В это время начался новый этап в исследовании наследия

Карамзина. Этот этап связан в первую очередь с именами И.А. Кудрявцева, Ю.М. Лотмана, Н.Я. Эйдельмана, В.Э. Вацур, Л.Г. Кислягиной, Н.Д. Кочетковой, Л.Н. Лузянина, С.О. Шмидта и ряда других исследователей.

Юрий Михайлович Лотман обратился к политическому и социальному наследию Карамзина довольно рано. Кандидатская диссертация 1951 года «А.Н. Радищев в борьбе с общественно-политическими воззрениями и дворянской эстетикой Карамзина» стала первой работой, в которой Лотман достаточно критически анализировал наследие Карамзина. Вскоре после защиты диссертации Лотман приступил к изучению истоков философского мировоззрения Карамзина, результатом этого стала написанная в 1957 году работа «Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803)». С этого момента наследие Карамзина, его личность, его место в русской культуре становятся предметом постоянных исследований Лотмана. В 1987 году появляется главный труд Лотмана о Карамзине – «Сотворение Карамзина».

Уже после смерти Лотмана в 1997 году выходит объёмистый том, содержащий практически все его основные работы о Карамзине и озаглавленный «Карамзин».

В данной части диссертации мы предлагаем в первую очередь подробно разобраться с позицией Ю.М. Лотмана по вопросу влияния разных аспектов жизни Карамзина на его мировоззрение. Лотман был один из первых, кто подробно изучил эволюцию мировоззрения историографа. Он считает, что на Карамзина примерно в одно и то же время оказывали влияние две абсолютно разные системы мировосприятия. С одной стороны, это масонство, а с другой – просветительские идеи, по преимуществу руссоизм. Как утверждает Лотман, Карамзин исповедовал обе эти доктрины, но не осознавал, что они имеют коренные различия. Лотман считает, что обе эти доктрины видели будущее благополучие общества в просвещении и воспитании народа. Видимо, в основном именно это сходство и привлекало Карамзина, считает Лотман. Справедливости ради надо сказать, что Руссо всё же весьма критически относился к таким понятиям, как просвещение и воспитание.

Затем наступает переломный момент в отношениях Карамзина и сторонников масонской ложи, что связано с путешествием Карамзина в 1789 году в Европу. Многие считают, что Карамзин ещё незадолго до своей поездки разорвал все отношения с масонами и отрёкся от их идей. Лотман исследовал этот вопрос и пришёл к выводу, что это было не совсем так, как принято считать. По словам Карамзина, во время своей поездки он не встречался ни с кем из кутузовского масонского кружка, однако факты говорят об обратном. По меньшей мере, считает Лотман, Карамзин во время своей поездки встречался с двумя представителями масонства: это основатель масонского движения в России А.М. Кутузов и его сторонник В.Н. Зиновьев, причём встречи проходили в разное время<sup>291</sup>. Настоящее расхождение во взглядах Карамзина с масоном Кутузовым и его последователями произошло не до путешествия, а во время него.

В отличие от многих других исследователей Карамзина, Лотман видел неоднозначность отношения на тот момент молодого юноши к событиям, происходившим во Франции. Подтверждение этому он нашёл на страницах «Московского журнала»: «Оставаясь на позициях умеренного дворянского либерализма, Карамзин с брезгливым недоброжелательством отнёсся к действиям французской “толпы” (в Страсбурге и Лионе), но это, тем не менее, не мешало ему в этот период сочувственно относиться к политическим идеалам жирондистского типа»<sup>292</sup>.

После окончательного разрыва с масонским кружком, по мнению Лотмана, Карамзин начинает искать всё более близкие ему позиции в идеях Просвещения. Но чем больше он начинает вникать в идеи Просвещения, тем больше, сам того не замечая, он начинает сближаться с масонской идеологией. Таким образом, весной 1793 года события, происходящие во Франции, становятся для Карамзина

---

<sup>291</sup> Лотман Ю.М. Карамзин // Лотман Ю.М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. СПб.: Искусство – СПб, 1997. С. 458–465.

<sup>292</sup> Лотман Ю.М. Карамзин // Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина. СПб.: Искусство – СПб, 1997. С. 318.

абсолютно неприемлемыми, и он идёт «на сближение с антипросветительской философией дворянских субъективистов и агностиков 1780-х гг.»<sup>293</sup>.

Лотман показывает, что философские воззрения Карамзина на протяжении всего его творчества довольно сильно эволюционировали. В конце XVIII века Карамзин приходит к выводу, что природа человека от рождения зла и «зло на свете бесконечно»<sup>294</sup>. Поэтому, полагает Карамзин, человек должен найти себе такое место на земле, где он будет спокойно жить без конфликтов и страхов. Но, считает Лотман, Карамзин не из тех людей, которые будут призывать к аскетическому образу жизни, он политический мыслитель, который намерен решать общественные проблемы, а не уходить от них. Поэтому Карамзин, как и масоны 1780-х годов, видит решение проблемы во всеобщем просвещении, создании общеобразовательных школ. Но этого недостаточно, и Карамзин пытается найти опору и в религиозном воспитании народа: несмотря на то, что человек не может доказать бытие Бога, он должен верить в него – только так социальное бытие может получить прочные основания.

Карамзин видел в религии очень полезное средство. Он считал, что гражданские законы не всегда способны удержать человека в определённых рамках, поскольку, когда закон не видит, человек в силу своей злой природы первым же делом попытается нарушить стоящий над ним закон. Поэтому должно быть что-то, что выше законов государственных, и это место должна занять религия, которая обращается непосредственно к совести человека. Соответственно и человек, и общество получают двойную защиту от злодеяний: первую благодаря законам, а вторую благодаря вере.

Изложив эти свои идеи, Карамзин принялся за поиски идеального государственного строя, при котором оба эти оплота мира и спокойствия человечества могли существовать в гармонии и взаимодополнении. Таковой он назвал монархию, где монарх выступает в лице человека (обладающего тоже злой

---

<sup>293</sup> Там же. С. 323.

<sup>294</sup> Там же. С. 326.

природой), который защищает личности от эгоизма по отношению друг к другу, а его интересы слиты с интересами всего государства.

Карамзин, как и Кутузов, придерживался той точки зрения, что «зеркалом души» человека является то, что он написал за свою жизнь. Человек своими руками создаёт свой портрет, который будет доступен как для его современников, так и для будущих поколений. Как считает Лотман, Карамзин начинает реализовывать эту идею, издавая последние части «Писем русского путешественника» и литературный альманах «Аглая», который имел социальную и политическую направленность.

В это время Карамзин выступает в качестве сторонника сильной монархической власти, что серьёзно отличает его от масонов, чьи взгляды на этот вопрос были полностью противоположны. В эти годы он считает, что основной сдерживающей силой злой природы человека должен быть монарх, который с помощью законов уберегает людей от совершения зла. В этот период идеи бессмертия души, веры в Бога не находили отклика у Карамзина, поэтому он видел основным фактором общественного устройства силу, которая будет показывать путь к общему благу.

Однако, по мнению Лотмана, некоторые идеи Карамзина всё же не претерпевали изменений на протяжении его жизни. К ним можно отнести желание всеобщего просвещения, добродетельного и уважительного отношения между людьми. Лотман в противовес многим критикам считает, что Карамзин желал скорейшего освобождения крестьян от помещиков, хотя и понимал, что это произойдёт не при его жизни. Он также понимал, что установление республики, его политического идеала, произойдёт только в отдалённом будущем: «Всеобщее просвещение и образование людей (в том числе и крестьян), приучив членов общества к “самоограничению” и добродетели, сделало бы, по мнению Карамзина, излишней необходимость насильственного “обуздания”, подготовило бы возможность “отмены” самодержавия и крепостного права и установления блаженной “республики мудрецов”»<sup>295</sup>.

---

<sup>295</sup> Там же. С. 335.

Карамзин, считает Лотман, постоянно пытался влиять на политические решения, принимаемые высшей властью. Он публикует в «Вестнике Европы» перевод речи Порталиса, одного из четырёх авторов «Гражданского кодекса французов» (позднее названного «Кодексом Наполеона»), и лоббирует приглашение Порталиса к работе над российским кодексом, который был задуман Александром I. И хотя перевод трудно признать аутентичным, всё же Карамзину удалось обозначить ключевые проблемы, о которых говорил Порталис и которые касались проблемы отношения общего блага и частного интереса. Перевод речи Порталиса, считает Лотман, местами больше походил не на перевод, а на изложение собственных идей Карамзина, касающихся сохранения неограниченной монархии, отказа от государственных преобразований и необходимости народного просвещения.

В том же году Карамзин публикует в «Вестнике Европы» ещё две статьи, где анализирует ошибки турецкого императора, который пошёл на уступки высшему обществу и добровольно ограничил свою власть. Эти ошибки, по словам Карамзина, привели к ещё большему угнетению народа и впоследствии к восстанию, которое чуть не закончилось развалом страны. Карамзин пытался оградить императора от принятия опасных и необдуманных решений, которые могут навредить не только самодержцу, но и всему народу. Он сравнивает сложившуюся ситуацию в Турции с тем периодом царствования Алексея Михайловича, когда «царь передоверил управление боярам, которые в своих личных интересах, используя власть, довели народ до восстания»<sup>296</sup>. Тем самым Карамзин пытается показать, что именно сохранение неограниченной монархии отвечало бы требованиям «общего блага».

В 1803 году Карамзин формулирует свою мысль о том, что освобождение от крепостного права не готового к этому народа может привести к исключительно отрицательным последствиям, а отнюдь не к положительным, как это утверждают сторонники его отмены. В статье «Письмо сельского жителя», которая была напечатана в «Вестнике Европы», Карамзин противопоставляет освобождению

---

<sup>296</sup> Там же. С. 339.



крестьян идею просвещения народа. Лотман приводит интересную цитату Карамзина: «Бог видит, люблю ли я человечество и народ русский, имею ли я предрассудки, обожаю ли гнусный идол корысти, но для истинного благополучия земледельцев наших желаю, чтобы они имели добрых господ и средства просвещения, которое одно сделает всё хорошее возможным»<sup>297</sup>. Лотман полагает, что под «всеми хорошим» здесь Карамзин подразумевает в первую очередь как раз освобождение крестьян.

В начале XIX века, на страницах «Вестника Европы», Карамзин полемизирует с Руссо по вопросу об истинной природе человека. В её основе историограф видит эгоистические начала, которые мешают людям в полной мере слиться с обществом. Причина эгоизма, как считает Карамзин, заключена в субъективном мировосприятии, которое затрагивает все части его жизни, в том числе и моральную. А вежливость не меняет истинную природу, а только скрывает от других эгоистические истоки человека. Лотман считает, что идея Карамзина о врождённой злой природе человека более всего видна в произведении «Моя исповедь», где Карамзин пытается найти способ объединить «в едином общественном организме этих многочисленных, враждебных друг другу людей-эгоистов»<sup>298</sup>.

И здесь Лотман находит ещё одно коренное различие во взглядах Карамзина с русскими масонами. Последние, считая, что природа человека эгоистична, видели основным средством ограничения этого злого начала – страх перед загробным миром. По их мнению, этот страх вместе с религиозно-моральными нормами должен был возвысить человека до нового уровня. Карамзин же не верил в то, что эгоистичный человек под страхом каких-то отвлечённых норм станет добродетельным и будет работать исключительно на благо общества. Он же видел основным средством достижения общественного блага государство, которое под страхом прямого и непосредственного наказания

---

<sup>297</sup> Карамзин Н.М. Письмо сельского жителя // Вестник Европы. 1803. № 17. С. 52.

<sup>298</sup> Лотман Ю.М. Карамзин // Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина. СПб.: Искусство – СПб, 1997. С. 344.

(то есть здесь и сейчас) может заставить человека пожертвовать своими интересами во имя общего.

Таким образом, пока существует сильное монархическое государство, людям в нём избавляться от своего эгоизма не требуется, это за них делают законы и монарх, но «республика не может существовать без добродетельных граждан, способных подавить в себе свой эгоизм»<sup>299</sup>. Как считает Лотман, эта мысль Карамзина наиболее отчётливо видна в повести «Марфа-посадница...», где историограф показывает несчастье порабощённого народа корыстной олигархией и тропу спасения от этой зависимости. Карамзин соглашается с тезисом, что новгородцы отстаивают свои права, которые им были даны задолго до этих событий, но он не понимает желание людей подчиняться вместо законного Царя богатым купцам, которые готовы пожертвовать собственным населением ради своего дальнейшего обогащения. Несмотря на то, что Карамзин считал себя «республиканцем в душе», в той ситуации он был полностью на стороне монархической власти, так как понимал, что Новгородская республика на тот момент не была избавлена в полной мере от эгоизма. Но как только все люди избавятся путём просвещения от этого своего злого начала, тогда республика перестанет быть просто мечтой и станет реальностью.

Анализируя точку зрения Лотмана, всё же приходится признать, что он недооценивает роль нравственного закона в разработанной Карамзиным концепции нравственного возвышения человека. Скорее всего, это произошло из-за того, что Лотман недостаточно изучил во время работы над Карамзиным письма Александру I, в которых историограф как раз объясняет идею нравственного закона, который стоит выше монарха и каждого гражданина. Лотман в основном описывает черты «реальной политики» в мировоззрении Карамзина, но не отражает почерпнутые у Канта идеи моральной автономии.

Исследования Н.Я. Эйдельмана и В.Э. Вацура о Карамзине не столь обширны и обстоятельны, как работы Лотмана, но они затрагивают ту часть наследия Карамзина, которую Лотман специально не изучал или, во всяком

---

<sup>299</sup> Там же. С. 345.

случае, не отразил в своих исследованиях. Эйдельман исследует в основном два аспекта: реформу русского языка и роль Карамзина в развитии исторической науки. Вацуро, в свою очередь, исследует идеи Карамзина в области философии истории.

Эйдельман видел в Карамзине фигуру даже более влиятельную, чем были Соловьёв и Ключевский. Карамзина он считает первым, кто познакомил русское общество с его многовековой историей, и сделал он это прежде всего благодаря лёгкости своего слога. Карамзин понимал, что без развития языка невозможно развитие мысли и нравственности, видел, что русский язык серьёзно отстаёт от языков ведущих европейских наций. Но и без знания своей истории человек не в состоянии понять, кем он является и куда движется.

Карамзин, как считает Эйдельман, не мог смириться с этой мыслью, и именно поэтому он «произвёл революцию, как в русском литературном языке, так и в историографии»<sup>300</sup>. Этому он добился, как утверждает Эйдельман, благодаря своей журналистской и издательской практике.

Карамзин получил свою популярность благодаря тому, что смог ответить нараставшей общественной потребности в самоидентификации, чего не произошло с историками 1740–1780-х годов<sup>301</sup>. У Карамзина получилось уловить «историческую потребность и открыть тысячам людей прошлое их страны в тот момент, когда они этого жаждали»<sup>302</sup>. Произошло это, как считает Эйдельман, из-за войны с Наполеоном, когда люди почувствовали себя неотъемлемой частью истории.

Анализируя творчество Карамзина, известный советский исследователь отечественной литературы В.Э. Вацуро пришёл к выводу, что он писал свои произведения не только с литературным талантом, но и с «философским умом», а всё его творчество подпитывалось «полученным историческим опытом» в ходе

---

<sup>300</sup> Эйдельман Н.Я. «...чему, чему свидетели...» // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 722.

<sup>301</sup> Татищевым и Щербатовым.

<sup>302</sup> Эйдельман Н.Я. «...чему, чему свидетели...» // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 725.

«французской революции, а потом Отечественной войны 1812 года»<sup>303</sup>. Первая серьёзная работа Карамзина, по мнению Вацуро, «отражающая философскую проблематику “века разума”»<sup>304</sup>, – это повесть «Остров Борнгольм»<sup>305</sup>, написанная им в 1794 году. В ней, как считает Вацуро, Карамзин впервые затрагивает «общие проблемы философии истории» и тем самым сближается с представлениями Гердера относительно этой проблематики. Эта повесть, по сути, «предвосхитила» такие философские работы Карамзина, как: «Разговор о счастии. Филалет и Милодор», «Мелодор к Филалету», «Филалет к Милодору», «Нечто о науках, искусствах и просвещении».

Основная цель, по мнению Вацуро, которую Карамзин преследовал в этих работах, была донести до читателя, что образование и просвещение являются неотъемлемой частью развития «рода человеческого». Он считает, что «просвещённость для Карамзина более всего заключается в этической сфере»<sup>306</sup> и напрямую связана с моралью и нравственностью. Поэтому, считает Вацуро, зло, существующее в этом мире, есть для Карамзина в первую очередь результат непросвещённости населения. Для того чтобы искоренить зло, Карамзин предлагает распространять просвещение, которое неизбежно будет способствовать «развитию моральных норм» в обществе.

По мнению Вацуро, для ядра мировоззрения Карамзина характерны ряд элементов, отличающих и концепцию Гердера: «Идея исторического прогресса, движения человечества к “пребывающей вовеки” истине, т.е. к просвещению и добродетели, оказывается устойчивым ядром мировоззрения Карамзина; она близка к философии истории у Гердера»<sup>307</sup>. Карамзин, как и Гердер, в своих

<sup>303</sup> Вацуро В.Э. Карамзин возвращается // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 733.

<sup>304</sup> Вацуро В.Э. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» // XVIII век. Сборник 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. Л.: Наука, 1969. С. 204.

<sup>305</sup> Карамзин Н.М. Остров Борнгольм // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 15. М.: Терра, 2009. С. 7–17.

<sup>306</sup> Вацуро В.Э. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» // XVIII век. Сборник 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. Л.: Наука, 1969. С. 207.

<sup>307</sup> Там же.

произведениях развивает идею «исторического детерминизма», заключающуюся, по мнению Вацуро, в том, что люди, живущие в той или иной исторической эпохе, принадлежат ей и не в силах выбраться из-под гнёта тех норм и правил, которые главенствуют в обществе. Но в то же время каждый исторический этап привносит и некий элемент новизны и тем самым выводит всё человечество на новый уровень. В этом, считает Вацуро, и заключается прогресс, по Карамзину, когда этические нормы и понятия, детерминированные предыдущей эпохой, становятся неприемлемыми для нового поколения.

К этим и другим идеям Карамзина, считает Вацуро, в 80-е годы XX века проявляется «повышенный интерес» со стороны учёных и общества: «...писатели, читатели, издательства пытаются вернуть великому деятелю русской культуры всё то, что было недодано ему в общественном признании и внимании за все предшествующие годы»<sup>308</sup>. Издаются ранее забытые работы Карамзина, а к концу 80-х годов тиражи его работ уже исчисляются миллионами. Такое всеобъемлющее издание трудов Карамзина способствовало более детальному и внимательному изучению его мировоззрения в современной России.

Начиная с Ю.М. Лотмана, советские исследователи открыли новую страницу в изучении наследия Н.М. Карамзина. Используя имманентно-критический подход в изучении его мировоззрения, проследив эволюцию его взглядов и их истоки, они смогли возродить интерес к идейному наследию великого историографа. Это в свою очередь позволило современным российским исследователям более подробно заняться изучением его философских и социально-политических взглядов.

#### **§ 4. Современные российские исследования философского и социально-политического наследия Карамзина**

---

<sup>308</sup> Вацуро В.Э. Карамзин возвращается // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 726.

Современные российские исследователи Карамзина всё больше уделяют внимания той части его наследия, которая в советское время практически не затрагивалась, а в дореволюционный период вызывала острую, но при этом достаточно поверхностную полемику и преимущественно идеологическую критику. Мы говорим о системе философских, социально-политических идей Карамзина, которые составляют основу его мировоззрения. Эта часть его наследия актуализируется в контексте современных общественных дискуссий и связана она в первую очередь с происходящими в современном российском обществе социальными и политическими процессами.

Возможно также, что в немалой степени интерес к этой части наследия Карамзина связан и с потребностью формирования того, что называют «национальной идентичностью» или «духовно-нравственной консолидацией», в которой всегда значительное место занимают те или иные элементы консервативного мировоззрения. И всё же, даже при очевидном всплеске интереса к консерватизму, который мы наблюдаем в последние годы, следует признать, что место Карамзина в формировании консервативной идеологии в России всё ещё недооценено.

Современные исследователи в большинстве своём причисляют Карамзина к двум разным политическим направлениям. Одни – к консервативному политическому лагерю: Ю.С. Пивоваров<sup>309</sup>, В.А. Китаев<sup>310</sup>, А.Ю. Минаков<sup>311</sup>,

---

<sup>309</sup> *Пивоваров Ю.С.* Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Человек: образ и сущность. 2002. № 1 (13). С. 45–56; *Пивоваров Ю.С.* Время Н.М. Карамзина и «Записка о древней и новой России» // *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. М.: Наука, 1991. С. 3–15.

<sup>310</sup> *Китаев В.А.* К спорам о консерватизме Карамзина (А.Н. Пыпин и его оппоненты) // XIX век: пути русской мысли. Научные труды. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2008. С. 29–44; *Китаев В.А.* Карамзин – консерватор // XIX век: пути русской мысли. Научные труды. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2008. С. 7–28.

<sup>311</sup> *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века: дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж: Изд. Воронежского гос. ун-та, 2011. 560 с.; *Минаков А.Ю.* Истоки и зарождение русского консерватизма // Консерватизм в России и Германии: опыт интернационального диалога. Сб. науч. тр. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2012. С. 7–15; *Минаков А.Ю.* Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX века в России // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 12. С. 12–17; *Минаков А.Ю.* Консервативная «русская партия» начала XIX

И.Н. Тяпин<sup>312</sup>, Н.Н. Алеврас<sup>313</sup>, М.В. Асонов<sup>314</sup>, Н.К. Гаврюшин<sup>315</sup>, Р.Р. Джаббаров<sup>316</sup>, В.С. Ившин<sup>317</sup>, А.Я. Кожурин<sup>318</sup>, Е.С. Заболотная<sup>319</sup>, Н.Н. Лупарева<sup>320</sup>, Д.Э. Летняков<sup>321</sup>, А.О. Мещерякова<sup>322</sup>, Г.Р. Наумова<sup>323</sup>, И.В. Невзорова<sup>324</sup>, В.А. Никонов<sup>325</sup>, И.Е. Прохорова<sup>326</sup>, Е.С. Холмогоров<sup>327</sup>. Другие

века // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 43–58; *Минаков А.Ю.* Русские консерваторы в поисках «русской формулы» // Альманах. 2015. № 1. С. 33–41.

<sup>312</sup> *Тяпин И.Н.* Философско-исторические идеи российского политического консерватизма XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009. 392 с.

<sup>313</sup> *Алеврас Н.Н.* Н.М. Карамзин и феномен «карамзинского консерватизма» // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург: НПМП «Волот», 2008. С. 42–47.

<sup>314</sup> *Асонов М.В.* Н.М. Карамзин и его вклад в консервативное обновление России // Власть. 2016. № 11. С. 219–222.

<sup>315</sup> *Гаврюшин Н.К.* Метафизика и историософия в творчестве Н.М. Карамзина // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 131–144.

<sup>316</sup> *Джаббаров Р.Р.* Пётр Великий в консервативной мысли России первой четверти XIX в. // Шаг в науку – 2018: сб. ст. победителей конкурса грантов научно-исследовательских работ студентов, аспирантов и молодых учёных. М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2018. С. 36–44; *Джаббаров Р.Р.* Пётр Великий в оценке Н.М. Карамзина // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 98–108.

<sup>317</sup> *Ившин В.С.* Социокультурный конфликт: борьба с галломанией и генезис русского консерватизма // Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир материалы Всероссийской молодёжной научной конференции. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Уральский гуманитарный институт; Департамент международных отношений; Образовательный центр «Кафедра ЮНЕСКО прав человека, мира, демократии, толерантности и международного взаимопонимания». Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. С. 179–185.

<sup>318</sup> *Кожурин А.Я.* У истоков Русского консерватизма (А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин и Н.М. Карамзин) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 4. С. 127–141.

<sup>319</sup> *Заболотная Е.С.* Охранительная идеология Н.М. Карамзина как основание политической науки в России // Северо-Восточный научный журнал. 2011. № 1. С. 47–49.

<sup>320</sup> *Лупарева Н.Н.* «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж: Новый взгляд, 2012. 216 с.; *Лупарева Н.Н.* История России как консервативный проект: Н.М. Карамзин и С.Н. Глинка // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 63–70.

<sup>321</sup> *Летняков Д.Э.* Н.М. Карамзин и зарождение националистического дискурса в России // История философии. 2016. Т. 21. № 1. С. 74–86.

<sup>322</sup> *Мещерякова А.О.* Грани консервативного патриотизма: Н.М. Карамзин и Ф.В. Ростопчин // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 71–80.

<sup>323</sup> *Наумова Г.Р.* Российская государственность: пути изучения // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 5 (107). С. 26–34.

<sup>324</sup> *Невзорова И.В.* Исторический путь России в работах историков XIX века // Россия в условиях кризисов XIX–XX веков. Сб. ст. Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы. Науч. ред. Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т, 2017. С. 97–101.

<sup>325</sup> *Никонов В.А.* Карамзин как уважаемый консерватор // Родина. 2012. № 2. С. 2–5.

<sup>326</sup> *Прохорова И.Е.* «Наука жить» в письмах Н.М. Карамзина и П.А. Вяземского 1821 г. // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 82–95.

к либеральному: М.Б. Свердлов<sup>328</sup>, М.Г. Вандалковская<sup>329</sup>, Е.В. Бессчетнова<sup>330</sup>, А.А. Кара-Мурза<sup>331</sup>, Н.В. Кувшинова<sup>332</sup>, Л.А. Сапченко<sup>333</sup>, Б.Ф. Егоров<sup>334</sup>, А.В. Лубков<sup>335</sup>, И.Е. Рудковская<sup>336</sup>. Также есть исследователи, которые

<sup>327</sup> Холмогоров Е.С. Конституция старого народа. Историко-политическая концепция Карамзина // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 96–108.

<sup>328</sup> Свердлов М.Б. Переключка идей в эпоху реформ: Н.М. Карамзин и И.Г. Фихте // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1. С. 33–44; Свердлов М.Б. История России в трудах Н.М. Карамзина. СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.

<sup>329</sup> Вандалковская М.Г. Александр Александрович Кизеветтер о науке и культуре России // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: документы и материалы. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 115–143.

<sup>330</sup> Бессчетнова Е.В. Н.М. Карамзин: у истоков русского просвещения // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 117–122; Бессчетнова Е.В. Карамзин – рыцарь русского Просвещения // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 177–197.

<sup>331</sup> Кара-Мурза А.А. Был ли Карамзин либералом? (к 250-летию со дня рождения) // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2016. № 3. С. 252–257; Кара-Мурза А.А. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016. № 1 (21). С. 101–106; Кара-Мурза А.А. Николай Михайлович Карамзин: между либерализмом и консерватизмом. Юбилейные заметки // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 9–20; Кара-Мурза А.А. Загадка «Тартюфа». Неизвестные страницы европейского путешествия Н.М. Карамзина (1789–1790) // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 361–375.

<sup>332</sup> Кувшинова Н.В. Карамзин Н.М. о свободе в гражданском обществе // Система ценностей современного общества. 2011. № 17–1. С. 233–238; Кувшинова Н.В. Нравственные основания мировоззренческих идей Н.М. Карамзина: дис. ... канд. филос. наук. Шуя, 2009. 190 с.

<sup>333</sup> Сапченко Л.А. Великая дружба (И.И. Дмитриев и Н.М. Карамзин) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный памяти профессора, кандидата филологических наук Наталии Аркадьевны Буранок. СПб., Самара: ООО «Научно-технический центр», 2019. С. 89–98; Сапченко Л.А. Иностранские рецензии на «Историю государства Российского» в восприятии Н.М. Карамзина // Текст. Книга. Книгоиздание. 2019. № 19. С. 48–61; Сапченко Л.А. Н.М. Карамзин: мысли о любви // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 251–260; Сапченко Л.А. Письма Н.М. Карамзина к Е.Ф. Муравьевой // Михаил Муравьев и его время. Сб. ст. и мат-лов Пятой Всероссийской научно-практической конференции. Под ред. И.В. Завьяловой, А.Н. Пашкурова, А.Ф. Галимуллиной. Казань: РИЦ, 2015. С. 34–39.

<sup>334</sup> Егоров Б.Ф. Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина // Из истории русской культуры. Т. 5 / Сост. Б.Ф. Егоров, А.Д. Кошелев. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 480–491.

<sup>335</sup> Лубков А.В. Консервативно-либеральная традиция в России: эволюция идеи и содержания. Карамзин – Чаадаев – Катков // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 2. С. 16–23.

<sup>336</sup> Рудковская И.Е. Н.М. Карамзин и Англо-шотландская историографическая традиция второй половины XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 142–148; Рудковская И.Е. Н.М. Карамзин и П.Я. Чаадаев: историографическое и историософское наследие в контексте проблемы вызова и ответа // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 88–95.



предлагают изучать наследие Карамзина вне идеологических рамок, то есть предлагают рассматривать его в качестве отечественного просветителя: В.К. Кантор<sup>337</sup>, О.А. Жукова<sup>338</sup>, Н.Д. Кочеткова<sup>339</sup>, А.Д. Сухов<sup>340</sup>.

Наиболее значительный вклад в исследование консервативных мировоззренческих аспектов социально-философской и политической концепции Н.М. Карамзина внесли: А.А. Ширинянец, Д.В. Ермашов, Ю.С. Пивоваров, В.А. Китаев и А.Ю. Минаков.

В своей совместной работе Ширинянец и Ермашов систематически исследуют критику Карамзина со стороны его противников и сторонников. Учёные считают, что формирование мировоззрения Карамзина лучше всего можно отследить по его публикациям в «Вестнике Европы», где проявилось «критическое отношение издателя ко многим сторонам европейской политической и экономической жизни»<sup>341</sup>. Именно в нём можно усмотреть достаточно полную картину консервативных идей Карамзина. Так, например, именно в «Вестнике Европы» мы можем увидеть первые негативные высказывания автора о Швейцарии, хотя ранее он придерживался другой позиции и неизменно восхвалял добродетельный народ этой страны. Глубже изучив кантоны Швейцарии, он увидел там не свободных людей, а людей-эгоистов, которыми управляют богачи и где царствуют деньги.

<sup>337</sup> Кантор В.К. Карамзин: самопознание, или Сотворение европейской России // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 123–128; Кантор В.К. Карамзин, или Сотворение европейской России // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 211–224.

<sup>338</sup> Жукова О.А. Читая Карамзина: философские вопросы российской истории // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 111–116.

<sup>339</sup> Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма (эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994. 288 с.; Кочеткова Н.Д. Н.М. Карамзин и Просвещение // Историко-литературный журнал. 2016. № 4. С. 7–18.

<sup>340</sup> Сухов А.Д. Н.М. Карамзин // Сухов А.Д. Русские философствующие историки. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2016. С. 49–71; Сухов А.Д. Философствующий Н.М. Карамзин // Философия и культура. 2014. № 5. С. 687–696.

<sup>341</sup> Ширинянец А.А., Ермашов Д.В. Мировоззрение Н.М. Карамзина в контексте консервативной традиции. М., 2009. 21 с. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41263.php> (дата обращения: 15.01.2023).

На страницах «Вестника Европы» Карамзин показывает несостоятельность таких республик, которые всецело подчинены буржуазным ценностям, целям наживы. В мире, состоящем из таких государств, будут вечные войны, так как у людей не останется ничего, кроме жажды богатства и накопительства. Все будут стараться обогатиться любой ценой. Карамзина ужасает мысль о том, что собственные граждане, а именно купцы, зарабатывают на войне, на вооружении и амуниции солдат, которые воюют и умирают ради безопасности этих купцов, сохранности их имущества и предприятий.

Таким образом, происходит подмена ценностей, и Карамзин пытается показать «растлевающую роль духа торговли, [где] стяжательство и жажда богатства губят добродетели»<sup>342</sup>. Это хорошо видно на примере колониальной политики Европы, где каждое государство пыталось как можно быстрее заполучить богатства, даже ценой истребления целых племён. Чего нельзя сказать о колониальной политике России, которая была направлена на поддержание порядка в колониях и развитие там инфраструктуры.

Есть ещё одна тема, которую Карамзин, как считают исследователи, освещал на страницах «Вестника Европы», – это любовь к отечеству. Он, остерегаясь кровопролитных революций, пытался привить гражданам чувство патриотизма и создал своеобразную программу патриотического воспитания. На страницах «Вестника Европы» Карамзин поставил задачу «патриотического воспитания» перед всей русской литературой, которая должна, по его мысли, воспитывать в человеке самые лучшие гражданские качества: «И литература, посредством чувств прекрасного и доброго вызывающая любовь к тишине и порядку в своем отечестве, должна в этом отношении стать главным проводником “народного самолюбия” и народной гордости у россиян»<sup>343</sup>.

Карамзин, будучи патриотом, не был сторонником изоляционизма и не выступал против заимствования идей из-за рубежа, но заимствовать предлагал только те идеи, которые оправдали свою полезность для государства и общества,

---

<sup>342</sup> Там же. С. 23.

<sup>343</sup> Там же. С. 24.

и предостерегал власть от слепого подражательства, так как считал, что такой подход ни к чему, кроме раскола в обществе, не приведёт. Слепое подражательство опасно не только для России, но и вообще для любого государства, поскольку каждый народ развивается из своих источников. Именно поэтому, как верно замечают исследователи, Карамзину были чужды идеи, как космополитизма, так и национального нигилизма. Учёные считают, что именно чувство патриотизма подтолкнуло его к написанию истории отечества, так как он считал: чтобы понять настоящее, нужно знать прошлое своей страны. Именно благодаря его труду люди получили возможность достаточно подробно узнать о событиях, происходивших в древности, и понять, что Россия – не отстающая европейская держава, а государство со своей многовековой историей, со своими традициями, культурными и военными достижениями.

Идеи Карамзина, в принципе, были достаточно схожи с идеями европейских консерваторов. Ширинянец и Ермашов выделяют три общих для всех консерваторов этого периода пункта: «1) неприятие революции; 2) противостояние влиянию рационализма; 3) критика индивидуалистических ценностей развивающейся капиталистической цивилизации»<sup>344</sup>. С точки зрения авторов, консерватизм Карамзина возник при тех же обстоятельствах, что и консерватизм европейский, а именно как реакция на «либерально-буржуазную идеологию» западных стран.

Что же касается индивидуальных особенностей российского консерватизма, то здесь исследователи выделяют особую роль государственного устройства. Именно благодаря самодержавию, по Карамзину, государство может выполнять основные свои функции, а именно поддержание безопасности в обществе, сохранение традиций и обычаев. Они отмечают, что Карамзин «видел [в монархии] единственную силу, способную удержать российское общество от впадения в крайности революционных разрушений и массовых беззаконий»<sup>345</sup>.

---

<sup>344</sup> Там же. С. 25.

<sup>345</sup> Там же. С. 33.

Но Карамзина нельзя назвать слепым сторонником самодержавия, который принимает любую прихоть Императора как должное. Наоборот, он считает, что монархия должна быть просвещённой, а это означает, что монарх должен в первую очередь понимать и отстаивать подлинные интересы своих граждан, и его интересы должны быть слиты с интересами всей страны. А это возможно только в абсолютной монархии, где никто не может лоббировать свои эгоистические интересы путём оказания давления на самодержца. Основным доказательством того, что монархия является лучшей формой правления для России, – её историческая состоятельность. Проанализировав историю России, Карамзин видит тяготение народа к монархическому устройству с момента основания государственности на Руси, а именно с призвания варягов.

Таким образом, для государства основным приоритетом должно быть народное счастье, и это счастье обеспечивает монарх, находящийся в согласии с устоявшимся веками народным духом. Только когда власть будет прислушиваться к народу и народ будет сотрудничать с властью, получится добиться успехов в гражданском счастье: «Истинное, “мудрое” самодержавие рисовалось Карамзину, считают авторы, как равнодействующая и созидательная сила, подчиняющая интересам государства аристократию и олигархию, уничтожающая разъединительные тенденции в обществе и предотвращающая анархию»<sup>346</sup>. Естественным способом определения границ самовластия монарха оказывается «народный дух».

Здесь исследователи отмечают ещё одну особенность консерватизма Карамзина, а именно его республиканские мечты. Сам он, считая себя подданным Царя, на протяжении всей своей жизни мечтал о республике, которая возможна только в том случае, если все граждане в ней будут добродетельны. А этого можно добиться только путём просвещения всех слоёв населения. Сам Карамзин называл противоречие между монархией и республикой «мнимым», так как для него основной целью любой власти является народное и гражданское счастье, и ни монархия, ни республика, в его понимании, не противоречат этому.

---

<sup>346</sup> Там же. С. 39.

Помимо всего прочего, исследователи пытаются понять место Карамзина в истории русской философии. Некоторые учёные и даже современники Карамзина относятся к его философским достижениям весьма скептически. Погодин, например, вообще не считает, что у историографа были какие-то философские достижения. А Н.А. Полевой придерживается той позиции, что Карамзин не затрагивал никаких ценностей, которые можно назвать философскими или универсальными.

Но если за русскую философию принять углублённое изучение самой России, «т.е. если принять за истину, что центральной темой русской философии является “тема России”, понимаемая как основополагающий вопрос о метафизической, религиозной, культурной, исторической, социальной идентичности, то факт признания за Карамзиным права именоваться первым нашим философом будет не так уж и спорен»<sup>347</sup>.

На основе его творчества можно сделать вывод, считают авторы, что Карамзин, будучи исследователем исключительности и самобытности России, оставил свой особый вклад в самосознание российских граждан. Помимо этого он, благодаря своим политическим идеям, проложил путь для развития русского консерватизма, который, конечно, в дальнейшем принял несколько иную форму, нежели предполагал мыслитель, но тем не менее сохранился на протяжении двух веков.

Таким образом, Ширинянц и Ермашов выделяют три основные особенности русской консервативной мысли. Первой и главной особенностью учёные называют «ярко выраженный антизападнический характер», который возник вследствие преобразований, проведённых Петром I. Именно из-за этих насильственно навязанных реформ и возникают националистические идеи. Второй особенностью отечественного консерватизма является стремление оправдать «русскую государственность» в том виде, как она существует, и сделать из неё важнейшую ценность для населения. Среди сторонников такой позиции учёные выделяют К.П. Победоносцева и Л.А. Тихомирова. Третья

---

<sup>347</sup> Там же. С. 47.

особенность присуща даже не столько российскому консерватизму, сколько её основателю Н.М. Карамзину. Она заключается в том, чтобы соединить два на первый взгляд кажущихся абсолютно разными течения. С одной стороны, это идея всеобщего равенства в свободе – идея, идущая из Просвещения и характерная для модернизированного общества, – а с другой, покорное подчинение Богу и его наместнику на Земле – монарху, а эта идея в большей степени присуща традиционалистскому обществу.

В современных исследованиях учёные, исследующие либеральные аспекты мировоззрения Н.М. Карамзина, в большинстве своём используют схожую аргументацию и в целом продолжают логику мысли В.В. Леонтовича, назвавшего Карамзина «представителем либерального абсолютизма».

Для того чтобы понять, были ли у Карамзина «элементы либерального мышления»<sup>348</sup>, они в первую очередь предлагают описать фундаментальные основы либерализма, где, как считает Б.Ф. Егоров, свободная личность является аксиологической вершиной, которой подчинены все социально-политические институты и служат ей. У раннего Карамзина, по мнению авторов, в основе его мировоззрения лежит та самая «свободная личность», вокруг которой строятся все его философские и социально-политические идеи. Даже концепция самодержавия Карамзина, как они считают, строится на идее «свободной и сильной личности» монарха. Для Карамзина-либерала основным приоритетом было «благо свободной личности», а рассуждения о том, «кто и что может обеспечить это приоритетное благо»<sup>349</sup>, уходили у него на второй план: «Поэтому, до тех пор, пока Карамзин в своих мыслях и сочинениях ставил во главу угла приоритет “свободной личности” – он был либералом»<sup>350</sup>.

Ситуация меняется после углубления Н.М. Карамзина в исследование отечественной истории. Именно в этот период, по мнению Б.Ф. Егорова, у

---

<sup>348</sup> Егоров Б.Ф. Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина // Из истории русской культуры. Т. 5 / Сост. Б.Ф. Егоров, А.Д. Кошелев. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 483.

<sup>349</sup> Кара-Мурза А.А. Был ли Карамзин либералом? (к 250-летию со дня рождения) // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2016. № 3. С. 254.

<sup>350</sup> Там же.

Карамзина происходит трансформация приоритетов и идея сильного и могущественного государства начинает преобладать над идеей «свободной личности», которая, безусловно, не уходит окончательно из его социально-исторической концепции, но уже встаёт на второй план.

Таким образом, учёные, исследующие либеральные аспекты мировоззрения Н.М. Карамзина, причисляют его к следующим разновидностям либерализма: «либеральный консерватизм», «либеральный патриотизм» и «либеральный абсолютизм».

На наш взгляд, причислять Карамзина к какому-либо одному политическому течению, будь то либерализм или консерватизм, было бы неправильно, так как конец XVIII – начало XIX в. – это время, когда размежевание либерализма и консерватизма ещё только наметилось, но ни одно из этих направлений доктринально окончательно не оформилось. Безусловно, в мировоззрении Карамзина присутствуют и консервативные, и либеральные элементы, но они не только не противоречат друг другу, а в большинстве своём гармонично взаимно дополняют друг друга. Это хорошо видно на примере его концепции свободы, которую мы более подробно разобрали во второй главе.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе мы проанализировали ключевые философские и социально-политические идеи Карамзина, выявили их мировоззренческие предпосылки, в том числе те, которые формировались во французском и немецком Просвещении.

Особое место в диссертационном исследовании занимает ранний этап формирования мировоззрения Карамзина, связанного с его образованием и воспитанием. Большое внимание было уделено влиянию на него Иоганна Матиаса Шадена. Было показано, что это влияние было не простым психологическим и человеческим влиянием учителя на ученика, но мощным идейным влиянием, которое прослеживается во всём творчестве Карамзина. Значимое место отведено исследованию идейного влияния немецкого и французского Просвещения и в первую очередь Ж.-Ж. Руссо, Ш.Л. де Монтескье, Д. Дидро, И.Г. Гердера, И. Канта. Влияние идей Канта и Гердера в нашей литературе было исследовано недостаточно. Важно отметить, что, например, встреча с Кантом хотя и была непродолжительной, но оказала сильное влияние на Карамзина. Позднее он не раз обращался к его работам, изучал их. Возможно, что пересказ тех идей, которые Кант излагал Карамзину при встрече, – это уже результат более позднего знакомства с работами немецкого мыслителя.

Мировоззрение Карамзина во многом формировалось под воздействием просветителей, но если с французскими мыслителями он полемизировал и влияние их идей на Карамзина было опосредованным, то наследие немецкой мысли во многом оказало прямое влияние на формирование собственных идей Карамзина. Так, взгляды Карамзина на роль дворянства и роль монархии в государстве, а также его представления о соотношении свободы и закона, политической свободы и порядка, безусловно, формировались под сильным влиянием немецких просветителей. Сделан вывод о том, что критика Французской революции во многом осуществляется Карамзиным как раз с позиций немецких мыслителей, в частности И. Канта.



В исследовании рассмотрена одна из ключевых идей Карамзина о разделении двух видов законов, которые действуют в жизни человека и общества, – это законы реального мира, то есть законы выживания, самосохранения всего живого, и законы нравственные, связанные в первую очередь с нравственными заповедями христианства. Это деление во многом позволяет Карамзину лучше описать исторический процесс, увидеть его целевую причину именно в развитии нравственности в людях, а также сделать вывод о перспективах всеобщего перехода человечества к республиканской форме правления.

Значительное внимание было уделено анализу ключевых социально-философских и политических взглядов Карамзина. Особое место в них занимает концепция свободы Карамзина. Было показано, что эта концепция достаточно органично соединяет в себе как либеральные принципы, так и консервативные представления: либеральные принципы связаны в первую очередь с идеей человеческого и гражданского достоинства, общегуманистических убеждений Карамзина, тогда как консервативная составляющая связана с идеей гармоничного существования людей, в соответствии с обычаями и традициями. Такое спокойное сосуществование и есть, по Карамзину, неотъемлемое условие свободы и даже сама свобода.

Проведено сравнение концепции свободы Карамзина с классической консервативной концепцией свободы де Местра. Показаны их принципиальные различия, в частности то, что де Местр рассматривал свободу преимущественно в качестве социальной привилегии, тогда как Карамзин выводил её из самой природы человека, как это делали просветители. Проанализированы философские основания идейного противостояния Н.М. Карамзина и М.М. Сперанского. В основании их спора лежали отличные друг от друга представления о способах и методах достижения общественного идеала в России. Во многом их противостояние основывалось на их приверженности к разным философским традициям эпохи Просвещения.

Одной из фундаментальных, если не центральной социально-философской и политической идеей в теоретических построениях Карамзина является

Провидение. По сути, идея Провидения – это идея Божественного плана, о котором мы мало что можем знать, но которому мы должны безусловно доверять. Карамзин противопоставляет Провидение и судьбу. При некоторой схожести они оказываются несовпадающими по смыслу понятиями: судьба не имеет высшего смысла, она есть сочетание случайностей, которым противостоит человек, тогда как Провидение связано нравственным законом и является его воплощением, но не на индивидуальном уровне. Провидение ведёт народы, страны, государства, их лидеров к результатам, которые они чаще всего и не планировали.

Миссия монархии всегда была в центре внимания Карамзина. Подробный анализ её функций, её значения и её исторической перспективы содержится во многих его работах. Сделан вывод о том, что монархия понимается им как неизбежная и лучшая форма правления в процессе нравственного совершенствования людей. По мысли Карамзина, монархия имеет преходящий характер и в конечном счёте при достижении всеми гражданами страны определённого нравственного уровня может быть трансформирована в республику.

Проанализированы представления Карамзина о необходимости социальной эволюции общества. Было показано, что, по мысли историкографа, образование и просвещение всего населения являются неотъемлемыми условиями социальной эволюции, а единственно верным механизмом социальной и политической трансформации государства и общества является бесконфликтная передача власти.

В диссертационном исследовании особое внимание уделялось исследованию отношения русской общественной мысли к наследию Карамзина. Был проведён анализ нескольких подходов, которые наиболее часто встречались в русской мысли. Первый подход можно определить как критико-идеологический. Его родоначальником и наиболее ярким представителем следует признать Пыпина. Этот подход акцентировал внимание на связи мировоззрения Карамзина с политической жизнью и общественным устройством России в их консервативной составляющей. У такого подхода были как достижения, так и

очевидные провалы. Слабым местом такого подхода, с нашей точки зрения, является, если так можно выразиться, «редукционизм», то есть попытка сведения идейно богатого и разнообразного содержания наследия Карамзина к простейшему сословному интересу и политической сервильности. Данного подхода придерживались некоторые представители русской эмиграции (А.А. Кизеветтер и П.Н. Милюков), а также официальные идеологи советской власти.

Второй подход можно было бы назвать апологетическим. Этот подход доминировал в официальных кругах и на официальных юбилейных торжествах. Отчасти такой подход исповедовали Страхов, Погодин и представители российского почвенничества. Апологетический подход мы встречаем также в работах русских эмигрантов. Этот подход состоит не только и не столько в превознесении заслуг Карамзина, сколько в отказе исследовать внутренние противоречия его взглядов, их эволюцию, исследовать их истоки, видеть ту внутреннюю работу, которую проделал Карамзин. Такой подход чаще всего служит лишь одной цели – найти в наследии великого учёного подтверждение собственным взглядам и политическим убеждениям. В России такой подход практически прекратил своё существование после революции, отчасти его придерживались представители русской эмиграции, в частности В.А. Амфитеатров-Кадашев, И.И. Лаппо, Г.Л. Лозинский, Н.К. Кульман и др.

Третий подход к наследию Карамзина можно определить как имманентно-критический. Строго говоря, о необходимости такого подхода впервые заявил Страхов, но фактически в своих трудах так его и не реализовал. Имманентная критика наследия Карамзина стала доминировать в отечественных исследованиях с 60-х годов XX века. Наиболее последовательно и обстоятельно она была реализована в трудах Лотмана. Этому подходу придерживаются многие современные исследователи, такие как Ширинянц, Ермашов, Пивоваров и др.

Анализ истории изучения и осмысления наследия Карамзина в русской общественной мысли важен для формирования правильной методологии современных исследований наследия историографа. Не случайно все

современные исследователи уделяют значительное внимание анализу логики исторического осмысления философского и социально-политического наследия Карамзина. Осмысление достижений и неудач исследователей прошлого также служит более глубокому пониманию тех идейных споров, которые развернулись в настоящее время вокруг проблем, поднятых Карамзиным два века назад.

Таким образом, все поставленные в работе цели достигнуты, изучены основные философские и социально-политические взгляды Н.М. Карамзина, которые являются стержнем его мировоззрения, выделены этапы их формирования. Выполнены все поставленные задачи, а именно:

1) проанализированы основные этапы изучения наследия Н.М. Карамзина в русской философской и общественно-политической мысли и дана им характеристика;

2) изучены идейные истоки философии Н.М. Карамзина и показано, какие мыслители и события оказали на него наибольшее влияние;

3) выявлены идеи Н.М. Карамзина, которые можно отнести к пласту философских, социальных и политических, дана их общая характеристика и классификация;

4) систематизированы представления Карамзина о гражданской свободе, гражданских отношениях, общественном порядке и роли монарха в жизни российского государства и общества;

5) раскрыты двойственные основания его учения о свободе и выявлены сходства и различия с учениями его современников.

Подводя итог, следует сказать, что наследие Николая Михайловича Карамзина представляет не только исторический интерес, оно содержит много философских и социально-политических идей, которые могли бы быть сегодня продуктивно переосмыслены. Это касается проблемы общего и особенного в русской истории, проблемы российской идентичности, проблемы соотношения свободы, порядка и общего блага и проблемы взаимосвязи нравственного уровня развития граждан и политических свобод в государстве.

**Библиография****Источники (труды Н.М. Карамзина):**

1. *Карамзин Н.М. Всеобщее обозрение // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 304–311.*
2. *Карамзин Н.М. Галеб // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 16. М.: Терра, 2009. С. 247–249.*
3. *Карамзин Н.М. Героическая поэма господина Вольтера, переведённая с французского языка стихами // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 415–419.*
4. *Карамзин Н.М. Для потомства // Карамзин Н.М. О древней и новой России. М.: Жизнь и мысль, 2002. 439 с.*
5. *Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 142–209.*
6. *Карамзин Н.М. Истина. Индейская сказка // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 15. М.: Терра, 2009. С. 426–429.*
7. *Карамзин Н.М. Исторический анекдот. Из древней немецкой хроники // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 16. М.: Терра, 2009. С. 275–277.*
8. *Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 87–142.*
9. *Карамзин Н.М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сём монастыре // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 209–231.*
10. *Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 1–12: История государства Российского. М.: Терра, 2009.*

11. *Карамзин Н.М.* Марфа-посадница, или Покорение Новгорода // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 15. М.: Терра, 2009. С. 108–147.
12. *Карамзин Н.М.* Мелодор к Филалету // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 17–21.
13. *Карамзин Н.М.* Мнение русского гражданина // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 18. М.: Терра, 2009. С. 9–13.
14. *Карамзин Н.М.* Мысли для похвального слова Петру I // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 591–594.
15. *Карамзин Н.М.* Мысли о любви. Пер. Н.М. Карамзина // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 13–17.
16. *Карамзин Н.М.* Мысли об истинной свободе // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 45–46.
17. *Карамзин Н.М.* Надгробная надпись Боннету // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 14. М.: Терра, 2009. С. 50–51.
18. *Карамзин Н.М.* Необходимость знать первые арифметические правила до женитьбы // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 16. М.: Терра, 2009. С. 285–291.
19. *Карамзин Н.М.* Нечто о науках, искусствах и просвещении // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 391–407.
20. *Карамзин Н.М.* О Богдановиче и его сочинениях // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 354–381.
21. *Карамзин Н.М.* Освобождение Европы и слава Александра I // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 14. М.: Терра, 2009. С. 216–227.
22. *Карамзин Н.М.* Переписка с императрицей Елизаветой Алексеевной // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 18. М.: Терра, 2009. С. 55–86.
23. *Карамзин Н.М.* О верном способе иметь в России довольно учителей // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 271–280.

24. *Карамзин Н.М.* О московском мятеже в царствование Алексея Михайловича // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 261–271.
25. *Карамзин Н.М.* О русской грамматике француза Модрю // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 280–284.
26. *Карамзин Н.М.* О тайной канцелярии // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 257–261.
27. *Карамзин Н.М.* Остров Борнгольм // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 15. М.: Терра, 2009. С. 7–17.
28. *Карамзин Н.М.* Обращённый купец // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 16. М.: Терра, 2009. С. 254–256.
29. *Карамзин Н.М.* Отчего в России мало авторских талантов // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 348–352.
30. *Карамзин Н.М.* Падение Швейцарии // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 313–314.
31. *Карамзин Н.М.* Переписка с императором Александром I // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 18. М.: Терра, 2009. С. 7–25.
32. *Карамзин Н.М.* Переписка Н.М. Карамзина с И.К. Лафатером // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 18. М.: Терра, 2009. С. 235–261.
33. *Карамзин Н.М.* Песнь Божеству // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 14. М.: Терра, 2009. С. 55–57.
34. *Карамзин Н.М.* Письма к И.И. Дмитриеву. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1866. 722 с.
35. *Карамзин Н.М.* Письма к П.А. Вяземскому // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 18. М.: Терра, 2009. С. 308–357.
36. *Карамзин Н.М.* Письма к С.С. Уварову // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 18. М.: Терра, 2009. С. 521–525.
37. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 13. М.: Терра, 2009. С. 7–472.

38. *Карамзин Н.М.* Письмо императору Николаю I // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 18. М.: Терра, 2009. С. 124–129.
39. *Карамзин Н.М.* Письмо сельского жителя // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 15. М.: Терра, 2009. С. 86–93.
40. *Карамзин Н.М.* Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 297–304.
41. *Карамзин Н.М.* Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // *Карамзин Н.М.* О древней и новой России. М.: Жизнь и мысль, 2002. С. 223–229.
42. *Карамзин Н.М.* Разговор о счастии. Филалет и Милодор // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 27–40.
43. *Карамзин Н.М.* Речь, произнесённая на торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 года // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 317–324.
44. *Карамзин Н.М.* Рыцари нашего времени // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 15. М.: Терра, 2009. С. 55–77.
45. *Карамзин Н.М.* Филалет к Милодору // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 21–27.
46. *Карамзин Н.М.* Чувствительный и холодный. Два характера // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 15. М.: Терра, 2009. С. 97–108.
47. Вестник Европы. 1803. № 10–17.
48. Вестник Европы. 1802. № 9–12.

#### **Диссертационные исследования:**

1. *Баклова А.В.* Формирование идеи самобытности исторического развития России в работах Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006. 163 с.
2. *Камнев В.М.* Исторические формы и религиозно-философские основания русского консерватизма: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2010. 40 с.



3. *Кувшинова Н.В.* Нравственные основания мировоззренческих идей Н.М. Карамзина: дис. ... канд. филос. наук. Шуя, 2009. 190 с.
4. *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века: дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2011. 560 с.
5. *Тяпин И.Н.* Философско-исторические идеи российского политического консерватизма XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009. 392 с.
6. *Филатова Ю.А.* Формирование консервативного стиля мышления: Эдмунд Берк и Николай Карамзин: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 220 с.
7. *Шульгин В.Н.* Русский свободный консерватизм первой половины XIX века: преемственность и развитие: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2009. 615 с.

#### **Источники:**

1. *Alexander M. Martin.* Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1997. 304 p.
2. *Black J.L.* Nicholas Karamzin and Russian Society in the Nineteenth Century: A Study in Russian Political and Historical Thought. Canada: University of Toronto Press, 1975. 264 p.
3. *Gary Marker.* Publishing, Printing, and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700–1800. Princeton University Press, 1981. 318 p.
4. *Hamburg G.M.* Russia's path toward Enlightenment. Faith, Politics, and Reason, 1500–1801. New Haven: Yale University press, 2016. 824 p.
5. *Ioannes Matthias Schaden.* Quaeritur: quid statuendum de luxu, est ne is hominibus, civitatibus, Monarchiis maxime proficiens, vel et si hoc, vel noxius quatenus sit, quomodo vis ejus noxia debilitanda ac frangenda. Mosquae, 1793.
6. *James Cracraft.* Major Problems in the History of Imperial Russia. Lexington: D.C. Heath and Company, 1994. 688 p.
7. *Marc Raeff.* Russian Intellectual History: an Anthology. New York: Harcourt, Brace & World, 1966. 414 p.

8. *Pipes R.* Karamzin's memoir on Ancient and Modern Russia: A Translation and Analysis. Michigan: University of Michigan Press, 2005. 284 p.
9. *Pipes R.* Karamzin's "Memoir on Ancient and Modern Russia", A Translation and Analysis. Cambridge: Harvard University Press, 1959. 266 p.
10. *Lincoln W.B.* Nicholas I, emperor and autocrat of all the Russians. Bloomington: Indiana University Press, 1978. 424 p.
11. *Walicki A.* The flow of ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance. Frankfurt a/M.: Peter Lang GmbH, 2015. 877 p.
12. *Аксаков К.С.* О Карамзине. Речь, написанная для произнесения перед симбирским дворянством // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 642–655.
13. *Архипова А.В.* Достоевский и Карамзин // Достоевский. Материалы и исследования / Ред. Г.М. Фридендер; гл. ред. В.Г. Базанов; АН СССР, Ин-т русской лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1983. Т. 5. С. 101–112.
14. *Белинский В.Г.* История государства Российского, сочинение Н.М. Карамзина // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 228–232.
15. *Белинский В.Г.* Литературные мечтания // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 315–322.
16. *Белинский В.Г.* Николай Алексеевич Полевой // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 358–362.
17. *Белинский В.Г.* Очерки русской литературы. Соч. Николая Полевого // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 324.
18. *Белинский В.Г.* Речь о критике. Статья третья // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 331–332.
19. *Белинский В.Г.* Русская литература в 1844 году // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 332–333.

20. *Белинский В.Г.* Русская литература в 1845 году // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 355–357.
21. *Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина. Санкт-Петербург. Одиннадцать томов // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 336–355.
22. *Белинский В.Г.* Сто русских литераторов // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 325–326.
23. *Белинский В.Г.* Тарантас. Путевые впечатления // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 335–336.
24. *Булич Н.Н.* Биографический очерк Н.М. Карамзина и развитие его литературной деятельности. Казань: Унив. тип., 1866.
25. *Валицкий А.* История русской мысли от просвещения до марксизма. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013. 479 с.
26. *Вацуро В.Э.* Карамзин возвращается // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 726–745.
27. *Вацуро В.Э.* Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» // XVIII век. Сборник 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. Л.: Наука, 1969. С. 190–209.
28. *Вяземский П.А.* Записные книжки // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 456.
29. *Вяземский П.А.* Из старой записной книжки // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 176–178.
30. *Вяземский П.А.* Из старой записной книжки // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 82.
31. *Вяземский П.А.* Несколько слов на замечания г. Арцыбашева, перепечатанные в 19 и 20 номерах «Московского вестника» 1828 года // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 171–176.

32. *Вяземский П.А.* О письмах Карамзина // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 82–86.
33. *Вяземский П.А.* Отметки при чтении «Исторического похвального слова Екатерине II», написанного Карамзиным // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 481–488.
34. *Вяземский П.А.* Поздняя редакция статьи «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина» // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 178–181.
35. *Вяземский П.А.* Стихотворения Карамзина // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 292–300.
36. *Гердер И.Г.* Избранные сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 459 с.
37. *Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России. СПб.: Типография П. Вощинской, 1907. 178 с.
38. *Голенищев-Кутузов П.И.* Письмо министру народного просвещения гр. Разумовскому (1810) // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 491–492.
39. *Греков Б.Д., Лебедев В.И., Бахрушин С.В.* История СССР. С древнейших времён до конца XVIII в. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939.
40. *Грот Я.К.* Карамзин в истории русского литературного языка. СПб.: в печатне В. Головина, 1867. 57 с.
41. *Грот Я.К.* Очерк деятельности и личности Карамзина // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 672–688.
42. *Гулыга А.В.* Гердер. М.: Мысль, 1975. 183 с.
43. *Джамбаттиста Вико.* Основания новой науки об общей природе наций. М.: Refl-book, 1994. 640 с.
44. *Дидро Д.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1986. 589 с.
45. *Длугач Т.Б.* Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо). М.: Канон+, 2008. 169 с.

46. *Длугач Т.Б.* Проблема бытия в немецкой философии и современность. М.: ИФ РАН, 2002. 224 с.
47. *Длугач Т.Б.* Три портрета эпохи Просвещения. Монтескьё. Вольтер. Руссо (от концепции просвещённого абсолютизма к теориям гражданского общества). М.: ИФ РАН, 2006. 256 с.
48. *Местр Ж. де.* Письма русскому дворянину об испанской инквизиции // *Местр Ж. де.* Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 141–267.
49. *Местр Ж. де.* Четыре неизданные главы о России. О науке // *Местр Ж. де.* Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 47–61.
50. *Местр Ж. де.* Четыре неизданные главы о России. О Просвещении // *Местр Ж. де.* Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 79–103.
51. *Местр Ж. де.* Четыре неизданные главы о России. О религии // *Местр Ж. де.* Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 62–78.
52. *Местр Ж. де.* Четыре неизданные главы о России. О свободе // *Местр Ж. де.* Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 27–46.
53. *Капустин Б.Г., Мюрберг И.И., Фёдорова М.М.* Этюды о свободе. Понятие свободы в европейской общественной мысли. М.: Аквилон, 2015. 288 с.
54. Карамзин и его эпоха: материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 18–19 октября 2016 г.) / Сост. Л.А. Сидорова, В.В. Тихонов; отв. ред.: А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Гос. ист. музей; Федеральное арх. агенство; Рос. ист. о-во. М.: ИРИ РАН, 2017. 223 с.
55. *Кара-Мурза А.А.* «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: ИФ РАН, 1995. 211 с.
56. *Каченовский М.Т.* История государства Российского. Том XII // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 100–102.
57. *Каченовский М.Т.* От Киевского жителя к его другу (письмо I) // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 98–100.
58. *Кизеветтер А.А.* Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 121–134.

59. *Кислягина Л.Г.* Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина (1785–1803 гг.). М.: Изд-во Московского университета, 1976. 197 с.
60. *Ключевский В.О.* Н.М. Карамзин // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 242–244.
61. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. 7: Специальные курсы. М.: Мысль, 1989. 508 с.
62. *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского: в 2 т. Т. 2. СПб.: Имп. публ. б-ка, 1861. 388 с.
63. *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма (эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994. 288 с.
64. *Кульман Н.К.* Н.М. Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 11–24.
65. *Лаппо И.И.* Н.М. Карамзин и его государственные идеи // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 30–38.
66. *Леонтович В.В.* История либерализма в России (1762–1914). М.: Русский путь, 1995. 444 с.
67. *Линниченко И.А.* Политические воззрения Н.М. Карамзина. К столетию выхода в свет «Истории государства Российского» // Голос минувшего. 1917. № 1. С. 116–134.
68. *Лозинский Г.Л.* Н.М. Карамзин и его государственные идеи // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 25–29.
69. *Лотман Ю.М.* Политическое размышление Радищева и Карамзина и опыт Французской революции // *Лотман Ю.М.* Карамзин. СПб.: Искусство – СПб, 1997. С. 601–616.
70. *Лотман Ю.М.* «О древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях» Карамзина – памятник русской публицистики начала XIX века // *Лотман Ю.М.* Карамзин. СПб.: Искусство – СПб, 1997. С. 588–601.

71. *Лотман Ю.М.* Эволюция мировоззрения Карамзина // *Лотман Ю.М.* Карамзин. СПб.: Искусство – СПб, 1997. С. 312–349.
72. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М.: Молодая Гвардия, 1998. 384 с.
73. *Лотман Ю.М.* Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х гг. // *Лотман Ю.М.* Карамзин. СПб.: Искусство – СПб, 1997. С. 456–484.
74. *Лузянина Л.Н.* Проблемы историзма в творчестве Карамзина – автора «Истории государства Российского» // XVIII век. Сборник 13: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. С. 156–166.
75. *Лузянина Л.Н.* Принципы художественного повествования в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // История русской литературы: в 4 т. Т. 2. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. С. 80–87.
76. *Лупарева Н.Н.* «Отечестволубец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж: Новый взгляд, 2012. 216 с.
77. *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. СПб.: Издание М.В. Аверьянова. 1913. 347 с.
78. *Монтескьё Ш.Л.* О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.
79. *Муравьев В.* Карамзин. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2014. 480 с.
80. *Надеждин Н.И.* Об исторических трудах в России // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 225–226.
81. Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. 384 с.
82. *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Русская философия истории. Курс лекций. Второе дополненное издание. М.: Аспект Пресс, 1999. 400 с.
83. *Пивоваров Ю.С.* Полная гибель всерьёз: Избранные работы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 320 с.
84. *Погодин М.П.* Историческое похвальное слово Карамзину // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 605–642.

85. *Погодин М.П.* Несколько объяснительных слов от издателя // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 185–190.
86. *Погодин М.П.* Письмо из Симбирска об открытии памятника Карамзину // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 591–605.
87. *Погодин М.П.* Письмо к издателю «Московского вестника» и ответ издателя // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 181–185.
88. *Полевой Н.А.* Борис Годунов. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1831 // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 493–497.
89. *Полевой Н.А.* История государства Российского. Сочинение Карамзина. СПб. Томы I–VIII, 1816 года, IX, X, XI, 1821 г., XII, 1829 года (первые восемь томов напечатаны вторым изданием в 1816 и 1819 годах) // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С.134–152.
90. *Полевой Н.А.* История русского народа Т. 1–6. М.: Типография Августа Семена, 1829–1833.
91. *Полевой Н.А.* Литературные опасения за кое-что (всё на свете суета) // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 134.
92. *Полевой Н.А.* О критике г-на Арцыбашева на «Историю государства Российского», сочинённую Н.М. Карамзиным. Из сочинений С. Руссова. СПб., 1829 // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 153–155.
93. *Полевой Н.А.* О новейших критических замечаниях на «Историю государства Российского», сочинённую Карамзиным // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 128–133.
94. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1962. 590 с.
95. *Пытин А.Н.* Очерки общественного движения при Александре I // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 498–576.



96. Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия / Сост.: И.Ю. Демин, А.А. Ширинянц; подг. текстов: А.В. Мырикова, А.М. Репьева; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Изд-во Московского университета, 2012. 896 с.
97. *Свердлов М.Б.* История России в трудах Н.М. Карамзина. СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.
98. *Сиповский В.В.* Н.М. Карамзин, автор «писем русского путешественника». СПб.: Типография В. Демарова, 1899. С. 578.
99. *Смирнов А.Ф.* Николай Михайлович Карамзин. Страницы жизни и творчества // *Карамзин Н.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 1. М.: Терра, 2009. С. 5–127.
100. *Соловьёв С.М.* Исторические поминки по историке // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 235–240.
101. *Сперанский М.М.* План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (введение к Уложению государственных законов 1809 г.): с приложением «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», (1803 г.), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и «Пермского письма к Императору Александру». М.: Русская мысль, 1905. 359 с.
102. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом / Сост. и коммент. А.В. Белова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 576 с.
103. *Страхов Н.Н.* Литературная критика / Вступит. ст., сост. Н.Н. Скатова, примеч. Н.Н. Скатова и В.А. Котельникова. М.: Современник, 1984. 431 с.
104. *Страхов Н.Н.* Вздох на гробе Карамзина (Письмо в редакцию «Зари») // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 377–400.
105. *Сухов А.Д.* Н.М. Карамзин // *Сухов А.Д.* Русские философствующие историки. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2016. С. 49–71.

106. *Тургенев А.И.* Заслуги Карамзина, исторического исследователя и исторического писателя // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 90–93.
107. *Тургенев А.И.* О Карамзине и молчании о нём литературы нашей // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 466–467.
108. *Тургенев А.И.* Письмо к Н.И. Тургеневу в Гёттинген // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 89.
109. *Тургенев А.И., Тургенев Н.И.* Избранные труды М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 592 с.
110. *Тургенев Н.И.* Дневники Н.И. Тургенева за 1811–1816 г. // Архив братьев Тургеневых. Вып. 3 / Под ред. Е.И. Тарасова. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1913. Т. 2. 502 с.
111. *Тургенев Н.И.* Нечто о крепостном состоянии в России // Архив братьев Тургеневых. Вып. 5 / Под ред. Е.И. Тарасова. СПб.: Академическая двенадцатая государственная типография. 1921. Т. 3. 528 с.
112. *Тургенев Н.И.* Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.: Академия наук СССР, 1936. 595 с.
113. *Тургенев Н.И.* Россия и русские / Пер. с фр. С.В. Житомирская; коммент. А.Р. Курилкин. М.: ОГИ, 2001. 470 с.
114. *Тургенев Н.И.* Русский заграничный сборник «Пора!». Париж: А. Franck, 1858. 48 с.
115. *Тихонравов Н.С.* Сочинения. Т. 3. Ч. 1: Русская литература XVIII и XIX вв. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1898. 697 с.
116. *Тыркова-Вильямс А.В.* Твёрдый Карамзин // Подвиг честного человека / Сост. и авт. вступ. ст. М.Д. Филин. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2010. С. 48–63.
117. *Хомяков А.С.* Мнение русских об иностранцах // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 478–479.

118. *Хомяков А.С.* Речи, произнесённые в Обществе любителей Российской словесности // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 480.
119. *Шашков С.С.* Движение русской общественной мысли в начале XIX в. // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 582–587.
120. *Шашков С.С.* Движение русской общественной мысли в начале XIX века // Дело. 1871. № 5, отд. 1. С. 108–134; № 6, отд. 1. С. 150–167; № 7, отд. 1. С. 1–23.
121. *Шебунин А.Н.* Общественные и политические взгляды Н.И. Тургенева в Александровскую эпоху // Современник. 1913. Кн. V–VI.
122. *Шелгунов Н.В.* Попытки русского сознания. Сантиментализм и Карамзин // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 576–582.
123. *Шелгунов Н.В.* Люди сороковых и шестидесятых годов // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 576.
124. *Шелгунов Н.В.* Народник Якушкин // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 241.
125. *Шмидт С.О.* Николай Михайлович Карамзин. Сборник научных трудов. М.: Самиздат, 2000. 184 с.
126. *Эйдельман Н.Я.* «...чему, чему свидетели...» // Карамзин: pro et contra: антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006. С. 719–726.
127. *Эйдельман Н.Я.* Последний летописец. М.: Книга, 1983. 176 с.

#### **Современные статьи:**

1. *Акчурина А.Р.* Заграничное путешествие Н.М. Карамзина 1789–1790 гг.: в преддверии «Московского журнала» // Медiascop. 2013. № 2. С. 6.
2. *Алеврас Н.Н.* Н.М. Карамзин и феномен «карамзинского консерватизма» // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург: НПП «Волот», 2008. С. 42–47.

3. *Асонов М.В.* Н.М. Карамзин и его вклад в консервативное обновление России // *Власть*. 2016. № 11. С. 219–222.
4. *Бессчетнова Е.В.* Карамзин – рыцарь русского Просвещения // *Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения /* *Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 177–197.*
5. *Бессчетнова Е.В.* Н.М. Карамзин: у истоков русского просвещения // *Вопросы философии*. 2016. № 12. С. 117–122.
6. *Бусуркина И.П.* Функция запахов в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // *Вече*. 2016. № 28. С. 234–249.
7. *Быков М.Ф.* Николай Карамзин и европейский гуманизм // *Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения /* *Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 88–114.*
8. *Вандалковская М.Г.* Александр Александрович Кизеветтер о науке и культуре России // *Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: документы и материалы. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 115–143.*
9. *Ванчугов В.В.* Политическая грань творчества Н.М. Карамзина // *Тетради по консерватизму*. 2016. № 4. С. 111–122.
10. *Васильев Ю.А.* Как преодолеть разрыв между историческим знанием и общественным сознанием? (опыт русской исторической школы) // *Власть*. 2016. № 2. С. 96–100.
11. *Володина Е.М.* О проблеме претекста в истории «парижского текста» русской литературы первой волны эмиграции // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 7 (49): в 2 ч. Ч. I. С. 27–29.
12. *Гильманов В.Х.* Один день русского путешественника в Кёнигсберге: Н.М. Карамзин и «подходящее место» мировой истории // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2013. № 3. С. 109–124.

13. *Гаврюшин Н.К.* Метафизика и историософия в творчестве Н.М. Карамзина // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 131–144.
14. *Гончарова О.М.* Русская культура XVIII века и Карамзин // *Studia litteraria Polono-slavica*. Warszawa. 2000. С. 83–91.
15. *Гончарова О.М.* Философские и литературные контексты повести Н.М. Карамзина «Моя исповедь» // *Культура и текст*. 2018. № 2 (33). С. 37–56.
16. *Гончарова О.М.* Философские искания русских поклонников Ж.-Ж. Руссо (Н.М. Карамзин, Д.И. Фонвизин, А.Н. Радищев) // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2018. Т. 19. № 1. С. 252–263.
17. *Громов М.Н.* Не подлежит забвению: памяти Н.М. Карамзина // *Философские науки*. 2016. № 11. С. 24–35.
18. *Громов М.Н., Куценко Н.А.* Достойный преемник древнерусских летописцев // *Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения* / *Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева*. М.: Аквилон, 2016. С. 248–274.
19. *Гуревич П.С.* Карамзин как первооткрыватель личности // *Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения* / *Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева*. М.: Аквилон, 2016. С. 43–64.
20. *Гуревич П.С.* Можно ли считать Н.М. Карамзина философом? // *Философия и культура*. 2016. № 11 (107). С. 1483–1486.
21. *Гуревич П.С.* Язык Н.М. Карамзина // *Филология: научные исследования*. 2016. № 4. С. 301–303.
22. *Даниелян Н.В.* Рационально-нравственный подход в политической философии Н.М. Карамзина: размышления над первым томом «Истории государства Российского» // *Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения* / *Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева*. М.: Аквилон, 2016. С. 295–306.

23. *Дворниченко А.Ю.* Н.М. Карамзин и Н.А. Полевой о древнерусской государственности // Труды кафедры истории России с древнейших времён до XX века / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2012. Т. 3. С. 124–142.
24. *Джаббаров Р.Р.* Пётр Великий в консервативной мысли России первой четверти XIX в. // Шаг в науку – 2018: сборник статей победителей конкурса грантов научно-исследовательских работ студентов, аспирантов и молодых учёных. М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2018. С. 36–44.
25. *Джаббаров Р.Р.* Пётр Великий в оценке Н.М. Карамзина // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 98–108.
26. *Егерёва Т.А.* Тема творческого бессмертия в лирике Н.М. Карамзина 1790-х годов // Acta eruditorum. 2018. Вып. 25. С. 27–29.
27. *Егоров Б.Ф.* Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина // Из истории русской культуры. Т. 5 / Сост. Б.Ф. Егоров, А.Д. Кошелев. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 480–491.
28. *Ермашов Д.В., Шириняц А.А.* «Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой»: политический консерватизм Н.М. Карамзина // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 225–247.
29. *Ермолаева М.А., Бакун Д.Н.* История книжной культуры в контексте исторического знания: некоторые особенности формирования и развития // Люди и тексты. Исторический альманах. 2013. № 3. С. 227–242.
30. *Жданов С.С.* Идиллический образ Германии в русском сентиментализме рубежа XVIII–XIX веков (на материале произведений Н.М. Карамзина и Ф.П. Лубяновского) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 53–66.
31. *Жукова О.А.* Н.М. Карамзин: философский профиль российской истории // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня

- рождения / *Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева.* М.: Аквилон, 2016. С. 20–42.
32. *Жукова О.А.* Читая Карамзина: философские вопросы российской истории // *Вопросы философии.* 2016. № 12. С. 111–116.
33. *Заболотная А.С.* Консервативная идеология в России начала XIX века: попытки определения идеала государственной власти // *Гуманитарные и социальные науки.* 2008. № 3. С. 20–27.
34. *Заболотная А.С.* Охранительная идеология Н.М. Карамзина как основание политической науки в России // *Северо-Восточный научный журнал.* 2011. № 1. С. 47–49.
35. *Захаров Н.В.* У истоков шекспиризма в России: Н.М. Карамзин, А.А. Петров и Я.М.Р. Ленц // *Знание. Понимание. Умение.* 2009. № 3. С. 119–129.
36. *Ившин В.С.* Социокультурный конфликт: борьба с галломанией и генезис русского консерватизма // *Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир: материалы Всероссийской молодёжной научной конференции.* Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. С. 179–185.
37. *Кантор В.К.* Карамзин, или Сотворение европейской России // *Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения /* *Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева.* М.: Аквилон, 2016. С. 211–224.
38. *Кантор В.К.* Карамзин: самопознание, или Сотворение европейской России // *Вопросы философии.* 2016. № 12. С. 123–128.
39. *Кара-Мурза А.А.* Был ли Карамзин либералом? (к 250-летию со дня рождения) // *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований.* 2016. № 3. С. 252–257.
40. *Кара-Мурза А.А.* Загадка «Тартюфа». Неизвестные страницы европейского путешествия Н.М. Карамзина (1789–1790) // *Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения /* *Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева.* М.: Аквилон, 2016. С. 361–375.

41. *Кара-Мурза А.А.* Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // *Филология: научные исследования.* 2016. № 1 (21). С. 101–106.
42. *Кара-Мурза А.А.* Николай Михайлович Карамзин: между либерализмом и консерватизмом. Юбилейные заметки // *Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения /* *Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева.* М.: Аквилон, 2016. С. 9–20.
43. *Кара-Мурза А.А.* Тяжба о Карамзине: юбилейные заметки // *Вопросы философии.* 2016. № 12. С. 106–110.
44. *Кара-Мурза А.А.* Философские дилеммы «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина // *Философские науки.* 2016. № 11. С. 59–68.
45. *Кара-Мурза А.А., Прохорова И.Е., Жукова О.А., Щедрина Т.Г., Пружинин Б.И.* Князь Пётр Андреевич Вяземский и исторические судьбы России (к 225-летию со дня рождения). Материалы международной научной конференции // *Вопросы философии.* 2018. № 3. С. 5–32.
46. *Киселёва И.А.* «Время заглянуть нам в свою национальную сокровищницу...»: к вопросу о ценностном аспекте звучания русской речи // *Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность.* Сб. науч. тр. Вып. IV. Итоги международной научной конференции, посвящённой памяти д.ф.н., профессора Войловой К.А. (г. Москва, 25 февраля 2016 г.). М.: Информационно-издательское управление МГОУ, 2016. С. 106–110.
47. *Киселёва М.С.* От В.Н. Татищева к Н.М. Карамзину: интеллектуальная история и история интеллектуалов // *Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения /* *Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева.* М.: Аквилон, 2016. С. 177–197.
48. *Кислягина Л.Г.* Н.М. Карамзин как явление европейской культуры эпохи Просвещения // *Человек эпохи Просвещения.* М.: Наука, 1999. С. 48–61.



49. *Китаев В.А.* К спорам о консерватизме Карамзина (А.Н. Пыпин и его оппоненты) // XIX век: пути русской мысли. Научные труды. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2008. С. 29–44.
50. *Китаев В.А.* Карамзин – консерватор // XIX век: пути русской мысли. Научные труды. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2008. С. 7–44.
51. *Климов Е.В.* К вопросу о продолжительности и периодизации христианизации Древней Руси // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16 (154). С. 117–122.
52. *Кожурин А.Я.* У истоков Русского консерватизма (А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин и Н.М. Карамзин) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 4. С. 127–141.
53. *Кочеткова Н.Д.* Н.М. Карамзин и Просвещение // Историко-литературный журнал. 2016. № 4. С. 7–18.
54. *Кувшинова Н.В.* Карамзин Н.М. о свободе в гражданском обществе // Система ценностей современного общества. 2011. № 17–1. С. 233–238.
55. *Кузьмина Р.В.* Первые шаги Н.М. Карамзина в искусстве перевода (на примере трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь») // Известия вузов. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 7 (3). С. 204–211.
56. *Куражова И.В.* Отражение национальных образов мира в произведении Н.М. Карамзина «Письма русского путешественника»: Англия и англичане // Известия вузов. Серия: Гуманитарные науки. 2016. 7 (3). С. 178–181.
57. *Лазарев В.В.* Поэзия Вяземского на пути к постижению непознаваемого // Философия и культура. 2017. № 6. С. 90–109.
58. *Лазареску О.Г.* Художественное и публицистическое в американском дневнике П.П. Свиньина // Libri Magistri. 2018. № 5. С. 8–14.
59. *Лайко Л.Е.* Философия истории Н.М. Карамзина // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2016. № 2 (6). С. 39.
60. *Леманн-Карли Г., Алексеева Н.Ю.* Я.М.Р. Ленц и Н.М. Карамзин // XVIII век / Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. М.: Наука, 1996. Т. 20. С. 144–156.

61. *Летняков Д.Э.* Н.М. Карамзин и зарождение националистического дискурса в России // История философии. 2016. Т. 21. № 1. С. 74–86.
62. *Локтионов М.В.* Неформальные сообщества – ключ к российской истории // Полилог. 2018. Т. 2. № 1. С. 4.
63. *Лубков А.В.* Консервативно-либеральная традиция в России: эволюция идеи и содержания. Карамзин – Чаадаев – Катков // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 2. С. 16–23.
64. *Лупарева Н.Н.* История России как консервативный проект: Н.М. Карамзин и С.Н. Глинка // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 63–70.
65. *Люсый А.П.* Николай Карамзин и просвещенческие истоки московского текста // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 275–294.
66. *Маджаров А.С.* Н.М. Карамзин о нравственном начале и Провидении в русской истории и историографии. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 16. С. 40–47.
67. *Маджаров А.С.* Освальд Шпенглер и русская историография XIX в. о специфике (псевдоморфозе) русской истории // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 1 (2). С. 176–187.
68. *Медведев В.А.* Н.М. Карамзин о формах общественно-политического устройства // Вопросы Российской и всемирной истории. Материалы межвузовской V научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы российской истории в вузовском и школьном курсах». Арзамас: АГПИ, 2002. С. 44–50.
69. *Межуев В.М.* Два лика русского консерватизма // Философские науки. 2016. № 11. С. 12–23.
70. *Межуев В.М.* Н.М. Карамзин и П.Я. Чаадаев: два подхода к российской истории – историографический и историософский // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и

- сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 115–134.
71. *Мещерякова А.О.* Грани консервативного патриотизма: Н.М. Карамзин и Ф.В. Ростопчин // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 71–80.
72. *Милюков П., Кирпичников А.* Карамзин Николай Михайлович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1893. Т. XIV. С. 440–447.
73. *Минаков А.Ю.* Истоки и зарождение русского консерватизма // Консерватизм в России и Германии: опыт интернационального диалога. Сб. науч. тр. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2012. С. 7–15.
74. *Минаков А.Ю.* Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX века в России // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 12. С. 12–17.
75. *Минаков А.Ю.* Консервативная «русская партия» начала XIX века // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 43–58.
76. *Минаков А.Ю.* Русские консерваторы в поисках «русской формулы» // Альманах. 2015. № 1. С. 33–41.
77. *Мощелков Е.Н.* Великие русские историки о проблеме «Россия – Европа» (В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4 (57). С. 173–180.
78. *Наумова Г.Р.* Российская государственность: пути изучения // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 5 (107). С. 26–34.
79. *Невзорова И.В.* Исторический путь России в работах историков XIX века // Россия в условиях кризисов XIX–XX веков. Сб. ст. Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы / Науч. ред. Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург: Оренбург. гос. пед. ун-т, 2017. С. 97–101.
80. *Никонов В.А.* Карамзин как респектабельный консерватор // Родина. 2012. № 2. С. 2–5.

81. *Новак А.* Ян Потоцкий, Тадеуш Чацкий, Николай Карамзин и другие: размышления о политическом и идейном контексте Польско-русского научного сотрудничества в первой четверти XIX в. // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. / Отв. ред. В.К. Волков. М.: Индрик, 2003. С. 71–90.
82. *Ольхов П.А.* История как открытое целое: метафизика тона Н.М. Карамзина // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 148–165.
83. *Ольхов П.А.* Социальная аксиология Н.Н. Стрехова // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2010. № 14 (85). С. 325–330.
84. *Омелаенко В.В.* «Философия российской истории Н.М. Карамзина». Всемирный день философии. Международная научная конференция. Москва, Институт философии РАН, 17–18 ноября 2016 г. // Философские науки. 2016. № 11. С. 154–157.
85. *Онишко К.А.* Первые русские некрологи: герои и контексты // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1 (170). С. 83–87.
86. *Пентегова А.В.* Русско-турецкие отношения в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 361–375.
87. *Перевалов В.П.* «Сердечная приверженность» и «глубоко оскорблённое честолюбие» (к истории отношений между Карамзиным и Пушкиным в 1818–1820 гг.) // Litera. 2017. № 2. С. 74–106.
88. *Перевалов В.П.* История в образах «Станционного смотрителя» А.С. Пушкина // Litera. 2015. № 3. С. 1–61.
89. *Пивоваров Ю.С.* Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Человек: образ и сущность. 2002. № 1 (13). С. 45–56.

90. *Пивоваров Ю.С.* Время Н.М. Карамзина и «Записка о древней и новой России» // *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 3–15.
91. *Полежаева Т.В.* «Сей старец дорог нам...»: к вопросу о политическом поведении А.С. Шишкова // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2014. № 3 (29). С. 116–122.
92. *Просыпкина В.О.* Культурное пространство в контексте слуховых ощущений (на примере «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина) // *Вече.* 2016. № 28. С. 223–234.
93. *Прохорова И.Е.* «Наука жить» в письмах Н.М. Карамзина и П.А. Вяземского 1821 г. // *Новый филологический вестник.* 2019. № 1 (48). С. 82–95.
94. *Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г.* Николай Михайлович Карамзин: формы исторического признания // *Вопросы философии.* 2016. № 12. С. 134–139.
95. *Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г.* У истоков русского консерватизма: формы признания Николая Михайловича Карамзина // *Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения /* *Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева.* М.: Аквилон, 2016. С. 135–147.
96. *Розин В.М.* Осмысление Ф.М. Достоевским в «Дневниках писателя» миссии России и её отношения к Европе // *Культура и искусство.* 2017. № 9. С. 37–52.
97. *Рудковская И.Е.* Н.М. Карамзин и Англо-шотландская историографическая традиция второй половины XVIII в. // *Вестник Томского государственного университета.* 2004. № 281. С. 142–148.
98. *Рудковская И.Е.* Н.М. Карамзин и П.Я. Чаадаев: историографическое и историософское наследие в контексте проблемы вызова и ответа // *Вестник Томского государственного университета.* 2013. № 369. С. 88–95.
99. *Савко И.А.* Литературно-просветительская риторика карамзинской эпохи // *Известия высших учебных заведений. Уральский регион.* 2014. № 2. С. 86–89.

100. *Сапченко Л.А.* Великая дружба (И.И. Дмитриев и Н.М. Карамзин) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Межвузовский сборник научных трудов, посвящённый памяти профессора, кандидата филологических наук Наталии Аркадьевны Буранок. СПб., Самара: ООО «Научно-технический центр», 2019. С. 89–98.
101. *Сапченко Л.А.* Иностраные рецензии на «Историю государства Российского» в восприятии Н.М. Карамзина // Текст. Книга. Книгоиздание. 2019. № 19. С. 48–61.
102. *Сапченко Л.А.* Н.М. Карамзин: мысли о любви // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 251–260.
103. *Сапченко Л.А.* Письма Н.М. Карамзина к Е.Ф. Муравьёвой // Михаил Муравьёв и его время. Сборник статей и материалов Пятой Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. И.В. Завьяловой, А.Н. Пашкурова, А.Ф. Галимуллиной. Казань: РИЦ, 2015. С. 34–39.
104. *Сараева Е.Л.* Н.М. Карамзин о сохранении национальной идентичности русского народа в условиях дихотомии Россия – Запад // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 265–273.
105. *Свердлов М.Б.* Переключка идей в эпоху реформ: Н.М. Карамзин и И.Г. Фихте // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1. С. 33–44.
106. *Сиземская И.Н.* Н.М. Карамзин: у истоков отечественной философии истории // Философские науки. 2016. № 11. С. 8–11.
107. *Сиземская И.Н.* О творческом наследии Н.М. Карамзина и философском взгляде на историю // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 166–176.
108. *Симонов Р.А.* Н.М. Карамзин как историк математики // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 1 (9). С. 327–336.
109. *Сосенков Ф.С.* Проблема государственного единства в политико-правовых воззрениях М.Н. Карамзина // Исторические, философские, политические и

- юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57): в 2 ч. Ч. II. С. 165–166.
110. *Спирова Э.М.* Философские предпосылки сентиментализма // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 65–87.
111. *Стенник Ю.В.* Идея «Древней» и «Новой» России в общественно-исторической и литературной мысли конца XVIII – 1-й четверти XIX века // Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв.). Вып. 3. СПб.: Наука, 2001. С. 110–154.
112. *Сутырин Б.А.* Н.М. Карамзин и его записка «О древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях» в контексте российской историографии (материалы к лекции) // Вопросы всеобщей истории. 2009. № 11. С. 130–138.
113. *Сухов А.Д.* Философствующий Н.М. Карамзин // Философия и культура. 2014. № 5. С. 687–696.
114. *Сучков И.В.* Н.М. Карамзин о науке, искусстве и Просвещении // Вопросы отечественной истории и историографии. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 10 / Отв. ред. И.В. Сучков. М.: МГТУ им. М.А. Шолохова, 2007. С. 97–106.
115. *Умбрашко К.Б.* «Карамзин был Россия...» Споры вокруг биографии Н.М. Карамзина в столице и в провинции // Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской научной конференции (г. Пенза, 25–29 июня 1995 г.). Пенза: Департамент культуры Пензенской области, 1996. С. 171–183.
116. *Фаттахова А.И.* Литературно-критическая деятельность Н.М. Карамзина // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 5 (21). С. 505–508.

117. *Фролова Е.А.* Консервативная политико-правовая идеология: история и современность // *Право и государство: теория и практика*. 2017. № 4 (148). С. 69–73.
118. *Холмогоров Е.С.* Конституция старого народа. Историко-политическая концепция Карамзина // *Тетради по консерватизму*. 2016. № 4. С. 96–108.
119. *Чэнь Янян.* Философский сюжет «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина: движение мысли – движение повествования // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2018. № 1 (31). С. 10–15.
120. *Шарова В.Л.* «Для существа нравственного нет блага без свободы...» Н.М. Карамзин об индивидуальной и интеллектуальной свободе // *Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения /* *Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурза, В.Л. Шарова, А.Ф. Яковлева. М.: Аквилон, 2016. С. 323–337.*
121. *Шириняни А.А., Ермашов Д.В.* «Хранительство» Н.М. Карамзина // *Тетради по консерватизму*. 2016. № 4. С. 11–28.
122. *Шмидт С.О.* «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // *Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Книга, 1988. Кн. 4. С. 28–43.*
123. *Шмидт С.О.* Н.М. Карамзин и его «История государства Российского» // *Карамзин Н.М. Об истории государства Российского. М.: Просвещение, 1990. С. 324–364.*
124. *Шмидт С.О.* Николай Михайлович Карамзин // *Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Т. 1: Отечественная история /* *Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.Т. Мильская. М., Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 25–37.*
125. *Щербатова И.Ф.* Выбор Н.М. Карамзина: от масонской антропологии и европейского гуманизма к провиденциализму и нравственной свободе // *Vox. Философский журнал*. 2017. № 23. С. 89–113. URL: <https://vox-journal.org/content/Vox%2023/Vox23-Shcherbatova.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).



126. *Щербатова И.Ф.* Истоки гуманизма в мировоззрении Н.М. Карамзина // История в подробностях. 2016. № 11–12 (77–78). С. 6–15.
127. *Южанинова Е.Ф.* Британские мыслители XVIII в. и Н.М. Карамзин: опыт историко-философского осмысления // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 230–232.
128. *Яковлев А.И.* Святитель Филарет (Дроздов) и Н.М. Карамзин // Филаретовский альманах. Вып. 2. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. С. 105–142.

### **Интернет-источники:**

1. *Карташёв А.В.* Воссоздание святой Руси. URL: [http://azbyka.ru/otechnik/Anton\\_Kartashev/vossozdanie-sv-rusi/5](http://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vossozdanie-sv-rusi/5). (дата обращения: 15.01.2023).
2. *Лотман Ю.М.* Колумб русской истории. URL: [https://rvb.ru/18vek/karamzin/4igr/03articles/1\\_lotman.htm](https://rvb.ru/18vek/karamzin/4igr/03articles/1_lotman.htm) (дата обращения: 15.01.2023).
3. Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения: 15.01.2023).
4. Проект «Блестящий сын золотого века. Н.М. Карамзин и его эпоха». URL: <http://karamzin.rusarchives.ru> (дата обращения: 15.01.2023).
5. Проф., д.ф.н. Длугач Т.Б. о Просвещении. Видеозапись лекций. URL: [https://iphras.ru/dlugach\\_2010.htm](https://iphras.ru/dlugach_2010.htm) (дата обращения: 15.01.2023).
6. *Шириняни А.А., Ермашов Д.В.* Мировоззрение Н.М. Карамзина в контексте консервативной традиции. Статьи с первой по четвёртую. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41263.php> (дата обращения: 15.01.2023).